

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 30 ИЮЛЬ 1981

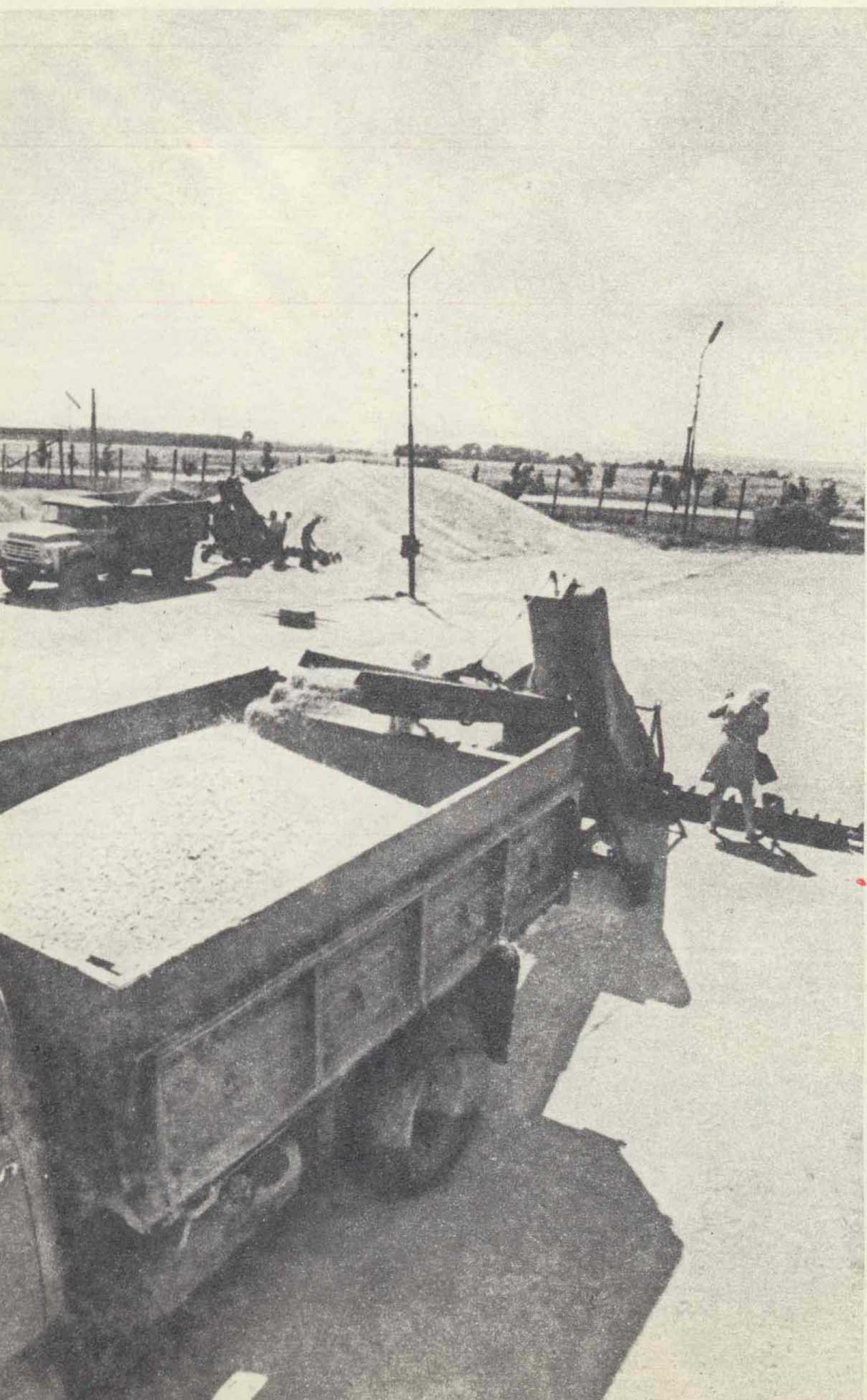
Алексей Костров рисует новую звездочку на комбайне.

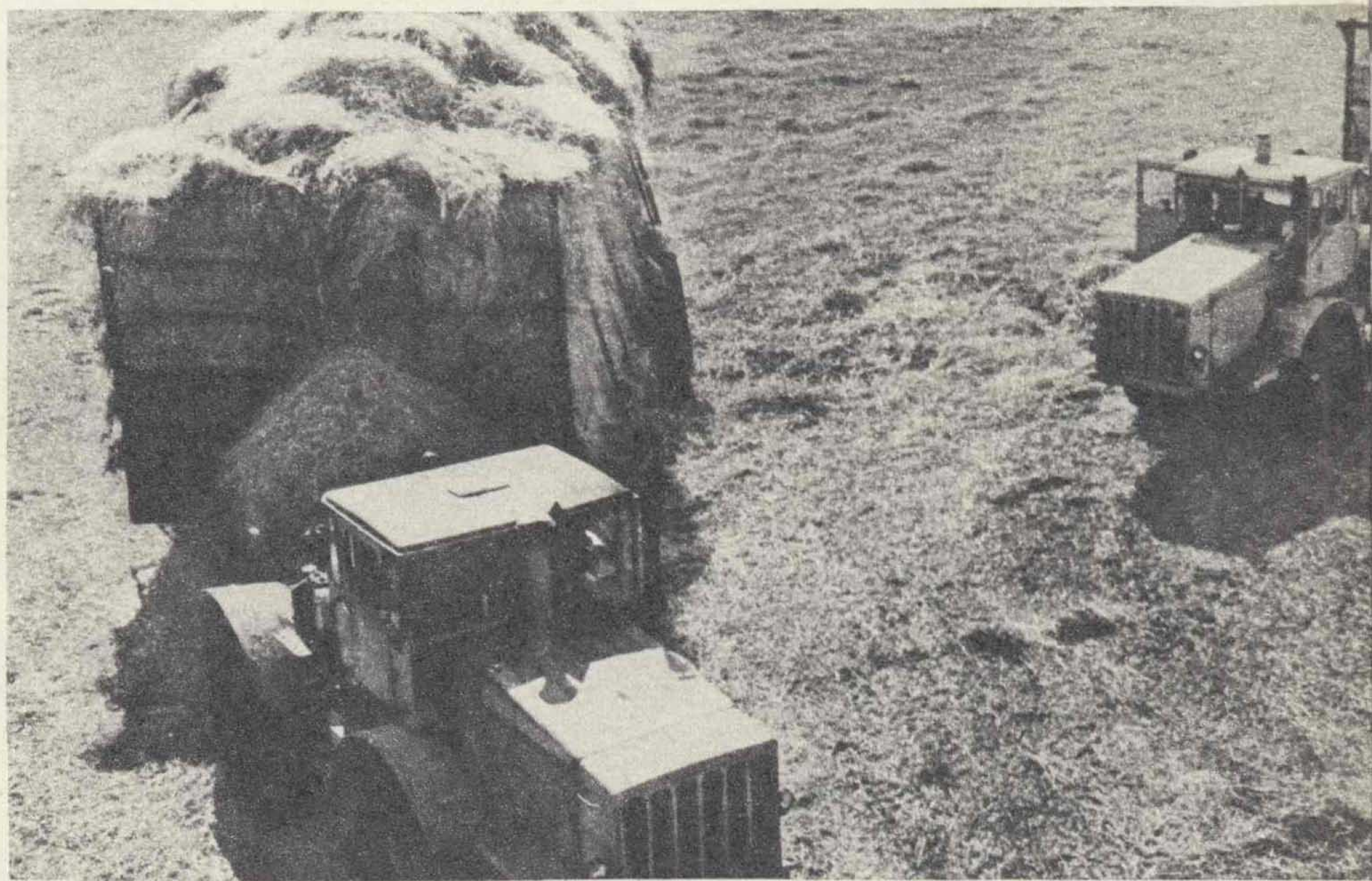
Ставропольская степь в июле...

СТАВРОПОЛЬСКИЙ

Центральный ток в Григориполисской.

Стоговозы колхоза «Россия»

Несколько минут отдыха...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 30 (2819)

25 ИЮЛЯ 1981

урожай-81

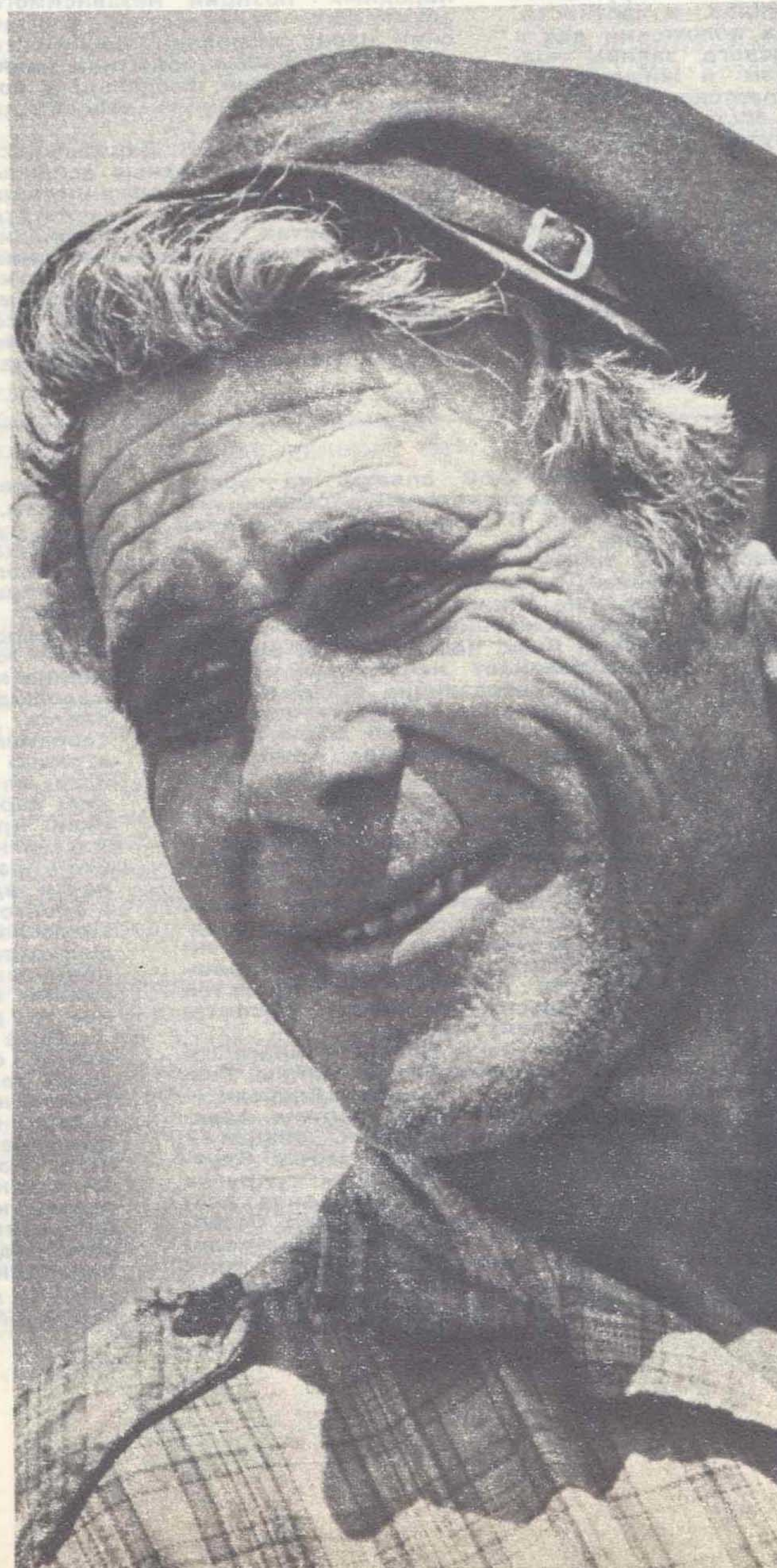
ХЛЕБ

Николай БЫКОВ,
Борис КУЗЬМИН,
специальные корреспонденты «Огонька»

Двадцать восемь раз убирал хлеб Иван Михайлович Асеев.

Станичники Григориполисской и всегда-то пробуждаются рано, а нынче солнце еще только закипало за садами, а уж разноцветные «Жигули» и редкие мотоциклы заспешили в степь. Светлая машина с государственным номером 31-60 ССИ обошла на дистанции клубящийся шлейф пыли, полетела по желтой от абрикосов армавирской дороге и скрылась за поворотом; там, сменив кукурузные карты, тяжким золотом лежали в напряженном покое поля озимой пшеницы: № 15, 14, 13, 12... Светлые «Жигули» затихли в лесополосе у передвижного стана так называемого уборочно-транспортного комплекса № 2. Супруги Погребные — Николай и Галя — прибыли на подбор валков. Их ждал, весь в легкой серебряной росе, знакомый до болтика, до каждой вмятины, комбайн № 17. На буром от пыли бункере — четыре звездочки... Пока четыре. Галя переоделась в вагончике и приступила к обязанностям помощника Николая, то бишь комбайнера. Николай скинул рубашку, тоже переоделся во все рабочее, поднялся на мостик, скрылся в остекленной кабине: «Поторапливайся!» Жена, легкая и быстрая молодая женщина, счастливо улыбнулась: «Реванш за домашнее повиновение...»

Их машина первой выкатила к полю № 13. Солнце поднималось быстро, белесое, сразу жаркое. Но желанное, потому что дни мучительных простоев из-за неурочных дождей предельно утяжелили атмосферу в степи.

Лозунги на вагончике и на столовой — то и другое на колесах — неумолимо били по глазам: «Коллектив комплекса № 2 обязуется скосить на свал озимые на 3666 га за три дня». Свалили. Валить не молотить. И тут же: «Обязуемся подобрать и обмолотить валки за 9 рабочих дней!» Девять — мечта, девять — проблема. В эти страдные девять дней, разумеется, не входят дни, когда лил дождь и когда лежали под волглым западным ветром поля с быстро темнеющими, неподъемными валками. Девять рабочих дней можно и за полмесяца, за месяц не набрать — случалось такое в прошлом. Вот что мучает всю Григориполисскую — от мала до велика.

Взять хлеб, взять побыстрее, до зерна! Мысль эта, одна на всех, и поднимает, конечно, но и напряжение создает высокое — выше некуда. Казалось бы, все продумали заранее: по-ипатовски, как прославленные земляки, отработали технологическую модель страды. Нынче в запевалах уборочных новшеств — новоалександровцы, в частности хлеборобы Григориполисской, труженики прославленного колхоза «Россия»!.. Всю армию механизаторов разделили на три уборочно-транспортных комплекса. Им придали все вспомогательные техническе и прочие средства: летучки, сварочные агрегаты, медпункты, передвижные кухни, автолавки. Все это с доставкой в поле. Живут многие рядом с полем, в палатках. Тут же собственное прекрасное изобретение — душ на колесах! В палатках остаются иногда даже «семейные агрегаты», точнее бы называть их экипажами. Ночевать в степи привыкли быстро, да и нужда в погожие сутки заставляет. Спать-то особенно некогда.

Нового на полях колхоза «Россия» много. Чтобы не по сменам работать — в напряженные дни и часы это очень и очень нелегко,— на комбайны ставят по три человека: комбайнеру можно часа два в течение смены отдохнуть в тени абрикосов, охолонуть, перемочь дрему и — снова за руль...

Беда с дождями; короткие, они взламывают самые прочные, отработанные перед жатвой графики. Небо живет по иным законам, чем земля. Небо с земным не считается. Мокрые, без того тяжелые валки весомого урожая лежат и в солнечные дни, ждут от людей некоего разумного решения... В григориполисском

Перед началом беседы. Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Б. КАРМАЛЕМ

17 июля в Крыму состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК НДПА, Председателем Революционного совета ДРА Б. Кармалем, прибывшим в Советский Союз на отдых.

Л. И. Брежнев охарактеризовал современную международную обстановку, значительно осложнившуюся в последнее время из-за действий империалистических кругов, прежде всего США. Этими кругами проводится авантюристическая линия на подрыв разрядки, раздувание милитаристского угара и наращивание гонки вооружений. Тов. Л. И. Брежнев, в частности, остановился на положении дел в районе Персидского залива, подчеркнув реализм и жизненность предложений Советского Союза по нормализации обстановки в этом районе, выдвинутых на XXVI съезде КПСС.

Б. Кармаль рассказал о развитии апрельской революции в Афганистане, о важном значении недавно созданного в стране Национального отечественного фронта, об успехах афганских вооруженных сил в борьбе с засылаемыми извне бандитскими формированиями, об укреплении международных позиций независимого афганского государства. Афганский народ исполнен решимости дать отпор любым попыткам навязать ему старые феодальные порядки и перечеркнуть завоевания революции.

Л. И. Брежнев и Б. Кармаль рассмотрели международные аспекты положения вокруг Афганистана. Они отметили, что в результате вмешательства ряда империалистических стран, гегемонистских сил и их союзников дело политического урегулирования проблем, связанных с Афганистаном, все еще не встало на практические рельсы. Между тем урегулирование возможно, и хорошей основой для него могли бы служить известные предложения Советского Союза и Демократической Республики Афганистан.

Участники беседы выразили удовлетворение тем, что дружба, сотрудничество и интернациональная солидарность Советского Союза и Афганистана продолжают укрепляться на благо народов обеих стран, в интересах упрочения мира в регионе и международной безопасности в целом.

Встреча Л. И. Брежнева и Б. Кармаля прошла в обстановке сердечности, дружбы и полного взаимопонимания.

колхозе «Россия» инженерная служба, не без помощи мудрых умельцев, додумалась до пневмовил, или воздушных граблей! Опрыскиватель здесь переоборудовали в оригинальный аэроподъемник: наварили строго направленное сопло, и струя воздуха стала нежно, настойчиво приподнимать, перекладывать валки, устраивая их повыше на стерню. Бежит колесник опытного Николая Ивановича Кривицкого вдоль прибитых дождями к земле, распластанных валков, а следом — те же валки. Но теперь ожившие, взбодренные теплым воздухом, перекинутые на место повыше и посуше. Такие подобрать куда легче...

Ох, и велик он, ставропольский гон! Гон — одна проходка комбайна. От одной лесополосы до другой, от акации до абрикосов... Вдоль скошенного хлеба. Поле № 13 — триста гектаров. Придорожный торец — тысяча метров. Значит, гон — это три тысячи метров. Три километра. Идут комбайны, им тяжело, особенно, если валки сдвоены. Подъемы, пологие спуски, снова подъемы, невеликие, степные, но их приходится одолевать на полном газу. Вот почему ждут здесь вместо «Колоса» новинку «Дон-1500». Вот то, рассказывают, агрегат...

Пока комбайнеры обмолачивают пшеницу, выездная группа счетных работников тут же, в вагончике на передвижном стане, подсчитывает, кто сколько наработал, кому какую по счету звездочку на бункере пририсовать. Заполняют «Книжки комбайнеров», оригинальные трудовые паспорта. Тоже новинка. Ежевечерне человек, как бы ни притомился, заглядывает в свою, как тут шутят, «сберкнижку». Там не только гектары проставлены, но и рубли. А это вдохновляет. Или обязывает. Большинство механизаторов, в частности комбайнеров, заработали за июнь и за июль по четыреста, а то и по пятьсот рублей. Дело в том, что размеры дополнительной оплаты на время страды в колхозе пересмотрели в сторону заметного увеличения. В среднем за летний день на жатве, даже считая дни, пропавшие из-за дождя, здесь теперь зарабатывают не менее тридцати рублей, а более — очень часто.

Кстати, в той же «Книжке комбайнера» есть и талоны предупреждения. Их отрезают, как только обнаружат брак, недопустимую ошибку. Потеря талона означает неизбежный вычет, весьма ощутимый. Безразличие к судьбе хлеба, к жизни поля считают самым тяжким грехом в станице Григорипольсской. Было приятно узнать, что новое, значительно помолодевшее руководство передового колхоза «Россия» с настойчивостью, достойной восхищения, проводит в жизнь единую для всех станичников линию: бесхозность аморальна и убыточна. Человек нравственный проявляется прежде всего как хозяин. Станице, земле — всему тому, что называется колхозом. Твоим, нашим. По этой части многое делают и председатель Вольдемар Францевич Врана, и секретарь парткома Виктор Григорьевич Мирошниченко, и все сто пятьдесят специалистов колхоза. Сто пятьдесят — и каждый воспитатель. Так дело поставил партком.

...Вот и показались из-за расплавленного горизонта миражно наплывающие комбайны. Возвращались журавлиным клином. Впереди — с алым вымпелом — комбайн Валентина Алексеева. У него уже семь звездочек, каждая — тысяча центнеров намолоченного зерна! Идут-наплывают один за другим комбайны: супругов Погребных, следом Ивана Михайловича Асеева — это его двадцать восьмая жатва. Оставленные ими копны тут же свозят на угол поля, завтра всю солому — четыреста пятьдесят тонн на поле — сверхмощные стоговозы, влекомые К-700 (изобретение все тех же колхозных инженеров и механизаторов), перетаскают к фермам, на комбикормовый завод, а поле № 13 будет заправлено удобрениями и тут же перепахано. В этом еще одна новинка жатвы: технологическое объединение уборочных и сопутствующих работ.

...Вот и пройден — три тысячи метров — ставропольский гон. Автомашины с наращенными бортами, минуя кухню, отвозят хлеб на мощно механизированный ток. На току так же малолюдно, как и на поле № 13, где все делается стремительно, почти механически, посовременному в комплексе. Да, жатва, как ни странно на посторонний взгляд, малолюдна. Зато машины снуют самого разного назначения: аэровилы, стоговозы, тракторы с плугами ради противопожарных мер; комбайны; автомастерские и автомагазины... В поле только те, кто управляет техникой. Да и в колхозе теперь почти вдвое меньше рук, чем было некогда, а энерговооруженность каждого из оставшихся возросла за пятнадцать лет в пять раз! И каждый оставшийся за год на той же отцовской прикубанской земле теперь производит продукции почти на шесть тысяч рублей, более чем в два раза...

...Поле № 13 освободили от бремени урожая. Кто-то сказал счастливым, сорвавшимся на ветру голосом: «Бери шинель, пошли домой!..» Домой нельзя — это лишь победная присказка, а быль в том, что комбайны второго комплекса на хорошей скорости побежали к соседнему полю — через лесополосу. И открылась им пшеничная степь под солнцем, и властно позвал к жаркому окоему новый гон, звенящий невидимой струной предельного напряжения. Подолгу в небе солнце — огненный вымпел, один на всех.

Пусть обойдут в страду поле дождевые тучи, будем ждать возвращения комбайнеров!..

ФОРУМ ПОЛЬСКИХ КОММУНИСТОВ

Во время открытия съезда. Телефото ЦАФ — ТАСС

14—20 июля в Варшаве состоялся IX чрезвычайный съезд Польской объединенной рабочей партии. В его работе приняли участие 1964 делегата, а также ветераны польского рабочего движения, представители массовых и общественных организаций.

Среди гостей съезда находились делегации коммунистических и рабочих партий социалистических стран: Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Румынии, Советского Союза, Чехословакии, Югославии. Делегацию Коммунистической партии Советского Союза возглавлял член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин. В состав делегации входили кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Белоруссии Т. Я. Киселев, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, посол СССР в ПНР Б. И. Аристов.

С отчетным докладом Центрального Комитета IX съезду выступил Первый секретарь ЦК ПОРП С. Каня.

Тепло встреченный съездом с речью выступил глава делегации КПСС В. В. Гришин. У делегатов форума широкий отклик нашли переданные с его трибуны пожелания успешной работы IX чрезвычайному съезду от товарища Л. И. Брежнева, всех советских коммунистов, трудящихся нашей страны.

Делегаты обсудили деятельность ЦК Польской объединенной рабочей партии в период между VIII и IX съездами. Избраны новые руководящие органы партии. Съезд избрал Первым секретарем ЦК ПОРП С. Каню.

Съезд ПОРП утвердил проект устава партии и уполномочил Центральный Комитет подготовить окончательную редакцию устава. Съезд принял постановления «О развитии социалистической демократии и укреплении руководящей роли ПОРП в социалистическом строительстве и стабилизации общественно-экономического положения в стране» и о разработке перспективной программы ПОРП, а также резолюцию к 100-й годовщине польского рабочего движения. Принято обращение IX чрезвычайного съезда ПОРП к польскому народу.

Во время работы съезда делегация КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным побывала на варшавском радиозаводе «Радвар», построенном при техническом содействии Советского Союза, других стран социалистического содружества. Состоялась также встреча делегации КПСС с активистами Общества польско-советской дружбы.

20 июля состоялась встреча Первого секретаря ЦК ПОРП С. Кани и члена Политбюро ЦК ПОРП, Председателя Совета Министров ПНР В. Ярузельского с делегацией КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МГК КПСС В. В. Гришиным. Состоялся обмен мнениями о дальнейшем укреплении сотрудничества между КПСС и ПОРП, Советским Союзом и Польской Народной Республикой, а также по некоторым другим вопросам, представляющим взаимный интерес.

КТО ПООЩРЯЕТ ТЕЛЬ-АВИВ

Сергей ЛОСЕВ

17 июля вошло в трагическую историю Арабского Востока как «кровавая пятница»: в этот день в результате варварской бомбардировки израильскими ВВС густонаселенных кварталов Бейрута погибло 300 человек и было ранено свыше 800 жителей ливанской столицы и палестинцев.

В тот же день в тиши кабинетов посольства США в Лондоне представители Израиля, США и Египта парафировали соглашение о создании так называемых многонациональных сил на Синайском полуострове.

Такое совпадение никак не назовешь случайностью. Ведь соглашение по «многонациональным силам» дает «зеленый свет» наращиванию военного присутствия США на Синае и является продолжением кэмп-дэвидской сделки, которая развязала руки израильским агрессорам для массированных террористических акций против арабских стран, подобных злодейским налетам на Багдад и Бейрут.

Существует незримая, но тесная связь между рейдами израильской военной авиации на соседние арабские страны, всевозрастающими по масштабам и жестокости, и попытками администрации Р. Рейгана вдохнуть жизнь в издыхающий кэмп-дэвидский процесс. Не случайно израильские бомбардировки стали как бы аккомпанементом к апрельской поездке государственного секретаря А. Хейга на Ближний Восток и к нынешним «челночным миссиям» специального представителя президента США Хабиба. Помощник президента США по национальной безопасности Р. Аллен, выдавая, по существу, тайные расчеты инициаторов дипломатии террора и шантажа, выразил надежду, что израильские налеты «окажут воздействие» на те арабские страны, которые упорно отказываются присоединяться к кэмп-дэвидской сделке. «Мы надеемся,— сказал Аллен в интервью журналу «Бизнес уик»,— что изоляции Египта среди арабских стран будет положен конец и другие поймут, насколько целесообразно сесть теперь за стол переговоров» (на условиях агрессора.— **Прим. ред.**).

Гангстерский налет на Бейрут является звеном в длинной цепи преступлений Тель-Авива, прямым соучастником и, по существу, вдохновителем которых являются правящие круги Соединенных Штатов Америки. Для налетов на Бейрут и Багдад Израиль использовал американские самолеты «Ф-16» и «Ф-15». За штурвалами этих самолетов сидели израильские летчики, обученные американскими инструкторами. На арабскую землю летят бомбы американского производства.

Показная отсрочка поставок нескольких американских самолетов Тель-Авиву ничего, по существу, не меняет. Миллиарды долларов и масса новейшего наступательного оружия по-прежнему непрерывной рекой текут с берегов Потомака в Израиль для поддержки агрессии. Только за последние четыре года, по данным бывшего заместителя государственного секретаря Дж. Болла, Вашингтон предоставил израильским милитаристам помощь на сумму свыше 11 миллиардов долларов. Поскольку Израиль, отметил Болл, находится под крылышком США, мир справедливо склоняется к тому, чтобы возложить на США ответственность за израильские агрессивные действия.

Без американских костылей милитаризованная до предела экономика Израиля, хромающая на обе ноги, давно бы рухнула под бременем военных расходов. Вопрос поэтому состоит не в том, располагает ли Вашингтон эффективными рычагами воздействия на режим Бегина. Такие средства в руках США, безусловно, есть, но используются они не для сдерживания, а в целях поощрения агрессии и экспансионизма правящих сионистских кругов Израиля.

Именно после рейда на Багдад США воспрепятствовали принятию против Израиля принудительных санкций, вытекающих из главы VII Устава ООН. Одновременно руководители республиканской администрации подтвердили, что они по-прежнему считают Израиль «основной стратегической опорой» и самым верным союзником США на нефтеносном Ближнем Востоке.

Сразу после создания государства Израиль Бегин руководил операцией по поголовному истреблению населения арабской деревни Дейр-Ясин: более 250 жителей — мужчин, женщин, стариков и детей — были вырезаны его бандой с целью вызвать панику среди арабов и вынудить их на массовое бегство из Палестины. Теперь на посту главы правительства Бегин пускает в ход новейшие боевые самолеты, щедро поставляемые этому профессиональному убийце и фанатику его заокеанскими покровителями.

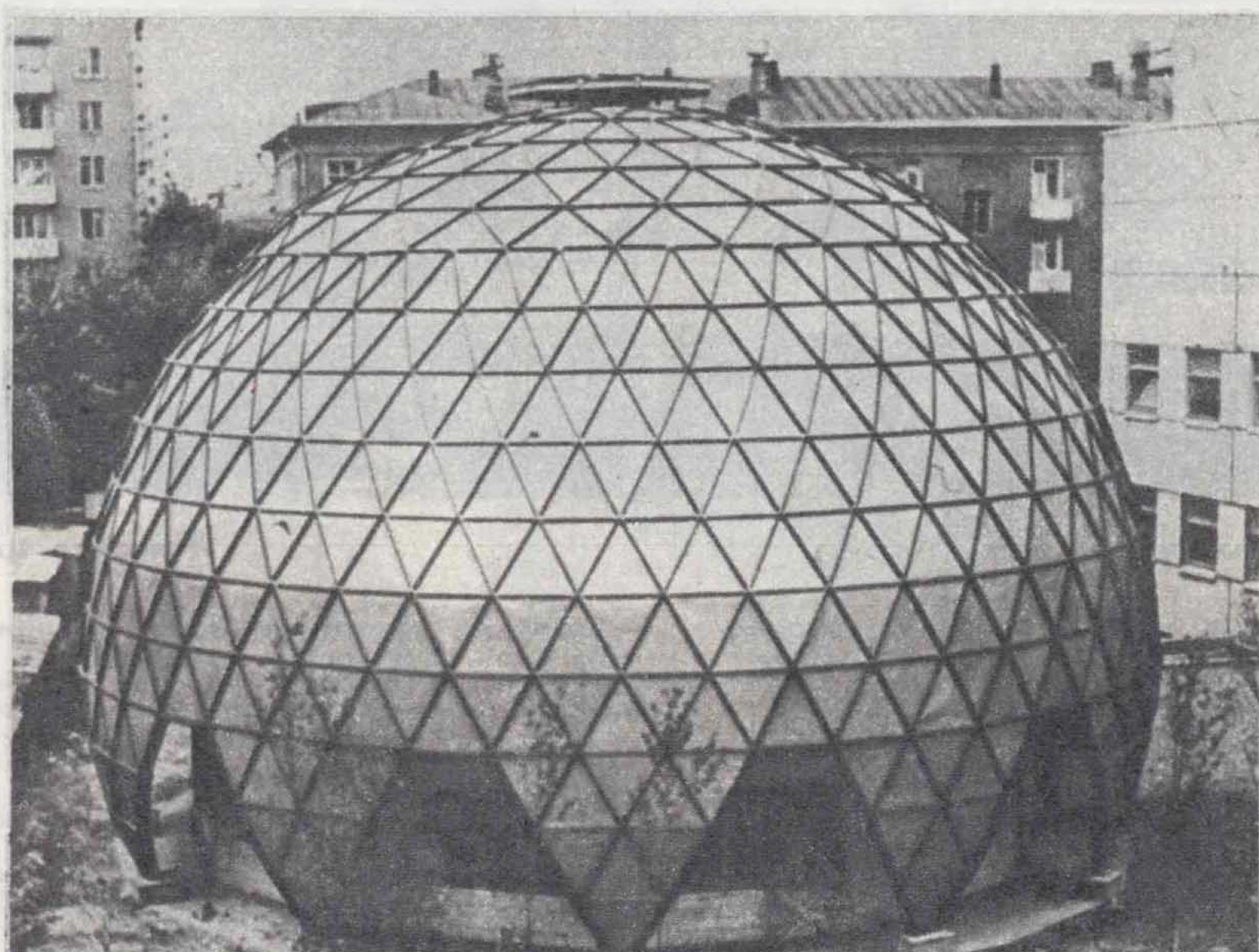
В арабском мире зреет убеждение, что сионистскую агрессию нужно пресекать у ее истоков. Организации, входящие в Палестинское движение сопротивления, в послании главам арабских государств потребовали прекратить поставки нефти и газа в США, изъять арабские вклады из американских банков, изгнать из региона посланника Белого дома Хабиба, приезд которого на Ближний Восток явился прологом новой истребительной войны против арабских народов.

Сознательное провоцирование Израилем вооруженного конфликта на Ближнем Востоке, искры от которого могут разлететься далеко за пределы региона, вызывает осуждение во всем мире. Экстремистские методы Бегина и К° вызывают определенные возражения даже в так называемом «либеральном крыле» сионистского движения. Бывший президент Всемирной сионистской организации Наум Гольдман указывает в еженедельнике «Жён африк», что только новая Женевская конференция по Ближнему Востоку под эгидой ООН может привести к всеобъемлющему мирному урегулированию в регионе. Такое решение, заявляет Н. Гольдман, не может быть обеспечено в рамках кэмп-дэвидских соглашений. Он напоминает, что совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку от 2 октября 1977 года предусматривало созыв такой конференции. «К сожалению, позиция Израиля и произраильского лобби в Вашингтоне вынудила администрацию США отступиться от этого заявления, а поездка Садата в Иерусалим привела к тому, что идея созыва конференции в Женеве была отодвинута на задний план».

Не война, а только политическое урегулирование может обеспечить национальное независимое существование и развитие всех государств и народов Ближнего Востока. Но чтобы подойти к этапу политического урегулирования, нужно прежде всего обуздать израильскую агрессию, сорвать в регионе авантюристические планы милитаристских кругов США, которые беззастенчиво поощряют акты международного бандитизма со стороны своих ставленников.

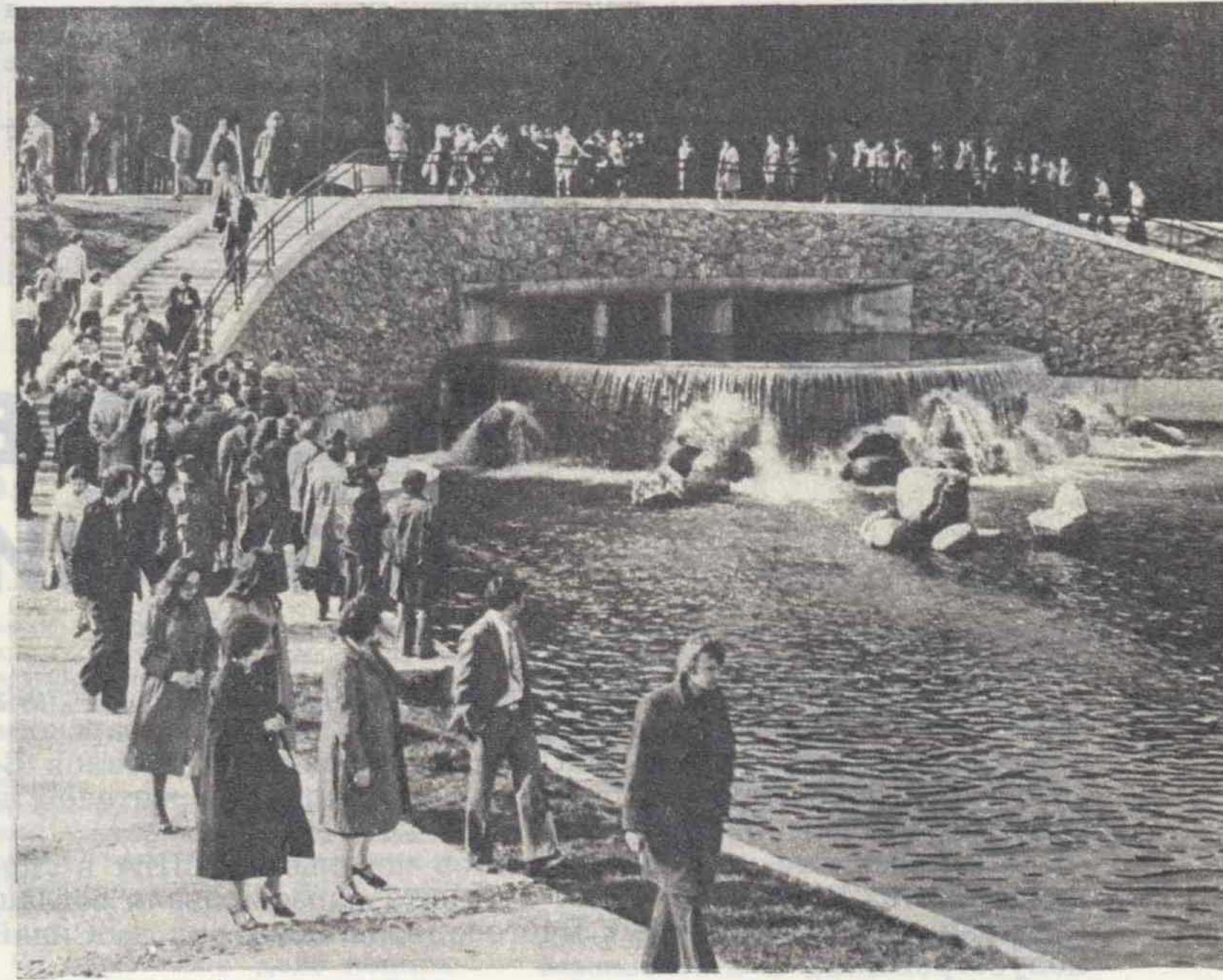
КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

1

2

3

4

•НОВОСТИ•ИНТЕРВЬЮ•РЕПОРТАЖ•

МОСКВА

НЕБОСВОД ПО ЗАКАЗУ 1

Прежде всего на ясное небо подали солнце. Высокое, полное, обжигающее. Потом небосвод слегка разбавили облаками, сначала легкими, потом погуще, затем и вовсе повесили туман. Да и под ногами тоже все менялось: то снег нетронутой белизны, то чернозем, то трава или асфальт...

В Институте строительной физики Госстроя СССР только что введена в действие уникальная установка «искусственный небосвод», предназначенная для проведения светотехнических исследований по естественному, искусственному и архитектурному освещению микрорайонов, кварталов и отдельных сооружений. Под огромным, диаметром 22 метра куполом установлено более полутора тысяч ламп, каждая из которых снабжена светорегулятором. Управление лампами выведено на единый пульт. Отсюда задаются самые различные режимы освещенности, какие бывают в природе, причем в любых географических районах и в любое время суток. Спектральный состав света также подобран «солнечным».

Сами исследуемые макеты, как и положено, находятся на «земной поверхности», на круглой, диаметром около пяти метров платформе, которой при необходимости задается вращение, подобное земному.

Но не только этим воспроизводятся естественные условия. Нужно еще учесть, как отражает солнечный свет земная поверхность, причем различные ее типы. Поэтому ниже прозрачного светорассеивающего покрытия, установленного на уровне «Земли», размещено около четырехсот люминесцентных светильников, также снабженных светорегуляторами. Ими по яркости моделируются снег, трава, земля, песок, асфальт.

Множество световых датчиков размещено в различных точках платформы, внутри макетов. Получаемые данные направляются в измерительный комплекс и далее в ЭВМ, которая выдает общие результаты проводимого эксперимента.

Что и говорить, лабораторная установка вызывает «почтение» масштабами, остроумными решениями — все сводится к максимальному приближению к естественным условиям. Ну, а какая судьба ожидает результаты начавшихся работ? Об этом рассказывает научный руководитель экспериментов, один из основных разработчиков установки, кандидат технических наук Виталий Евдокимович Боленок:

— Главное для нас — это разработка конкретных технических предложений по наиболее полному использованию естественного света при жилищном и промышленном проектировании. Это обстоятельство пока явно недостаточно учитывается. Мы верим, что вслед за нашими экспериментами последуют уточнения, например, по расстановке зданий, по высоте и расположению светопроемов или по установке и устройству светотехнических приборов. Важно также, что наши исследования будут проводиться совместно с работами теплофизиков, акустиков. Так что рекомендации также будут комплексными.

В. ЛЕЙБОВСКИЙ
Фото автора

На снимке: «Искусственный небосвод» в Институте строительной физики.

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

РЕЙСЫ БЕЗ НОМЕРА 2

Билет на самолет без указания аэропорта назначения, без номера рейса. Возможно ли такое? Да, такие билеты существуют. Их можно приобрести за два рубля в кассе аэропорта «Великие Луки». Обладателя билета ждет редкое удовольствие, хорошие впечатления и веселое настроение. В графе билета «От» и «До» написано: «Катание».

Двенадцатиместный «АН-2», так называемый «кукурузник», поднимает пассажиров на высоту птичьего полета и совершает два круга над городом.

...Плавно взлетает самолет. Приникли к иллюминаторам и юные и взрослые пассажиры, замерли от восторга. Внизу развертывается великолепная панорама города и окрестностей. Сначала в салоне тихо, потом раздаются оживленные детские голоса: «Мам, гляди, коровка!.. Наш дом внизу!.. А вон кинотеатр «Спутник»!.. Телевышка!.. Памятник Матросову!..»

С высоты около трехсот метров все представляется крошечным: речка Вскувица, зеленое поле стадиона, белые пятнышки прудов, валы древней крепости с установленным там танком «Т-34», памятник погибшим воинам, поросший зеленью остров на реке Ловать, по которой пролегал в старину знаменитый путь «из варяг в греки».

Развлекательные рейсы хорошо бы дополнил экскурсовод. Туристы и гости узнали бы много интересного. Жителям Великих Лук есть чем гордиться. С их городом связаны такие имена, как М. Мусоргский, А. Пушкин, С. Ковалевская, К. Рокоссовский, А. Матросов, Н. Гастелло, К. Заслонов, и другие.

Проплывающий сейчас под крыльями «АН-2» город в древности называли «оплечьем Новгорода» и «предсердием Москвы» — напоминание о былом стратегическом значении Великих Лук. Миновали столетия, город прирос многоэтажными жилыми домами, клубами, театрами, библиотеками, светлыми зелеными проспектами. Еще можно сказать о том, что продукция предприятий Великих Лук экспортируется в 50 стран мира и что 143 здешним изделиям присвоен государственный Знак качества.

Первые «катания над городом» состоялись в марте нынешнего года, в период школьных каникул. О днях, на которые намечаются воздушные прогулки, горожане узнают из местной газеты и по радио.

Марат ЦЕБОЕВ
Фото автора

На снимке: Перед катанием.

ЕЩЕ ОДНО СЕРДЦЕ 3

«Пословица гласит: «Знать еще один язык — значит иметь еще одно сердце». Я счастлив, что изучаю русский язык, ведь русское сердце — богатое, широкое и гуманное, способное вместить весь мир и даже целый космос». Эти слова написал в своем сочинении на вольную тему юноша из далекой страны Шри Ланка, участник прошедшей в Москве IV Международной олимпиады школьников по русскому языку.

Инициатор проведения олимпиад — Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Свободное владение русской речью, умение вести беседы на заданные темы, глубокое знание различных сторон советской действительности школьниками всех континентов зачастую восхищали самых строгих судей. Олимпиада оставила после себя письменное «наследство» — кипу тетрадей с сочинениями участников. Буй Тху Фыонг Ань родилась и росла во Вьетнаме во время войны. Ее сочинение — страстный призыв к миру, к борьбе за то, чтобы «нигде и никогда не рвались бомбы, снаряды, чтобы не было голода и нищеты, чтобы никто не мог отнять родину, маму, детство и добрый дедушка-солнце улыбался бы всем детям планеты».

Настоящее стихотворение в прозе о любви написала чехословацкая школьница Милана Стухоликова. Работа болгарки Веселы Ионческой «Поезд счастья» вся построена на метафоре. Пятнадцатилетний Вилли Янсен из Голландии готовится к профессии инженера-химика и понимает, что знание языка нашей страны — страны передовой науки — очень пригодится ему в дальнейшей учебе и работе.

Вот что сказал после Олимпиады корреспонденту «Огонька» генеральный секретарь МАПРЯЛ, директор Института русского языка имени Пушкина, член-корреспондент АПН СССР В. Г. Костомаров: «Русский язык шагает по планете. Свидетельство этому — московские международные Олимпиады, участники которых, вернувшись на родину, будут рассказывать сверстникам о Советском Союзе, о его людях. Они будут поддерживать отношения между собой, способствовать укреплению дружбы между народами».

Г. ПОПОВ

На снимке: Юные участники московской Олимпиады в павильоне «Космос» ВДНХ.
Фото А. Козьмина.

МИНСК

ВОДА — К ОТДЫХАЮЩИМ 4

Природа обделила Минск хорошей рекой. А где отдыхать летом, как не на водных просторах?! Естественно, тысячи минчан с наступлением тепла устремляются в свободные часы за город. Теперь этот поток сократится, потому что в городской черте сдана в эксплуатацию первая очередь Слепянской водной системы. По берегам водохранилища сооружаются пляжи, один из участков приспособлен для водного слалома и заменит спортсменам дальние порожистые речки. За пятилетку водная система охватит примерно полгорода. Тут же появятся новые бульвары и скверы, спортивные сооружения, места культурного досуга.

В. ФРЕИДИН

На снимке: Видовая площадка на Цнянском водохранилище Слепянской системы.
Фото А. Николаева.

26 ИЮЛЯ 1953 ГОДА НАЧАЛОСЬ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ НА КУБЕ.

СКОЛЬКО БРАТЬЕВ У ХОСЕ

Сергей МАРКОВ

За воротами слышится визг тормозов «джипа», и на веранду влетает маленькая шумная Сюсана. На ней широченная голубая рубашка, похожая на детскую распашонку, и обтягивающие вельветовые джинсы. Она напоминает Гавроша из старого французского фильма, несмотря на солидно выглядывающий из кожаной сумки диктофон и болтающийся на боку «Никон» с длинным телевиком.

— Ты готов уже? Прекрасно! У меня здесь, на Пиносе, несколько заданий. Нужно сделать репортаж об одной из африканских школ, поговорить с президентом муниципальной ассамблеи народной власти... А завтра надо быть уже в Гаване! — Она хватает чашку кофе, опрокидывает ее, кашляет, вытирая пальцами левой руки слезинки, показывая подбородком, чтобы я не мешкал, а спешил к машине. — Не будем терять времени, быстрее!

— Хосе Альварес Родригес, — представляется мне полным именем шофер «джипа», протягивая огромную квадратную ладонь. Ему двадцать четыре года, но по комплекции можно дать все сорок. Живот сразу выдает в нем любителя пива. Таких, как Хосе, на Кубе называют темными мулатами. На голове у шофера кепка, вызывающая смутные ассоциации с улочками старого Тбилиси. — Здравствуй, товарищ,— произносит он с акцентом.

— Привет, ты русский знаешь?

— Нэ-эт, — расплывается его лунообразное лицо. — Нэт, таварищ, — качает он головой. — Только это, к сожалению. Мой брат Андрес три года учился на экономическом факультете в Тбилиси. И сейчас учится. Сюда только один раз приезжал. Так куда мы сперва? На пляж?

— Хосе, ты что, сумасшедший?— вращает Сюсана указательным пальцем вокруг левого уха, захлопывая дверцу машины. — Какой пляж, у нас ни минуты свободной, предлагаю начать со школы, это самое интересное, если компаньеро советико не возражает...

— Конечно, не возражаю, — успеваю вставить я.

— Сюсана, — поднимает свою плоскую ладонь гандболиста Хосе, — если ты весь день собираешься тарахтеть с такой скоростью, то предупреди сразу — я ссажу тебя вот на том перекрестке.

— Как это ссадишь, как это ссадишь, да ты... да я... да как тебе не стыдно?!

— Стыдно, чика, очень стыдно. Журналистка из столицы приехала, — хитро подмигивает он. — Как я, простой шофер, могу спорить с ней?!

— Ты знаешь, — обращается Сюсана ко мне. — Еще когда я работала здесь, в газете, мы были с ним знакомы. И я всегда знала, что он человек бессовестный и ленивый. Если он будет меня оскорблять...

— Ну, чем я оскорбил тебя, чикита? — хохочет Хосе.

— Ты издеваешься, ты думаешь, что я не могу работать журналисткой в Гаване...

— Чистой воды неправда! Я с огромным удовольствием читал твои очерки в нашей газете. Если хочешь знать, они мне нравятся даже больше, чем очерки Карпентьера или Николаса Гильена.

— Мучисимас грасиас, сеньор,— улыбается Сюсана. — Огромное спасибо. Вы — единственный, кто оценил мое творчество по заслугам. Из почтения к моей гениальности послушайтесь меня и поедемте в африканскую школу.

— Чуть позже, сеньора, — в тон ей отвечает Хосе. — Я понимаю, что тебе уже в зубах навязла история, но нашему другу совьетико...

— Если можно, Сюсана, — прошу я ее. — Мне говорили, что Стивенсон, когда описывал свой Остров сокровищ, имел в виду именно Пинос. Это правда?

— Скорей всего, — вздыхает Сюсана. — Откровенно говоря, мне хотелось показать тебе сегодняшний остров, а не копаться в истории. Столько уже писано-переписано об этих пиратах, сокровищах... Но, может быть, Хосе действительно прав. Ты же об этом никогда не слышал.

...Почти четыре века после того, как Карибское море впервые услышало испанский язык «Ла Тьерра! Земля» и вице-король Индии, адмирал морей и океанов, губернатор многочисленных островов дон Христофор Колумб ступил на черный мраморный песок, остров Пинос был неофициальной столицей пиратского мира.

Во время войны Кубы против испанских захватчиков многие борцы за независимость томились на острове. По сей день сохранился дом, в котором несколько месяцев жил Хосе Марти, тогда еще никому не известный, но уже узнавший звон кандалов семнадцатилетний юноша. Сейчас в этом небольшом одноэтажном доме музей вождя кубинского народа.

Первая четверть нашего столетия увенчалась строительством на Пиносе «самой современной в Латинской Америке» тюрьмы — Пресидио-Модело.

— Вот в этой-то тюрьме и сидел полтора года Фидель вместе со своими друзьями — участниками штурма казарм Монкада, — говорит Сюсана. — Сидели не в общем блоке, а в одном из служебных корпусов, за которым установили особенно строгое наблюдение... Здесь Фидель написал больше двадцати работ.

А вскоре после того, как узники были освобождены, диктатор Батиста подписывает декрет, которым Пинос объявляется почти свободной от пошлин зоной. Здесь строятся отели, ночные бары, казино. Первый из них должен был открыться 1 января 1959 года. Но Фульхенсио Батиста не пришлось торжественно разрезать ленточку: на Кубе победила революция. Диктатор сел в Гаване на самолет и улетел.

— О том, что было после, я тебе сам расскажу!— кричит нам из машины Хосе. — Мой старший брат Хавьер одним из первых приехал сюда по зову Фиделя.

— Только прошу тебя, — морщится от нетерпения Сюсана, — скорей за руль, и поехали. По дороге все расскажешь. В школу! Это ведь самое интересное, что есть на острове! За последние несколько лет сюда приехало больше десяти тысяч детей из Африки и некоторых стран Латинской Америки, — говорит мне Сюсана. — Они здесь живут, учатся, работают, почти все уже привыкли, считают Кубу своей второй родиной. Неужели не хочется посмотреть, как африканцы играют в бейсбол?

...Хосе пытается выжать из своего старенького «джипа» последние соки. Машина хрипло кашляет, пуская из выхлопной трубы серые тучи бензиновых паров, иногда ее уводит куда-то влево. Встречных нет, дорога прекрасна, но Сюсана все-таки интересуется, давно ли посетила Хосе мысль о самоубийстве.

— С тех пор, как я увидел твои глаза, — голосом трагика произносит мулат.

Шоссе тянется мимо невысоких пологих гор Сьерра-да-Каскас. Это мраморные горы. Благодаря им Пинос, который, как большинство островов мира, с моря кажется голубой летающей тарелкой, по мере приближения превращается в перевернутую розовую чашку.

— Мой Хавьер на Пинос приехал вместе с первыми отрядами добровольцев. Было это в 1963 году. Фидель тогда и предложил назвать Пинос Островом молодежи, превратить его назло истории и всем стихиям в цветущий фруктовый сад. Здорово, а? Продумали и приняли план закладки цитрусовых плантаций, строительства водохранилищ, скотоводческих ферм, дорог, жилых домов. Жили в палатках. Работали столько, сколько

Юность Кубы.

хватало сил. Трудно было. Очень трудно. Одни москиты здесь чего стоят. Хавьер говорил, что кусали иногда если не насмерть, то, уж во всяком случае, до полного отчаяния. Особенно под утро. Питались кое-как. И погода — то засуха страшная, то ливневые дожди... И люди и особенно саженцы страдали от этого. Но, проявив массовый героизм и замечательное мужество...

— Не так все было просто, — останавливает размахивающего руками Хосе Сюсана. — Мужество-то мужеством — о нем и говорено и написано уже немало, — а решить, что делать после того, как истекли все сроки, на которые приехали сюда первые добровольцы, было проблемой. Предстояло срочно создать сносные условия для жизни. Дать людям жилье прежде всего. Ведь население здесь после революции резко выросло. А сейчас на острове уже больше восьмидесяти тысяч человек. Прежде всего мы, конечно, обязаны вам. Трудно переоценить помощь советских людей Пиносу, так же, как и всей Кубе. До революции здесь было всего шестьдесят километров шоссейных дорог...

— Стало больше восьмисот, — подхватывает Хосе. — Всего три лекаря обслуживали население. Теперь построена современная станция «Скорой помощи», три госпиталя, пункт переливания крови. Филиал Гаванского университета с историческим, сельскохозяйственным и экономическим факультетами. Уж не говорю о жилых домах...

— И о школах ты почему-то упорно не говоришь, чико! Наверное, ты и в Москве слышал о школе имени Ленина, что неподалеку от Гаваны? — спрашивает меня Сюсана. — Это самая известная. А родились такие школы здесь, на Острове молодежи. Смысл их — воплощение в жизнь идеи великого Марти: «Учиться всегда, утром в школе, вечером в поле». На этом острове больше пятидесяти школ-интернатов. Весь год ребята ухаживают за фруктовыми деревьями, а на сафре им помогают взрослые, почти все население острова трудится. Семнадцать из этих пятидесяти школ — для детей из Анголы, Мозамбика, Конго, Сан-Томе, Гвинеи-Бисау, Никарагуа...

Выезжаем из города, и прямое, как королевская пальма, шоссе упирается верхушкой в предвечернее знойно-оранжевое небо. По сторонам шоссе, кое-где, дотрагиваясь до мягкого асфальта своими тонкими руками, покачивается сахарный тростник. На полях, по берегам небольших блестящих и манящих озерцов, бродят белые птицы гарсы, похожие на морских чаек, и крупные жирные утки с темно-красными клювами. Справа и слева — фруктовые сады. Мандариновые, апельсиновые, манговые деревья. Вскоре между ними начинают мелькать синие юбки школьниц, пионерские галстуки, белые гольфы.

Вдоль дороги большие портреты руководителей братских стран, дети из которых учатся здесь. Виднеются одинаковые, построенные по типовому проекту здания школ — вытянутые, невысокие, аккуратные.

— Дальше, дальше! — командует Сюсана.

Огибаем водохранилище, проезжаем по мостику и, развернувшись, останавливаемся у лестницы.

— Тебе на английском или испанском легче говорить? — спрашивает Сюсана у пионервожатого эфиопской школы, семнадцатилетнего Сибума Касса.

— Чика, конечно, ему легче говорить по-английски, — врывается в разговор Хосе. — Ты что, не знаешь, что в Эфиопии раньше на английском все говорили? Мой брат Педро преподает в университете, и у него учатся четыре парня оттуда.

Сибум внимательно наблюдает за кубинцами. Тонкий прямой нос с чуть удлиненными ноздрями, сильный, четко очерченный рот, точеный овал лица... Кожа у него темная, но не такая, как у негров Центральной Африки или их потомков в Америке. У Сибума и у проходящих из душа с полотенцами в руках ребят кожа пепельно-матового, в голубизну, оттенка.

— Мне легче говорить по-английски, — медленно, но почти без акцента и грамматически безукоризненно произносит по-испански Сибум. — Но я не хотел бы говорить на этом языке.

— Правильно, твой испанский прекрасен. И ты покажешь нам школу?

Мы спускаемся по лестнице и входим в параллельный ей коридор, по левой стороне которого расположены комнаты девочек. У доски объявлений стоит высокая, очень стройная девушка лет шестнадцати. Ее профиль с тяжелой копной иссиня-черных волос, крутой линией высокого лба сразу напоминает величавую Нефертити. Она что-то внимательно читает, катая подошвой туфли маленький белый камешек.

— Она немая, — шепчет нам Сибум. — Пишет на четырех языках. А говорить совсем не может. Не знаю, как и где с ней это случилось. Знаю только, что до революции и войны она говорила. Она не любит вспоминать. У нас никто не любит вспоминать... Из Эфиопии на корабле мы плыли с ней вместе...

...Школа эта была построена в марте 1978 года. Через три месяца из Эфиопии на Кубу прибыл первый теплоход с детьми, родители которых погибли. Студенты Гаванского университета, сопровождавшие детей на Остров молодежи, рассказывали мне, как тяжело было смотреть на них. Гавана готовилась к Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Все сверкало и искрилось, а глаза этих ребятишек были полны невыразимой грусти, испуга... Прошел месяц, второй... Подготовка ребят была разной. Некоторые и в семнадцать лет с трудом читали, некоторые — в десять свободно разбирались в алгебре и говорили на нескольких языках.

Кубинским педагогам пришлось как следует поработать, чтобы составить прежде всего группы и классы, продумать программу занятий, расписания... Начинать нужно было, естественно, с изучения испанского языка. Через три месяца кубинцы были поражены.

— Я не знаю никого, — рассказывает Сибум, — кто хоть чуточку бы ленился. И не главное, что испанский значился в расписаниях наших ежедневных занятий. Тут другое. Благодарность кубинцам, говорящим на этом языке.

Школьный музей. Яркие акварельки, изображающие сцены из далекой крестьянской жизни. выпиленные лобзиком из фанеры и вылепленные из пластилина фигурки в национальных одеждах, запряженные буйволы, верблюды, настоящие кожаные бурдюки.

— И это все вы привезли с собой?

— Кое-что сделали на уроках труда, кое-что привезли... Вот тот морской бинокль видите? Мой отец был капитаном и погиб как герой.

Сюсана молча и осторожно берет бинокль в руки.

— А это что за кубок? — интересуюсь я. — У нас такие вручают победителям спортивных соревнований.

— Правда? Даже в Москве? В прошлом году мы заняли первое место на первенстве Острова молодежи среди африканских школ по футболу! Мы выиграли три—один! Честное слово! — Темно-коричневые глаза радостно сверкают.

— Вас везут сегодня на фруктовый карнавал?

— Да, старшеклассников. Наши девочки сделали чудесные маски. Я бы показал вам, но они распищатся...

— Ничего, вечером сами увидим. А по окончании школы что ребята думают делать?

— По-разному. У нас был уже выпуск. Некоторые вернулись домой, некоторые поступили в Гаванский университет, в сельскохозяйственный институт в Матансасе...

— Сибум, а кто из героев всех времен и народов нравится тебе больше? — спрашиваю я. — На кого бы ты хотел быть похожим?

— На Эрнесто Че Гевару, — не задумываясь отвечает он.— Прежде всего я хотел бы быть врачом, хирургом, как Че. И еще... я немного пишу стихи... И он мой любимый поэт. Пушкин и Че Гевара.

Бордовое солнце неожиданно прилипло к левому склону поросшей кудрявой зеленью пологой горы, разлив по нему сиреневую краску, и сорвалось, утянув за собой в море гирлянды запутавшихся в зелени и облаках лучей. Подъезжая к новым районам Нуэва Хероны, мы замечаем, что быстро темнеет. Из центра города уже доносятся глухие удары барабанов, звон тарелок, треск мопедов и мотоциклов. Хосе говорит:

— Моя сестра Нанси играет в театре «Новые сосны», в девять у них представление, предлагаю заехать...

— Это интересно, — отвечает Сюсана. — Но еще интересней, сколько у тебя всего братьев и сестер?

— Двенадцать. Пятеро братьев и сестер живут здесь, на острове. Два племянника уже родилось. Каково?

Мы останавливаемся возле городского парка, если можно так назвать широкую, огороженную невысоким заборчиком аллею посаженных уже после революции деревцев. На небольшом возвышении, служащем сценой, уже начался спектакль «Память о Марти». «Заживо сдавшийся смерти,— звучит под гитару хрипловатый речитатив, — понял я только вчера: все исцеляет на свете сила любви и добра. Пусть темнота, как в колодце, пусть обрывается след — делай добро, и прольется в душу спасительный свет...» Спектакль — интересное соединение пантомимы, песен, мелодекламации и монологов. Перед зрителями, сидящими на досках, бревнах, кирпичах, — рядом строится пятиэтажный дом — проходит вся жизнь великого Хосе Марти, с рождения до смерти.

— Мучо густо! — энергично, порывисто жмет нам руки Роберто Огандо, президент муниципальной ассамблеи народной власти. — Так вы из Москвы? Театр наш понравился? Если бы вы знали, какие споры бывают после спектаклей! Иногда посреди действия зрители выбегают на сцену и доказывают свою правду и актерам и сидящим в зале...

В кабинете Огандо прохладно и тихо. Кондиционера почти не слышно.

— Далеко не все у нас на Острове молодежи обстоит благополучно. Еще много лет и десятилетий работать, искать, побеждать. Вопрос экологии. Из-за многочисленных искусственных водохранилищ, изменения растительности сосен, которыми славится остров, которые и дали ему когда-то название Пинос, остается все меньше, на их месте сотни тысяч фруктовых деревьев, — меняется и микроклимат, почва. Залежи мрамора до сих пор остаются практически нетронутыми, хотя все прекрасно понимают, какой бы доход они могли принести республике. Необходимо развивать рыболовство, добычу полезных ископаемых — у нас здесь и железо, и вольфрам, и даже золото. Не только то, которое осталось в трюмах затонувших пиратских кораблей. Надо как можно быстрее достраивать керамическую фабрику. Пускать небольшие электростанции. Строить жилье. В общем, дел, как говорится, по горло. Сейчас вместе с советскими учеными, работавшими в Сибири, на озере Байкал, разрабатываем план на ближайшие двадцать лет. В нем должно быть продумано все. Одна из главных наших проблем, от которой, собственно, зависят и остальные, — нехватка рабочих рук. К двухтысячному году на Острове молодежи население превысит 150 тысяч жителей, но и этого будет мало для осуществления всех наших планов.

В ближайшие годы решено уделить больше внимания туризму, строится три новых отеля, кафе, оборудуются пляжи и станции для подводного плавания... Теперь едем смотреть карту, на которой все это обозначено, а потом — карнавал.

Карнавал на Острове молодежи особенный, фруктовый. Четыре месяца почти все жители острова трудились на сафре. От темна до темна. От луны до луны. И вот — конец. Последние тонны сгружены с грузовиков в приемники комбината по переработке фруктов, на теплоходы, баржи, лодки, самолеты... Грузовики превращаются в карнавальные колесницы, карросы. Они медленно движутся друг за другом. На первых двух танцующие с большими фонарями в руках. За ними — ряженые. Кого среди них только нет! И всевозможные животные, птицы, и огромный грейпфрут, и апельсин, и мандарин, и лимон, и — откуда?— настоящий арбуз! И много других, незнакомых не только мне, но и моим друзьям-кубинцам фруктов. «Это дети из африканских школ! Вон тот банан видите? Даю голову на отсечение, что это и есть Сибум! Что делает, а?» Хосе бросается в гущу народа, натягивая на ходу огромное сомбреро и патронташ — где он их успел раздобыть? Раздается оглушительный грохот — фейерверк заливает город. Из темноты выплывает длинная, метров в пятнадцать, карроса, составленная из трех или четырех грузовиков. На ней — вся история Пиноса.

Танцевальный конкурс! Хосе наш начал с румбы, минут через десять, когда его неистовая партнерша готова была взлетать на своей развевающейся юбке, он резко сменил ритм и перешел на болеро, потом ча-ча-ча, суку-суку, бамбу, харабе, маринеру, аргентинское танго (раз в десять ускоренное). Звезды кружатся и раскалываются по черному небу на тысячи песчинок, летает из стороны в сторону перевернутый месяц, на мгновение застревая в верхушках пальм, вырывая из них золотые и серебряные искры. И танец, и музыка, и ночь бесконечны...

Гавана — Москва.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ПОЛЕВОЙ (КАМПОВ)

12 июля 1981 г. после тяжелой, продолжительной болезни скончался выдающийся советский писатель и общественный деятель, секретарь правления Союза писателей СССР, председатель правления советского Фонда мира, главный редактор журнала «Юность» Борис Николаевич Полевой. Смерть Б. Н. Полевого — тяжелая потеря для всей многонациональной советской культуры.

Б. Н. Полевой родился 17 марта 1908 г. Свою трудовую деятельность он начал в городе Калинине, где формировался как гражданин, партийный журналист и писатель. Уже в те годы главной темой творчества Б. Н. Полевого стала современность, главными героями—рядовые труженики первых пятилеток. Он рассказывал о буднях страны достоверно и взволнованно. Выступления молодого литератора были замечены и поддержаны А. М. Горьким.

В годы Великой Отечественной войны Б. Н. Полевой был военным корреспондентом «Правды». С первых дней войны и до Дня Победы он находился в действующей армии. Его яркие публицистические статьи, очерки, репортажи, рассказы запечатлели суровую реальность войны, раскрывали истоки героизма наших солдат, командиров, политработников, тружеников тыла, вселяли веру в победу над фашизмом. Читателям всего мира известна его «Повесть о настоящем человеке». Для миллионов людей герои этой повести стали замечательным примером беззаветной стойкости, мужества и идейной убежденности.

Его романы «На диком бреге», «Глубокий тыл», «Золото», повести «Доктор Вера», «Анюта», военные дневники, сборники рассказов, книги публицистики воспевали духовную красоту современников, утверждали созидательную силу советского образа жизни.

Велики заслуги Б. Н. Полевого в воспитании молодой литературной смены. Около двадцати лет он руководил журналом «Юность». Он любил и умел работать с молодыми. Он считал эту работу важнейшим государственным, партийным делом.

Б. Н. Полевой неоднократно избирался секретарем правления Союза писателей СССР. Он входил в плеяду общественных деятелей, которые стояли у истоков всемирного движения сторонников мира, долгие годы был председателем правления советского Фонда мира.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги Б. Н. Полевого, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда. Он награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, многими другими орденами и медалями. Б. Н. Полевой удостоен звания лауреата Государственных премий СССР.

Верный сын Коммунистической партии, в рядах которой он состоял с 1940 г., пламенный патриот, стойкий борец за мир Б. Н. Полевой навсегда останется в народной памяти. Его произведения будут жить в сердцах благодарных читателей, служить делу коммунистического воспитания, делу мира на земле.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, Г. Ф. Сизов, В. Н. Макеев, В. Г. Афанасьев, А. А. Епишев, С. Г. Лапин, Б. И. Стукалин, Е. М. Тяжельников, П. А. Леонов, В. Ф. Шауро, Ф. Т. Ермаш, Б. Н. Пастухов, Е. К. Федоров, А. М. Роганов, Г. М. Марков, Ф. А. Абрамов, С. А. Азимов, Ч. Айтматов, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Т. Аскаров, Н. П. Бажан, С. А. Баруздин, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, П. П. Боцу, Ю. Н. Верченко, Р. Г. Гамзатов, А. Т. Гончар, Н. М. Грибачев, А. Д. Дементьев, Н. В. Думбадзе, П. А. Загребельный, М. А. Ибрагимов, А. С. Иванов, М. Каноатов, В. П. Катаев, А. П. Кешоков, В. М. Кожевников, Ф. Ф. Кузнецов, Т. Курбанов, П. А. Куусберг, Л. М. Леонов, А. М. Малдонис, А. П. Маресьев, С. В. Михалков, Д. Мулдагалиев, С. С. Наровчатов, В. М. Озеров, Б. Д. Панкин, В. А. Петросян, Г. Р. Приеде, П. Л. Проскурин, Р. И. Рождественский, А. Д. Салынский, С. В. Сартаков, Е. И. Скурко (М. Танк), А. А. Сурков, Ю. И. Суровцев, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, М. А. Шолохов.

Федор РЕШЕТНИКОВ,
народный художник СССР,
вице-президент Академии художеств СССР

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Детство. Каксквозь сон помню запах олифы, деревянной стружки, веселый голос отца. Он был потомственный иконописец, неплохой столяр. Мы поселились с семьей в селе Сурско-Литовское, что под Екатеринославом, ныне Днепропетровском. В ту пору там начали строить церковь. Отец рассчитывал на долгий, долгий труд и привез сюда всех. Значит, было суждено, что село Сурско-Литовское стало моей родиной. Но жизнь сложилась совсем не так, как хотелось. Смерть рано унесла родителей, и мы осиротели... В памяти осталась церковь, где висели иконы, написанные отцом. Правда, святые напоминали мне знакомых односельчан, с которыми я каждый день встречался. А на створке алтаря был изображен ангел. Все говорили, что он очень похож на мою маму, облик которой я, к сожалению, сам плохо помнил.

В мастерской отца, когда я подрос, впервые прикоснулся к краскам, кряхтя рисовал кружки над портретами святых угодников — нимбы. Но недолго опять длилась спокойная жизнь. В одну ночь мастерская, построенная руками отца, сгорела дотла, а вместе с нею и дом, где жили. Так мы очутились на улице, без крыши и без куска хлеба... Как существовать дальше? — встал грозный неотложный вопрос.

Тяжко вспоминать все это, но такая досталась доля. Старшей сестре, Тане, было бесконечно трудно, она бросила учиться, чтобы прокормить меня и братишку Ваню. Соседи советовали ей отдать нас в приют, но, к счастью, самый старший наш брат, Василий, решил взять всех к себе. Он мечтал стать живописцем и учился в Киевском художественном училище, но теперь ему пришлось бросить его, и вот мы все вместе оказались в Екатеринославе. Город показался мне совершенным чудом. После сельской тиши звенящие трамваи, электрический свет, яркие витрины магазинов — все казалось сказочным.

Помню маленький домик на Украинской улице. Зелень. Немудреные детские игры. Жили мы неплохо. Брат хорошо знал ремесло и недурно зарабатывал. Все его грезы о высоком призвании художника улетучились. Жестокие, суровые будни заставляли исполнять порою скучные, малоинтересные заказы. Редко удавалось писать портреты, декорации в театре. Я с малых лет приглядывался, привыкал к работе брата, любил следить, как он готовит палитру, помогал растирать ему краски, мыл кисти и понемногу стал осваивать, не мудрствуя лукаво, по-своему, профессию художника. У Василия была большая зеленая папка, где он хранил заветные репродукции шедевров мировой и русской классики. Он великодушно позволял мне глядеть на красивые картинки, а потом я несмело начал пробовать копировать их.

Жили мы дружно. Каждый помогал делу, как мог. В свободное время собирались и музицировали. Василий прекрасно играл на мандолине, Ваня аккомпанировал ему на гитаре, я тоже старался не отстать, играл на балалайке. Сестра пела чудесные, грустные и протяжные песни. К нам приходили друзья, и вот прошло сколько лет, а до сих пор, как вспомню эти вечера, на душе становится светло и радостно.

Рисунок все больше увлекал меня, я стал пробовать писать маслом. Старший брат, когда соседи или знакомые хвалили мои работы, расплывался улыбкой. Казалось, все шло хорошо и счастье повернулось к нам лицом. Но беда стояла на пороге. Внезапно любимая моя сестра Таня, которая, по сути, была для всех нас матерью, трагически погибла. Все в семье стало не ладиться. А тут грянула первая мировая война, и она обещала стать затяжной. Василия, как кормильца большой семьи, не трогали, но потом все-таки мобилизовали.

Трудно, очень трудно было жить. Я почему вспоминаю сегодня обо всем этом так подробно? Чтобы мои молодые друзья-художники помнили, в какое нелегкое время жили их деды.

Продолжая учиться в школе, я не бросал свои попытки освоить профессию Василия. На первых порах писал шрифты, таблички, отбивал трафареты, красил вагоны. Когда пришла пора, мне уже с руки было рисовать плакаты, чертить лозунги. И вот настал момент, когда брату поручили написать портреты Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина. Помню, как я был горд, что помогаю увеличивать фото на большой холст. И, конечно, никогда не забуду крепкого рукопожатия двух коренастых, в черных кожаных тужурках, пожилых улыбающихся мужчин. Так в мою жизнь вошел Октябрь.

Наступило незабываемое. Все мне казалось озаренным кумачовым сиянием плакатов, алым светом лозунгов. Пели медные трубы, гремели литавры, били барабаны. Улицы Екатеринослава забиты ликующим народом. Казалось, вот начинается давно жданная новь.

Но радость длилась недолго. В город ворвались немецкие оккупанты. Местная контрреволюция показала свой звериный лик. Город стал неузнаваем. Ружейная пальба, гул орудийного обстрела, постоянные налеты банд Петлюры, Григорьева превратили быт горожан в ад. Грабежи, убийства, насилие стали буднями. Жители прятались по погребам, часто не знали, в чьих руках власть, ибо город переходил из рук в руки по нескольку раз в день. На базарной площади, когда-то веселой и многолюдной, стало жутко, пустынно. Белогвардейские бандиты воздвигли там виселицы. Трупы повешенных, лютый мороз, вьюга внушали ужас. На улицах лежали зверски изуродованные, расстрелянные горожане. Так я мальчишкой узнал, что такое смерть, кровь, война.

Разруха, тиф, голод, стужа довершали страшную картину, достойную кисти Гойи. Только после, уже став художником, я понял, как повлияли на мое мироощущение эти дни.

Вместе с другими горожанами, спасаясь от бандитов и голода, мы бежали в окрестные села. Так мы оказались в Петропавловке. Но и там было не слаще. Ели хлеб из молотой соломы. Григорьевские банды зверствовали и пытали людей. В редкие минуты затишья я пытался рисовать портреты с натуры, за которые мне платили жмыхом.

Брата Василия мои скромные успехи не радовали. Он разуверился в святом назначении искусства, ему казалось, что в такое жестокое время оно никому не нужно.

Хоть я был еще совсем юным, но решил стать художником и достигать цели своими силами. Собрав в кулечки запас красок, кистей, сухого клея и рисовального угля, я крепко завернул все это в холстину. Набив карманы полушубка жмыхом и сухарями, я тайком попрощался со своим маленьким племянником Васильком и исчез.

Кстати, должен заметить, что этот мой Василек ныне стал генерал-полковником авиации, Героем Советского Союза Василием Васильевичем Решетниковым.

Но это, так сказать, лирическое отступление.

А действительность была куда суровее. Побег мой был раскрыт Василием, и старший брат успел перехватить меня на станции и вернуть домой. Это нисколько не охладило мой пыл. Через трое суток я ночью все же сбежал на вокзал и вместе с мешочниками на крыше теплушки отправился навстречу неизвестности. Началась новая страница моей жизни.

В один из вьюжных зимних дней 1923 года я ступил на перрон станции Гришино в Донбассе, а буквально рядом лежал одноименный городок — Гришино, теперь большой город Красноармейск.

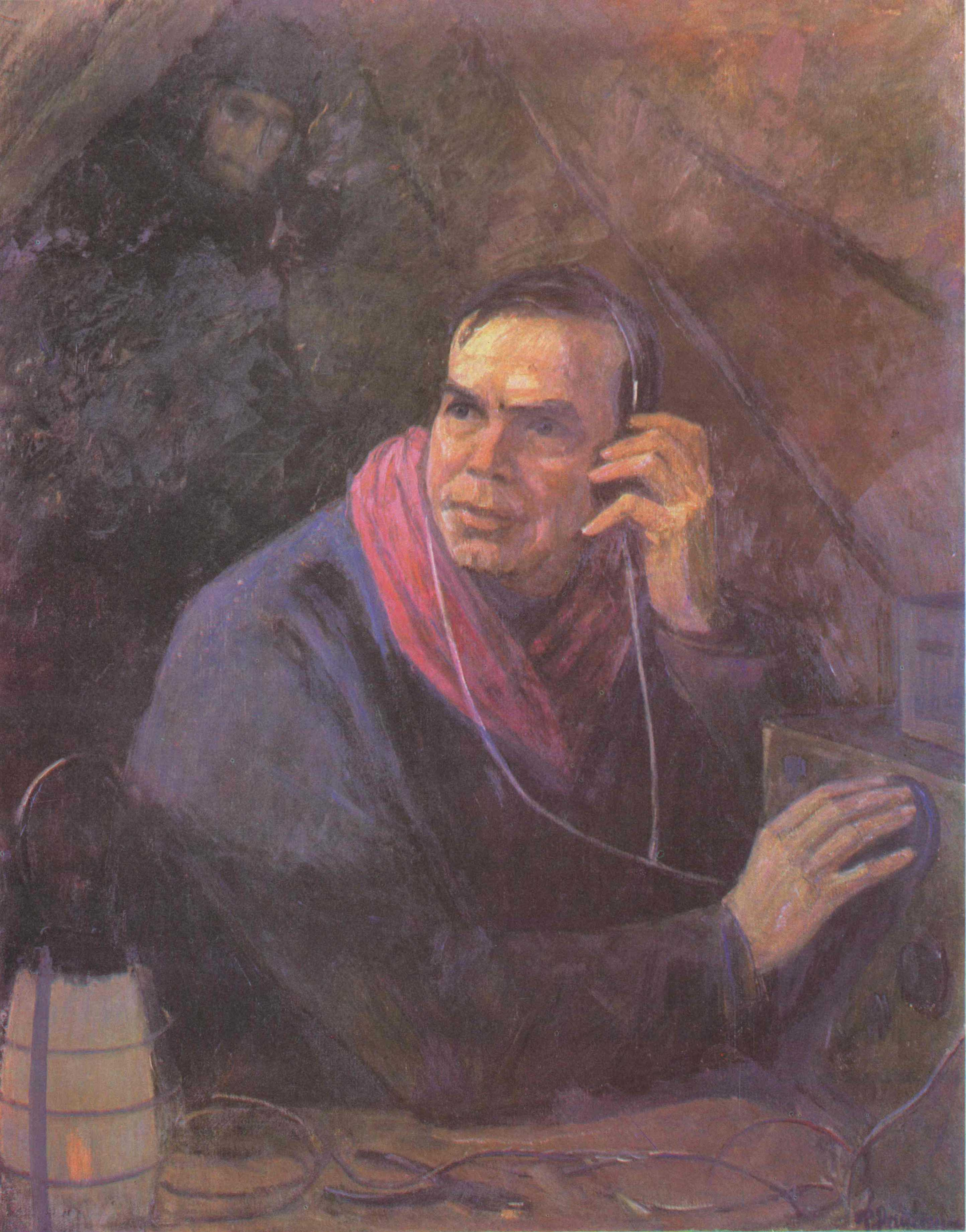
Тогда это был тихий, пустынный городок, заваленный сугробами. Звуки старого рояля привели меня в небольшой особняк с зелеными ставнями, который находился в самом центре города. Когда-то до революции он принадлежал владельцу местного театра. Здесь помещался теперь клуб. Войдя в вестибюль, я увидел, что помещение заброшено и как-то пустынно. Только на центральной стене между двух окон висела наискосок огромная аляповатая голая золотая рама. В соседней комнате вокруг рояля толкалась группа молодежи. Зал тоже был пуст, только у двери стоял ободранный длинный диван с коричневой клеенчатой обивкой. Ребята нещадно курили.

Неужели это клуб, подумал я. Сыро, холодно, неуютно...

Я прошел еще в одну комнату. Было жарко натоплено и битком набито людьми. Они сидели за большим столом, накрытым красным сукном. Мне стало ясно, что это начальство, и я вдруг с молодым задором предложил расписать стены клуба. Сперва на меня поглядели как на чудака, потом, покричав и поспорив, посовещавшись, решили устроить мне экзамен. Я быстро написал на куске кумача плакат и через полчаса был зачислен на должность художника клуба. Наконец я попал в коллектив друзей, ко мне хорошо относились, дали работу, вскоре я уже писал портреты вождей, исполнял

Ф. Решетников. Род. 1906. ЗА МИР! 1950.

Ф. Решетников. Я СЛЫШУ ЗЕМЛЮ! ПОРТРЕТ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Э. КРЕНКЕЛЯ. 1981.

декорации для спектаклей, писал лозунги — словом, стал на все руки мастер. Но в душе я носил мечту о росписи стен клуба, и мне пошли навстречу. Помогли разработать сюжеты панно — смычка города с деревней, восстановление разрушенного хозяйства. Мы вместе придумали сатирические композиции, бичующие кулаков, нэпманов, спекулянтов, пьяниц. Как много значили для меня плакаты тех времен. Трудно забыть впечатление, которое произвел плакат Д. Моора «Помоги!», а также «Окна Роста» работы М. Черемных. Мог ли я тогда даже мечтать, что знаменитый Дмитрий Стахиевич Моор станет моим любимым учителем, а замечательный сатирик и художник Михаил Михайлович Черемных будет близким и дорогим другом.

Стены клуба я расписывал все лето. Много, много передумал, немалому научился. Работал я «на глазах у публики». Представьте на миг чудесных девчат в алых косынках, парней в косоворотках, простых и остроумных, задиристых и добрых. Со многими я перезнакомился и подружился. Это была большая школа и своеобразный экзамен на зрелость. Конечно, я сам был не в восторге от своей росписи, но прием работы, который устроили руководство клуба и актив, глубоко взволновал меня.

Звучал старый рояль, молодежь пела песни, говорились торжественные речи, потом все пили чай из большого самовара с вкусными баранками. Все было как-то очень трогательно и душевно. Я понял, что доверие первых зрителей и стало настоящей путевкой в жизнь. И когда уже в 1925 году мне довелось начать работать художником на Побединском руднике, я был уже другой, знающий клубное дело человек. Там я вступил в комсомол и вкладывал темперамент молодости, весь задор в оформление карнавалов, праздничных вечеров. Именно комсомолия и рудком в 1926 году послали меня учиться на рабфак искусств. Я за это им бесконечно признателен. Советская власть открыла мне широкую дорогу.

Но мир искусства, в который мне пришлось окунуться, был не так прост. Пустозвонные формотворцы сотрясали воздух, проклинали Рафаэля, Пушкина, Рембрандта. Шла беспощадная групповая борьба, поднималась грязь и накипь богемствующих «новаторов», пытающихся стереть с лица земли великие традиции реалистической школы. Гвоздем, знаменем в этой борьбе с истинным искусством считался «Черный квадрат» Малевича, который я увидел на второй день приезда в Москву, посетив Третьяковскую галерею. Я, может быть, и не заметил бы этот маленький холст, потому что, увидев впервые замечательные картины Сурикова, Валентина Серова, Левитана, Репина, мог бы и пройти мимо этого «опуса», но меня остановил крикливый голос экскурсовода с огромной шевелюрой, который темпераментно, почти яростно доказывал притихшей экскурсии — группе симпатичных молодых людей, что именно вот этот «Черный квадрат» Казимира Малевича призван спасти мир «от пошлости и банальности передвижников и реалистического искусства вообще».

«Зачем все эти салонные картинки? — взывал он, обводя театральным жестом экспозицию.— Станковая живопись сегодня — атавизм, ее надо гнать в шею».

Я слушал и думал: неужели «Боярыня Морозова» Сурикова, «Крестный ход» Репина, «Девушка, освещенная солнцем» Серова или пейзажи Левитана — хлам?

Что же тогда истина? Неужели этот замалеванный черной краской квадрат?

Конечно, в ту пору я и не подозревал, что в мире живописи может царить такой хаос и такая свара и что под флагом «революционности» и «новаций» в русское, советское искусство лезет всякая модернистская, формалистическая гниль. Но это было так. И когда я пришел во Вхутемас и прошел по мастерским и поглядел на некоторые формотворческие изыски тамошних студентов, я совсем затосковал. Вдруг на миг представил, что бы сказали мои верные старые друзья шахтеры, комсомольцы, увидев эти странные, заляпанные грязной фузой или, наоборот, кричащими безвкусными красками какие-то неопрятные, бессодержательные, но с претензией на глубокомыслие холсты. Мне казалось, что они, эти простые и такие добрые люди, подумали бы, что над ними издеваются.

Подобные настроения привели меня к тому, что я чуть не бросил живопись и графику и не перешел на театральное отделение рабфака, куда меня, кстати, звал замечательный наш актер Горюнов. Но, к счастью, несмотря на то, что я выдержал экзамен на театральный факультет, друзья все же отговорили меня, и я с тех пор понял, что за реализм, красоту в искусстве нужно бороться, а не раскисать, и начал энергично учиться мастерству.

Вхутемас, а позже Вхутеин были замечательны тем, что как бы аккумулировали юность, задор, выдумку, желание что-то придумать, сказать новое. Большинство студентов — славные честные ребята, порою заблуждавшиеся и поддавшиеся модным течениям, но все же в конце концов и они обрели умение, стали художниками.

«А как же формалисты?» — спросите вы. Могу сказать только одно: за ничтожным исключением все крикуны и «новаторы» оказались пустышками, малоталантливыми людьми, спекулирующими на атмосфере скандала и эпатажа. Как только суета вокруг абстрактных изысков изжила себя, обнаружилось, что эти псевдохудожники поистине духовные калеки, безграмотные и безвкусные. В одном только им нельзя отказать. Они умели довольно раскованно, чтобы не сказать, нагло, защищать свое «право на самовыражение»... Дальше этого крика дело у них не шло.

Здоровая, сильная часть молодежи, а ее было большинство, работала, училась видеть новый мир и познавала радость, отражая небывалую новь. Среди наиболее талантливых вхутемасовцев был Александр Дейнека, я уже позже близко сошелся с ним, сотрудничая вместе в Академии художеств. Это был на редкость принципиальный и прямой, бесконечно честный, поистине советский художник. В одном институте с ним учились и работали Юрий Пименов, Кукрыниксы, Георгий Нисский, Семен Чуйков, Тарас Гапоненко, Николай Ромадин и другие. Именно они и вошли в основной строй наших живописцев. Надо сказать, что только редкая трудоспособность, настоящая талантливость и гражданственность помогли этим мастерам преодолеть пустынную зону формотворчества. И они стали славой нашего реалистического искусства.

Летели годы учебы. Все казалось интересным, важным, значимым. Нас вдохновлял энтузиазм строителей первой пятилетки. Все студенты были охвачены жаждой познания, страстью к путешествиям, чтобы ближе узнать и понять свершающееся. Особое место в ту пору занимала проблема освоения Арктики, Ледовитого океана. С трепетом мы произносили имена героев освоения Севера — Седова, Малыгина, вспоминали Нансена, Амундсена...

И вот судьбе было угодно, чтобы в моей жизни случилось чудо. В 1932 году я оказался, будучи студентом третьего курса, участником знаменитой полярной экспедиции на «Сибирякове» и впервые устроил выставку путевых зарисовок, эскизов и портретов, которые были сделаны на борту ледокола в период его нелегкого плавания из Архангельска до Берингова пролива. Это произошло в Токио, куда по распоряжению правительства после завершения исторического похода отбуксировали для ремонта сильно поврежденный «Сибиряков». В тот период впервые были установлены дружеские связи между нашими странами. Поэтому многочисленные встречи с японской общественностью, лекции наших ученых и моя скромная выставка рассматривались с позиций укрепления дружеских связей.

По возвращении в Москву я также подготовил выставку, которая в более полном объеме отражала тему героического похода.

Я вернулся в институт. Замечательные учителя Сергей Герасимов и Дмитрий Моор помогали мне осмыслить время, в котором я работаю, бесконечно сложную и прекрасную жизнь. Мы писали этюды, натуру, компоновали. Но я уже не мог быть просто студентом. Незабываемые часы на «Сибирякове» рождали новое чувство ответственности, желание обязательно написать что-то небывалое, романтическое и в то же время правдивое. Я готовил картины о днях экспедиции, а в моих ушах звучали вой арктического бурана, скрежет торосов, короткие тревожные гудки, взрывы аммонала. Я чувствовал, что мои палитра и кисть, может быть, еще не очень совершенны, но я старался и верил, что мой труд не пропадет даром. Наступил вернисаж. Зима, Кузнецкий мост. Помню толчею, радость Шмидта, Кренкеля и других полярников. Почти все полотна приобрел Севморпуть, но, как порою бывает в судьбе, они нежданно сгорели во время пожара в ЦПКиО имени Горького.

В душу запала тема будущей дипломной работы, и снова его величество случай помог мне. Я вдруг получил приглашение принять участие в новом походе на ледоколе «Челюскин»... Мог ли я предположить, что предо мною развернется суровая эпопея мужества и героизма наших людей.

Ленинград, потом доки Копенгагена. Помню старый город, острые готические шпили, верфи, ожидание и, наконец, радостный гудок. Мы уходим из Мурманска. Июль 1933 года. Жара. Серое, взбаламученное Баренцево море, крики чаек, погрузка, круговерть. Наконец, целый хор сирен, гудков, с провожавших нас кораблей Северного флота.

Всем, конечно, давно известна история «Челюскина», драматические подробности его гибели. Мужество летчиков, спасавших экипаж. Стойкость и верность своему делу матросов, ученых, штурманов, рабочих. Но забыть пургу, стонущие сигналы гибнувшего корабля и минуты его погружения в пучину океана невозможно — это на всю жизнь осталось перед глазами. Скажу одно: с тех пор тема арктического подвига не покидает меня.

На огромной выставке «Индустрия социализма» в 1939 году были представлены две мои работы — «Первый самолет над лагерем Шмидта» и «В штаб-палатке лагеря». Для молодого художника это была большая честь. Потому что здесь экспонировались этапные шедевры советского изобразительного искусства, прекрасные холсты Б. В. Иогансона, С. В. Герасимова, А. А. Пластова, Кукрыниксов, Н. П. Крымова, А. А. Рылова, К. Ф. Юона, И. Э. Грабаря. Помню, что я переживал, проходя по залам выставки, огромную радость и ощущение победного звучания реалистической живописи.

...Пришли годы Великой Отечественной. Севастополь. 1941—1942 годы. Героические будни защиты города. Мне довелось видеть страшные картины зверства фашистов в освобожденной Керчи, Бочаровский противотанковый ров, заваленный трупами мирных жителей — детей, женщин, стариков. Я ужаснулся бесчеловечности гитлеровских оккупантов, захватчиков моей Родины.

Плакаты, листовки, карикатуры были моим скромным вкладом в дело общей победы.

Окончилась война. А тема станковой картины продолжала волновать мое воображение. Я много искал на этом нелегком и не всегда благодарном пути. Ведь он требовал большой отдачи сил, умения рисовать и писать, находить оригинальную соответствующую форму пластического выражения мысли, а главное — видеть время.

Жанровую картину можно сравнить с коротким рассказом: та же конкретность сюжета, выпукло очерченные характеры, точность композиций. Художник захватывает зрителя так же, как писатель делает это с читателем... Картина дает лишь один конкретный момент из жизни героев. Все остальное дано домыслить самому зрителю... В живописи совершенно необходим интересно, с искоркой разработанный сюжет. Около картины должно хорошо думаться. Советский зритель требует рассказа о переживаниях героев, показа не только совершенного им того или иного действия, но и их отношения к этому действию.

«Прибыл на каникулы». В этом холсте мне хотелось решить тему патриотизма, показать быт наших людей, тепло человеческих чувств.

Продолжение см. на стр. 25.

26 ИЮЛЯ — ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

Б. СОПЕЛЬНЯК, фото А. НАГРАЛЬЯНА, специальные корреспонденты «Огонька»

АТАК

День выдался холодный, пасмурный. Северо-западный ветер с нудным постоянством приносил тяжелые тучи, и на землю обрушивался не по-летнему холодный дождь.

Командир 3-й роты гвардейского батальона морской пехоты старший лейтенант Сергей Красников привел в комнату боевой славы молодых солдат. Недавно это были обыкновенные допризывники, а теперь их не узнать. Куда девалась угловатость, растерянность, тоска по маме — сейчас это уверенные в себе, понюхавшие пороху и просоленные Балтикой морские пехотинцы. Многие уже участвовали в учениях и даже получили своеобразные награды — краткосрочные отпуска домой. Сергей Пляха, например, за образцовые действия на учении поощрен отпуском. До призыва жил на Полтавщине и учился в сельскохозяйственном техникуме, а ныне он гвардии младший сержант, заместитель командира взвода.

Антанас Рингис был шофером, а теперь водитель бронетранспортера. Михаила Кулиненкова в батальоне знают, пожалуй, все. До призыва он работал портным в Ленинградском Доме мод, а морские пехотинцы — ребята щеголеватые, форма на них сидит без единой складочки. Обычно ее подгоняют сами, но так, как это сделает Миша, не сумеет никто. И хотя Михаил гранатометчик, с иглой и ножницами не расстается.

Когда я спросил, трудно ли было привыкать к морю, за всех ответил Сергей Пляха:

— Конечно, трудно. Но к морю мы уже привыкли. Теперь надо молодежь приучать к воздуху. Скоро начнем прыгать с парашютом.

— Не боязно?

— Страшновато, конечно. Когда я был в отпуске и сказал об этом своим дедам, а они у меня фронтовики, то получил очень хороший совет: если страшно, ни в коем случае нельзя закрывать глаза. Тогда получится по пословице: глаза боятся — руки делают.

Командир роты посмотрел на часы — они у него, кстати, особенные, с автографом Эриха Хонеккера: старший лейтенант С. Красников получил их за образцовые действия на учениях «Братство по оружию-80»; тогда его десант высадился в три раза быстрее положенного,— и начал рассказ о боевом пути полка.

— Во время войны полк был просто пехотным. Оборона Сталинграда, бои на Курской дуге, героический штурм Орла, форсирование Днепра, бои в Белоруссии, освобождение Минска, сражения в Восточной Пруссии, затем бросок через Одер, участие в разгроме берлинской группировки противника и, наконец, выход к Эльбе. Весь этот путь в составе соединения прошла и наша часть, после войны переданная в состав морской пехоты. Сейчас мы носим звание отличной части, награждены вымпелом министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть», имеем и другие награды. В большинстве учений, проходящих на Балтике, принимали участие многие поколения морских пехотинцев, внося свой вклад в славный путь части. Теперь ваш черед. Впереди напряженная боевая учеба, парашютные прыжки, атаки с моря и морские походы. Уверен, вы не подкачаете и всегда будете помнить о том, что морская пехота — это морская пехота! И никаких других слов здесь не нужно.

В тот день я еще не знал, что всего лишь через сутки нам предстоит увидеть и узнать, чего стоит и что умеет морская пехота. А тогда из части мы поехали в военную гавань на большой десантный корабль «Красная Пресня». Я думал, что нам советовали побывать на борту корабля потому, что мы москвичи и нам будет приятно посетить корабль, над которым шефствует Краснопресненский район столицы, но, как оказалось позже, у этого совета был и более глубокий смысл. А пока мы знакомились с кораблем, внимательно изучали карту с маршрутами дальних походов, читали отзывы почетных гостей, которые побывали на борту корабля, узнали, что часть надводных кораблей, в которую входит и «Красная Пресня», имеет звание «Лучшая в Военно-Морском Флоте СССР» и награждена переходящим Красным знаменем Военного совета ВМФ. Потом мы познакомились и с земляками. Бывшего слесаря домостроительного комбината № 1, а теперь радиотелеграфиста Николая Акимова принимали в комсомол. На собрание пришли все свободные от вахты матросы. Николай рассказал о себе, своих родителях, о том, как был рад, когда узнал, что будет служить на «Красной Пресне», с каким интересом осваивал воинскую специальность. Решение собрания было единогласным: «Матроса Акимова принять в ряды ВЛКСМ». Секретарь корабельной комсомольской организации главстаршина Ким Хотхоху сказал:

— Запомни этот день, Николай. В годы войны наши деды писали заявление о приеме в партию и комсомол прямо перед боем. Ты вступил в комсомол перед учением, а для нас это все равно что бой.

Теперь все стало ясно. Оказывается, еще утром поступил приказ готовить корабль к выходу в море. Правда, никто не знал, когда, куда и с кем выходить, но то, что этот день не за горами, всем было понятно. Я начал против всех записей в блокноте ставить время.

18.30. У контр-адмирала Г. Н. Авраамова. Он сообщил, что завтра будет произведена высадка учебного десанта. Загрузка кораблей сегодня.

Вскоре корабли начали подготовку к бою и походу. Подразделения морских пехотинцев направились к пунктам посадки.

Через некоторое время приступили к загрузке «Красной Пресни». На бронетранспортерах прямо в трюм корабля въехали морские пехотинцы, с которыми мы познакомились утром. Первую машину вел Антанас Рингис.

20.30. Принимают десант корабли на воздушной подушке. Они стояли прямо на бетонной площадке, а потом, погрузив технику и людей, плавно поднялись и поплыли по воздуху. Они спустились к воде и, подняв тучу брызг, полетели над морем.

20.50. Загрузка флагманского корабля. Затем командир отдал команду: «Гюйс спустить! Флаг перенести!» — и корабль двинулся к выходу из гавани.

Ночь прошла сравнительно спокойно. Зато утром все закипело! Погода работала на нас: низкая дымка довольно надежно скрывала корабли. К тому же командирам было строжайше запрещено выходить в эфир, так что запеленговать нас тоже не могли.

Вскоре миновали место, где во время войны шли жесточайшие морские сражения. Здесь наши подводники потопили немало фашистских судов, но погибали и сами. Команда корабля и десантники построились на верхней палубе. Горнист сыграл сигнал «Захождение», командир отдал команду «Приспустить флаг». С петровских времен есть на русском флоте традиция: никогда и ни перед кем не спускать флаг. Сколько кораблей пошло на дно с гордо реющим флагом, сколько матросских жизней отдано за эту святую традицию! И только в одном случае — в честь памяти павших — приспускается флаг Военно-Морского Флота СССР. А потом была минута молчания... Совсем молодые парни стояли на палубе — вчерашние школьники, рабочие, колхозники, студенты. Одни матросскую форму надели недавно, другие скоро ее снимут и снова вернутся к станкам, в аудитории и на поля. Но сейчас они моряки дважды Краснознаменного Балтийского флота, они его главная сила и мощь, они наследники славы таких же молодых парней, во имя их жизни погибших в пучине. Я видел лица этих ребят, видел их посуровевшие глаза, их сжатые губы. И такая была в этих лицах решимость и готовность, я не боюсь этого слова, к подвигу, что не возникало никакого сомнения — эти ребята достойно продолжат героические традиции отцов и дедов.

Прошло всего два часа, и я увидел «бой» за овладение берегом. И в войну и сейчас десантные операции считались и считаются самыми сложными. Организовать взаимодействие десятков, а то и

Отличным артрасчетом командует главстаршина К. Хотхоху.

Атакует морская пехота.

А С М О Р Я

сотен кораблей, подавить огневые точки «противника», подойти к берегу и высадить десант — дело очень и очень трудное.

Десантники начали раскреплять бронетранспортеры и прогревать двигатели.

Тут же показались вертолеты. Прижимаясь к воде, они понеслись к берегу и десантировали первую группу морской пехоты. В ней — самые отборные ребята. Но их встретили достойно. Завязался рукопашный бой. И все же десантники потеснили «противника», захватив узкую полоску пляжа.

Сигнал — и мимо нас на полном ходу пронеслись корабли на воздушной подушке. Они вылетели на берег, за считанные минуты выгрузили танки, бронетранспортеры, другую технику и тут же ушли назад.

Из дымки выскочил торпедный катер. Он поставил дымовую завесу, и под ее прикрытием пошла вторая волна десанта. Не доходя до берега, средние десантные корабли прямо в воду выпустили плавающие танки.

Как только танки коснулись берега, появилась основная волна десанта. Через открытые аппарели в воду ушли бронетранспортеры с мотострелками.

Тут же появились вертолеты «противника». Они вели огонь и по десанту и по кораблям. Заговорила наша зенитная артиллерия, грохнули орудия кораблей поддержки, из-за облаков вынырнули истребители.

И на берегу шел бой! Гремели взрывы, трещали автоматы, стучали пулеметы... Постепенно звуки сражения от нас отдалялись — бой продолжался уже в глубине обороны «противника». Берег был захвачен. Морская пехота — это морская пехота! Этим сказано все. И никаких других слов здесь не нужно.

Прием в комсомол на БДК «Красная Пресня».

Рукопашный бой.

Михаил **АЛЕКСЕЕВ**

РОМАН

ДРАЧУНЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Год 1930-й начался для нашей семьи большим несчастьем: юную рысачку Майку, которая по далеко нацеленному плану отца должна была вывезти нас из постоянной нужды, а заодно и сменить старую Карюху, в метельную январскую ночь зарезали волки[1]. Папанька сейчас же решил, что все подстроили Жуковы, Григорий Яковлевич или его сыновья, которых мы теперь называли не иначе как разбойники. Это кто-нибудь из них, решил отец, подкрался ночью к нашему дому и открыл ворота, через которые Карюха и увела свою красавицу дочь на Малые гумна, где их и подстерегли волки. Страшному этому подозрению способствовало, очевидно, и то, что поздней осенью эти самые ворота были измазаны дегтем, что с незапамятных времен считалось несмываемым позором, поскольку являлось намеком, пятнающим честь девицы-невесты и ее родителей. Ни у кого из членов семьи не было сомнения в том, что тут «постарались» Жуковы. Я даже видел в школе, что Ванькины пальцы выпачканы дегтем и на щеке у него темно-коричневым шрамом держалась еще полоска — след все того же дегтя.

— Ну, вот, а ты его пожалел! — накинулся на старшего брата дядя Пашка. Он, дедушка Михаил и дядя Петруха по случаю постигшей нас беды собрались поутру в нашем доме. Дяди Пашкины упреки относились к Петру Михайловичу, не пожелавшему в свое время подкинуть на гумно Жуковых иголки и не подавшему в суд на Григория Яковлевича за увечье, которое тот учинил ему у панциревского моста.— Дождетесь, он ищо не то сотворит. Угостит бирюнесчастьем, потому как сама, возвращаясь в глухую полночь с девичника, забыла накинуть крючок в воротах, чем не замедлила воспользоваться Карюха, загодя приметившая стожок сена у крайней к селу риги на Малых гумнах.

Сестрин плач мгновенно объяснил все. Взбешенный отец выскочил в сени, схватил там вожжи и зверь зверем ворвался в переднюю. Там уже находилась мать, загораживая Настю и принимая на свои руки первые, наиболее свирепые удары. И засек бы папанька обеих до смерти, не ухвати его сзади дедушка Михайла.

— Не смей бить, безумец! — вымолвил он, обдав затылок сына горячим дыханием.— Убью мерзавца, коли ищо раз тронешь!.. Слышь, Микола, убью!

Микола, должно быть, услышал, отбросил в сторону вожжи (потом он едва не повесился на них, да я помешал — подкараулил его и отвел от нашей семьи еще бо́льшую беду), вышел в заднюю избу, сел на лавку и, тяжело дыша, начал медленно закуривать.

Месяцем позже началась коллективизация.

Списки, составленные в сельсовете годом раньше и ожидавшие этого исторического часа в темных, молчаливо-таинственных закромах райкомо-райисполкомовских сейфов, возвратились к месту своего рождения с многозначительными пометками, изображавшими где крестик, где галочку, где просто черточку, выведенными соответственно красным, синим и черным карандашами. К вернувшимся спискам было приложено разъяснение, из которого сельсоветские руководители должны были понять, что красный крестик поставлен против фамилии кулака, синяя галочка — середняка, ну а черточка, хоть и была черной, ничего вроде бы худого не сулила тому, кто под нее угодил, ибо разумела за собой «беднейшие слои сельского населения» иль хоть и середняка, но «маломощного». Но и эти последние могли пострадать, поскольку по условиям деревенского житья-бытья неизбежно вполне естественно состояли в ближнем или дальнем родстве с первыми, и по этой причине многие из них скоро попали в категорию «подкулачников», «кулацких подпевал», «кулацких

Уполномоченный удивился:

— Вот те раз!.. А кто составлял списки?.. Разве не вы?

— Мы — это верно... Мы составляли... Но мы ведь не указывали, что энтот вот кулак, а энтот...

— А разве не видно из перечисленного вами же количества лошадей, коров, овец и прочей живности, которыми располагает тот или иной двор? — Уполномоченный победительно усмехнулся, уверенный в том, что загнал бедного нашего преда в угол. Однако Сорокин не сдавался:

— Не видно, товарищ уполномоченный!.. Никак не видно!

— Отчего же и почему же? — не убирая тонкой, насмешливо-ехидной ухмылки с такого же землисто-серого, усталого лица, сказал районный работник, заранее уверенный в том, что ничего убедительного больше не услышит от сельского руководителя, и, ежели выслушает его, лишь по соображениям вежливости и долга.

— Отчего, спрашиваете? А вот я вам сейчас скажу... Гляньте-ка, товарищ уполномоченный, сюда!

Уткнувшись лбами друг в друга, наклонились над списком.

— Ну? — Уполномоченный устало поморщился.— Что у тебя там?

— А вот что. Читайте: «Ефремов Егор Михайлович. Две лошади. Две коровы. Овец двадцать штук, кур...»

— Ну, кур оставь в покое. Что же, потвоему, это не кулак?

— Никак нет, товарищ уполномоченный! — заторопился Сорокин.— Вовсе даже не кулак!

— Почему же, я тебя спрашиваю?!

— А вы на меня не покрикивайте! — огрызнулся председатель.

— А вы не морочьте мне голову! Почему, спрашиваю, нельзя считать Егора Ефремова кулаком? Говорите толком. Я слушаю.

— А потому... а потому... — Михаил Спиридонович остановился, перевел дух, потер виски, будто старался вспомнить что-то, ускользающее из головы.— Потому, дорогой товарищ,— продолжал смелее,— что у этого самого Егора Михалыча Ефремова две лошади и две коровы приходятся на пятна-

ков и вашей Рыжонкой — тогда не так запоете, оставит без молока!..

— Что же ты предлагаешь? — Отец поднял на младшего брата измученные, все в красных, кровяных прожилках глаза.

— Что, говоришь?.. А вот пойти всем разом и для начала пощупать у него ребра!..

— Что, что ты там надумал, сынок?.. А ну-ка повтори! — Дед глыбою навис над дядей Пашкой.— Ну, «пощупаете» вы ребра тому Жучкину, а дале што?.. Хиба ж Майка воскреснет?.. И как ты докажешь потом, шо это вин выпустил жеребенка?.. Бородищу во-о-он какую ты взрастил, Павло, а умом позабыл, знать, обзавестись!.. Эт на што же ты толкаешь своих братьёв?.. А?..

Кризис, однако ж, был разрешен не этими разумными дедушкиными словами, а ревом, раздавшимся вдруг за дверью в горнице, где, затаившись, лежала на своей девичьей кровати наша сестра, чутко прислушиваясь к разговорам в задней избе. Она-то очень хорошо знала, кому обязана семья этим

подноготников» и прочих «под». Новые, неведомые доселе, незнакомые и непонятные поначалу слова высыпались на землю, как грибы теплой дождливой осенью, и так же, как грибы, далеко не все были «съедобны». Иные из этих лингвистических образований заключали в себе весьма ядовитый смысл, особенно же опасны были те из них, которые прорастали из единого корня, обозначенного словом «кулак». Было примечено, что великим мастером на придумывание «социальных кличек» явился новый председатель сельского Совета Воронин (имя и отчество его не помню). Его привезли неизвестно откуда на смену Михаилу Спиридоновичу Сорокину, который успел уже провиниться перед первым же уполномоченным, приехавшим из района, чтобы помочь местным руководителям в организации колхоза. Просидев двое суток кряду над помянутыми списками, почесавши изрядно затылок, покряхтев, повздыхав, с красными, как у кролика, невыспавшимися глазами, Сорокин пришел к уполномоченному и без всяких там предисловий спросил:

— Где вы отыскали в нашем селе такую пропасть кулаков?

дцать душ семьи. Вы, вижу, грамотный, ученый человек. Разделите-ка всю Егорову живность на всех. Хорошо, коли на душу придется по одной ноге, голове да по хвосту, а то и их не хватит. Вот вам, дорогой товарищ, и кулак! Вы б только глянули на него... и сам весь в латках-заплатках, и жена, и детишки... А теперь возьмем...— Председатель быстро назвал еще несколько фамилий, отмеченных красным крестиком.— И они такие же «мироеды», как Егор Ефремов или же его младший брательник Федотка. Этого, правда, стоило бы окулачить, потому как сам называет себя фабрикантом...

Уполномоченный оторвался от списка и вопросительно посмотрел на Сорокина: а это, мол, что еще за тип?

— Самодельную махорку производит наипервейшую,— пояснил Михаил Спиридонович.— И назвал ее, подлец, как-то уж очень завлекательно, приманчиво...

— Это как же? — живо заинтересовался уполномоченный, не выпускавший изо рта цигарки. Она у него уже почти истлела, обжигала губы, а районный деятель продолжал посасывать ее, попыхивать дымком.— Любопытно!

[1] Печальная эта история рассказана мною в повести «Карюха».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—29.

— Еще бы! Золотую, говорит, жилку выпускаю на своей подпольной фабрике. А теперь раздобыл где-то семена новых табаков — турецких, что ли?.. Грозится гаванские сигары скручивать из листьев...

— Какие?

— Гаванские, говорит. Черт его душу знает, откудова нахватался он разных таких слов. Выдумщик!.. В нашем селе много таких. Взять хотя бы Ивана Гавриловича Варламова, бывшего моряка. Этот жизни не дает учителям со своими «лекциями», а недавно распустил слух, что изобрел деньгоделательный станок, и отсидел неделю в камере предварительного заключения, пока районный прокурор не выяснил, что все это ерунда, выдумки пьяного человека. И все ж таки Иван поплатился. И поделом: не болтай лишнего!.. Или вот еще Авраам Кузьмич Сергеев — супротив него вы тоже проставили крестик, хотя он уже успел променять двух своих лошадей на одного верблюда — так он что удумал?..

Ну, ладно, председатель,— ворохнулся в старом, скрипучем кресле уполномоченный, — довольно о них. Они уводят нас куда-то далеко в сторону. Давай, дорогой, ближе к делу.

— Оно ведь и это к делу. Как вы думаете, отчего эти люди сочиняют про себя такое?.. А?.. А я вам скажу, живется им не сладко, так они хоть в выдумках своих порезвятся, позоруют, отведут душу, поживут красиво... Хотя бы тот же Федотка Ефремов или же Авраам... Редко кто из них дотягивает со своим хлебом до будущего урожая. После крещения, глядишь, пошли по чужим дворам выпрашивать мерку ржицы...

— У кого ж это они выпрашивают? — обрадовался уполномоченный, ухватившись за последние слова Сорокина.— Стало быть, есть у кого выпрашивать? — Ну?!

Знамо, есть. Разве я говорил, что нету. Есть, есть. Только об этом, дорогой товарищ, вы должны были бы спросить у меня чуток раньше. Тогда, глядишь, не поторопились бы поставить ваши крестики и протчие загогулины. Вон как разукрасили ими наши списки — живого места не оставили на них!

Ах, вот как ты заговорил?! Хороша же тут у вас Советская власть!

— Нормальная власть. Как везде.

Ну, ну. Говорите. Я слушаю.

— Я ведь не сказал, что у нас вовсе нету кулаков. Ежли уж мы с вами помянули тут фамилию Ефремова, то надобно было б крест-то поставить не на Егоре, а на Тимофее...

— Это еще почему? У Тимофея Ефремова числится одна лошадь...

Вот именно — числится... Одна. Это верно. Но какая? Это ж жеребец орловской породы! Посмотрели б вы на этого зверя!.. И за то, чтоб подпустить его к чьей-нибудь кобыле, Тимофей дерет с мужика три, а то и четыре красненьких.— Сорокин покосился на моего отца.— А он, черт,— это я про жеребца — за день-то пяток маток покроет. Вот это производство — куда там до него Федотке Ефремову с его «золотой жилкой», тонка она у него, жилка эта самая, как и собственная кишка!.. Прибавьте к этому магазин, лавочку то есть... Тимофей даже часовню свою возвел на задах у себя, потому как не хочет молиться со всеми нами общему богу. У него, видите ли, и бог собственный...

— Ничего. Скоро и он и вы — все отмолитесь,— «успокоил» районный товарищ, хитренько усмехнувшись. Однако Михаил Спиридонович не зацепился ухом за это брошенное как бы мимоходом замечание. Разгоряченный своей мыслью, продолжал:

— Вот вам, дорогие ученые товарищи, настоящий-то кулак! У него и батраки и другие наемные люди имеются, а вы синюю галочку напротив него поставили. Не посоветовались ни со мной, председателем Совета, ни вон с ними, секретарем и его помощником, ни с партийной ячейкой, ни с комсомольской, а они у нас есть! Ежли уж не меня, то хотя бы вот его вызвали в Баланду.— Михаил Спиридонович кивнул в сторону моего отца, притаившегося, «пришипившегося», как у нас говорят, за своим рабочим, забрызганным чернилами столом, уткнувшегося носом в ненужные ему сейчас, но тем не менее вытащенные из ящика бумаги.— А вы, не отыскав броду...

— Я бы попросил тебя, товарищ Сорокин, быть поосторожнее в выражениях! Не хватало того, чтобы ты отчитывал меня тут!

Михаил Спиридонович побледнел, мелкие капельки пота в один миг покрыли его выпуклый лоб. Густые брови как бы сразу поседели, окинувшись такими же капельками, и были похожи на курчавую травку, подернутую легким дымчатым покрывалом предзоревой росы. Сорокин взял нижние края толстовки (она была тогда в большой моде) и, обнажив впалый, белый до синевы живот, тщательно вытер лицо, потом помассажировал темно-коричневыми пальцами виски и, вернув себе самообладание, сказал:

Я не отчитываю, потому как не хужее

вашего знаю, что у меня нету таких правов — отчитывать... Я только хочу сказать, что было б лучше, ежли бы вы спереж вызвали нас и вместе с нами попотели над этими вот списками, покумекали над ними, а потом уж и поставили все эти крестики, птички и черточки. Речь ведь идет не о деревьях, на которых лесники делают зарубины — вот это спилить, а это оставить. Речь идет...

— Ну, хорошо,— смягчился вроде уполномоченный, удовлетворившись, видимо, тем, что смог осадить бойкого председателя, припугнуть малость,— ближе все-таки к делу, а то мы черт знает до чего договоримся. Дело-то, сам понимаешь, зело серьезное...

— Надо б сурьезнее, да некуда! — живо согласился Михаил Спиридонович, вздохнув.

— Ну, вздыхать нечего, дорогой мой. Потом будем вздыхать да охать. А сейчас — к делу. А то мне в десять ноль-ноль нужно звонить в район, докладывать первому. Там теперь, наверное, уже сидят и ждут моего звонка товарищи из центра. Так что прохлаждаться и вести дискуссию с тобой у меня нету времени, мой милый председатель!.. Коробка-то эта, надеюсь, в исправности? — Уполномоченный указал на телефонный аппарат у стены.

— Черт его душу знает! Вечор вовсю наяривал, названивал так, что в ушах до сих пор шумит. А нынче что-то помалкивает. Устал, должно быть.

— Ну, посмотрим. Общее собрание нынче будем проводить или перенесем на завтра?

— Лучше б на завтра.

— Оттягиваешь, председатель?.. Хорошо, хорошо, завтра так завтра. А теперь начнем. Подсаживайтесь и вы к нам — чего сидите, как красные девки?! Поближе, поближе — помогайте, а то опять председатель ваш скажет, что не посоветовались с вами. Подсаживайтесь. Два ума хорошо, а четыре, надо полагать, еще лучше.

Они просидели над списками и весь этот день, и всю ночь, и половину следующего дня; за это время с ними успели насидеться и наспориться вдоволь и секретари обеих ячеек — партийной и комсомольской, и члены сельского Совета, и активисты. Было вызвано немало разных людей, прежде чем пришли к общему решению.

Пересмотренные списки были переписаны наново моим отцом и его помощником Степаном Лукьяновичем, обладавшими великолепным почерком, и сейчас ждали вечера, чтобы быть оглашенными на общем собрании, по старой привычке называемом сельской сходкой. Страшно довольный таким исходом дела, забыв про усталость, Михаил Спиридонович пригласил уполномоченного к себе домой и угощал его сразу и завтраком, и обедом, и пропущенным вчерашним ужином. Угощая, председатель несколько раз употребил одну и ту же понравившуюся ему фразу:

— Вот теперь все путем. Все по совести, по справедливости.

Уполномоченный, однако, отмалчивался, и это немного смущало хозяина дома, засевало его душу смутной тревогой. И чтобы отпугнуть, отогнать ее от себя, он произнесте же слова, но только уж с вопросительной интонацией:

— Теперь, кажется, все путем? Все по совести? По справедливости?

Уполномоченный и сейчас промолчал. Может, изголодавшийся, он был увлечен поеданием яичницы со свиной поджаркой,— кто знает, может, оно и так. Но подкравшаяся исподтишка тревога от сердца не отошла, не отступила, а сделалась, пожалуй, более ощутимой. Придавленный и напуганный ею, надолго умолк и пригорюнившийся вдруг председатель.

— Я бы прилег на час,— нарушил неприятное это молчание гость.— У тебя, хозяюшка, найдется какой-нибудь уголок?

— Милости просим. Рады будем!— встрепенулась жена Сорокина.— Вон горница пустует. Мы ить с Мишей бездетные... Так что милости...— И она метнулась в переднюю, чтобы разобрать супружескую кровать для важного гостя, а потом часа три не отходила от двери, дежурила, прислушивалась, не позовет ли, не попросит ли попить, не велит ли еще что подать.

Он проснулся, когда кукушка на стенных часах прокуковала шесть вечера. Не знала кукушка, что отбивает последние часы прежней, привычной жизни, которая должна была уступить новому жизнеустройству, неведомому, никем еще не испытанному, а потому и пугающему.

II

Собрание проходило в нардоме, поместившемся в бывшей молельне (не Ефремовской, а чьей-то другой), утратившей прежнее свое назначение тотчас же за революцией и уступившей место и другому «богу» и иным «молитвам». При нардоме организовалось несколько кружков, и самым деятельным из них почему-то оказался драматический. Потому, может быть, что недавно окончившаяся гражданская война оставила после себя обилие драматического материала. Одноактные пьесы сочинялись с невероятной быстротой и рассылались Наркомпросом по всем городам и весям молодой Советской республики. Постановки сменяли одна другую, а реквизит оставался постоянным: муляжные винтовка, парабеллум и наган, буденновка, папаха, перехваченная наискосок красной лентой, серая шинель, черный бушлат, тельняшка, бескозырка — это неизменные символы революции; погоны, фуражка с высокой тульей, хромовые сапоги на скрипящей подметке, генеральские усы и бакенбарды, с которых, перед тем, как наклеить очередному «артисту», наскоро сдувалась пыль, синие галифе с лампасами, монокль с длинным шнурком, стек — белогвардейские, контрреволюционные, стало быть, символы. Другого не было да и не требовалось, ибо вся драматургия того времени создавалась на одном и том же материале. (Помнится, мы как-то с Ванькой Жуковым, используя суфлерскую дверцу на сцене, пробрались средь бела дня в «артистическую» нардома и чуть было тогда уж не подрались из-за того, что ни он, ни я ни за что не хотели облачаться в генеральские и офицерские доспехи, ему и мне надобно было непременно стать либо красноармейцем, либо революционным матросом.) Отцу моему — а он был постоянным участником художественной самодеятельности — неизменно доставались комические роли ротного писаря, неважно какого, красного или белого, того и другого он изображал с одинаковой убедительностью, вызывая смех зрителей прежде, чем заговорит.

А вот сейчас, хоть и находился на той же сцене (его избрали в президиум собрания), отец был тих и печален, тревожными, чего-то ожидающими глазами перебегал с одного сидящего в зале мужика на другого, как бы стараясь понять, от кого же из них надо ожидать неприятностей для себя, кто нанесет первый удар.

В ближних рядах, будто сговорившись, уселись те, которые в сельсоветских списках были отмечены черточкой, то есть беднейшие из беднейших. Первым, кто подвернулся на папанькины глаза, был Карпушка Котунов. По правую руку Карпушки Котунова устроился дедушка Ничей. Этот сидел с раскрытым ртом, боясь не услышать туговатым ухом то, что сейчас скажет Михаил Спиридонович Сорокин, уже поднявшийся за покрытым красной материей столом и барабанивший по этому столу костяшками согнутых пальцев, стараясь водворить тишину. Глаза же дедушки Ничея вцепились не в председателя, а в незнакомого человека в темно-синей гимнастерке, который сидел рядом с Сорокиным и что-то сердито подсказывал ему.

Позади деда Ничея беспокойно ерзал Степашóк Тверсков, Мишки Тверскова отец, и все время что-то нашептывал старику, мешая ему сосредоточиться. Другой на месте деда шумнул бы на назойливого мужика, отпугнул бы его сердитым матюком, но дедушка Ничей был слишком добр для этого. Единственно, что он мог сделать, так это помалкивать себе в тряпочку, не обращать внимания на Степашкá и на его слова. Однако Степашóк все-таки пронял упорно отмалчивавшегося старика, заставил заговорить. Это случилось в тот момент, когда Степашок в пятый, кажется, уж раз высказал тревогу, которая, похоже, терзала сейчас не одного его:

— Соберемся в одну артель, снесем туда свое добро, а такие, как Гришка Жучкин или Яшка Конкин, все как есть порастащут!

— Ах, вон ты об чем! — встрепенулся дедушка Ничей.— Эка беда! Пущай тащут, лишь бы не воровали!..

— Опять ты за свое! — рассердился Степашóк.— Совсем, знать, из ума вышел, дед? Таскать и воровать — один хрен! А ты заладил... Да и я хорош: нашел с кем советоваться!

— А ты, Степáша, не гневись, не серчай на старика. Можа, оно и того, поглупел маненько. Шутка сказать, осьмой десяток разменял дедушка Ничей! Так што...

— Ладно, молчи, дед. Сорокин што-то воззрился на нас с тобой. Должно, мешаем ему.

— Знамо, мешам.— И дед Ничей принял прежнее положение напряженной сосредоточенности. Про себя, однако ж, подумал: «А зачем бы убиваться Степашкý?.. Много ли у него добра, чтобы так-то уж маяться душой из-за него. Аксинью и девок его не обобществят, при нем останутся. А мерин и без того не ныне, так завтра отбросит копыта в сторону. Ему, кажись, уже за тридцать».

В первом ряду, левее Карпушки, водрузили себя неразлучные Микарай Земсков и Паня Камышев. Блаженных, разумеется, никто не наряжал на собрание, но они припожаловали сами, потому что любили народные сборища, и не было еще такой сельской сходки, которую они пропустили бы. Их не выдворяли, ибо знали, что вреда от Микарая и Пани не будет, что Микарай просидит или простоит молча хоть час, хоть пять, хоть десять часов, как простаивал в церкви всенощную в канун пасхи. Ну, а о Пане Камышеве и говорить нечего: глухой, немой и на редкость смиренный, он и вовсе никого не обеспокоит. К ним давно привыкли как к некоей постоянной и обязательной величине в жизни села, и, верно, все бы заскучали, почувствовали себя как бы осиротевшими, ежели б Микарай и Паня вдруг исчезли, улетучились куда-то,— разыскивают же чуть ли не всей деревней Гришу Мерлинского, известного едва ли не на всю Саратовщину дурачка, когда он на неделю или больше убегает из Вишневой Гайки. Разыскивают и терзаются душой до тех пор, пока он, немытый, весь в бурых струпьях, обросший иссиня-черной жесткой волосней до самых глаз, не объявится вновь. В отличие от Гриши наши божьи человеки ни на один час не удалялись за пределы Монастырского и были своеобразным украшением села, его забавой, без них, и это подспудно чувствовал всякий, село поскучнело бы, утратило какие-то важные и нужные ему оттенки.

Наскочивший сейчас на Микарая и Паню глазами мой отец грустно усмехнулся: «Ну, а с этими молодцами что будем делать? Тоже в колхоз потащим? — Глаза между тем уже окидывали, прощупывали ближайшее окружение Микарая и Пани.— Вот они, все как на подбор: Карпушка Котунов, дед Ничей, Степашок, мой братец Петро, эти двое, там вон горою возвышается и вздымает груди-пуды Катька Дубовка, рядом с нею, вижу, примостился Семен Скырла-липова нога, перед посевной он своего мерина подвешивает к перерубу, чтоб не упал от бескормицы. И Ванька Варламов тут как тут — как же без него?! Он уж, конечно, пьянехонек. Небось, тоже попросит слова — это уж как пить дать. То-то будет смеху!.. Он и Карп Иванович Котунов еще днем, до собрания, принесли свои заявления. Терпения, знать, не хватило, а может, хотели продемонстрировать свою преданность Советской власти. Н-да-а-а, запоем мы с такими колхозничками бедного Лазаря, если только одни они и войдут в артель. Н-да-а-а»,— еще раз и еще протяжнее вздохнул мой батяня, обратив на себя сердитый взгляд уполномоченного, не знавшего истинной подоплеки сокрушенного этого вздоха.

Продолжение следует.

Голубиная почта

Олег ЗВЕРЕВ

* * *

Над крышей дома — голубятни вышка:
Слеталась стая к ней, роняя перья.
Был славным голубятником мальчишка.
Нас развела война...
И вот теперь я,
С годами не найдя надежней средства,
Шлю вести —
Словно почтой голубиной —
В тот край, где жил я
Рядом с другом детства
И рядом с небесами голубыми.
Не голубятни раскрываю дверцы —
Из рук в полет уходит
Строчек стая.
Надеюсь втайне:
Чье-то дрогнет сердце,
И кто-то вспомнит, строки те читая,
О детстве и о голубиной почте —
Как о преодоленье расстоянья...
Нас связывают странные цепочки.
Я это объяснить не в состоянье,
Но мне сдается:
Думая все чаще
О друге в пору давнюю, босую—
Что б в памяти ни высветил маняще,
Что б ни писал —
Ему я адресую...
Но как мне с другом поделиться небом
И голубем, что рядом опустился,
И нынешним, а не военным хлебом?
Я жив...
А он с войны не возвратился.
Еще юнцом ее он принял вызов.
И пал с бойцами на высотке гиблой...
Я верю, верю: кружит голубь сизый
Над тем холмом —
Над братской их могилой.
А где-нибудь растет другой мальчишка —
Гоняет голубей, летать мечтая.
Над крышей дома — голубятни вышка.
Летит к ней стая...
Но иная стая.

СЕРДЦУ

Оно то смолкнет,
То огнем займется,
То пустится галопом сгоряча...
— Движений — ноль.
И — никаких эмоций! —
Вот две рекомендации врача.
Лежи себе,
Мирясь с нелепым фактом
Немого созерцанья потолка...
Все это называется инфарктом.
Каков исход —
Неведомо пока...
Эх, сердце! —
Мы с тобой зарвались малость.
Но в дни вселенских бурь,
Бед и потерь
Ты так же кровью жаркой обливалось.
Без помощи дежурной —
Как теперь.
И не однажды
К предынфарктной грани
Тебя толкал, как мог,
Подлец иной.
Но есть лекарства
И от этой дряни:
Поддержка друга,
Верность той — одной.
Зачем с тобой мы
В гущу схваток лезли?
Но ты всегда —
Иного не дано! —
Бывало не к истории болезни —
К истории страны приобщено.
В тебе следы незримо оставались
Могил, окопов, взорванных небес.
В одном различье —
Те зарубцевались,
А новый жжет еще рубец.
Исход неведом...
Но жалеть о чем нам?
Ведь стоит только кризис перенесть,
И снова будешь ты
Не защищенным,
Ранимым и таким,
Какое есть.

* * *

Я ощущаю так тебя вдали:
Как южный ветер,
Что нежнее шелка,
Как зов,
Что с неба бросят журавли,
Как радость, ожидаемую долго,
Как песню чью-то в сумеречной мгле,
Как отголосок отдаленной флейты...
Живи себе спокойно на земле —
Уютно сознавать мне,
Что на ней ты.

* * *

Ты все говори, горьких правд не тая.
Я слов не терплю, что послаще...
Как якорь спасенья — ладошка твоя,
Мне только б держать ее чаще.
Устал седину я достойно нести.
Ты — дерзости ветер попутный,
Ты, может, последняя пристань в пути —
Не делай ее неуютной.
Я в жизни лишь добрую суть привечал.
Но штормы бывали в ней люты.
Ты буйному сердцу —
Прощальный причал
До той—до последней минуты.

КОВЫЛИ

Веками знали лишь ветра вы,
Что с вами шумный спор вели,
Буйнопомешанные травы —
Степей целинных ковыли.

У Атбасара и Есиля
Я вашу вольницу застал...
Но трактора пути месили,
В степь за составом шел состав.

А вы шумели под ветрами,
Как бы почуяв свой исход,
Вольногуляющие травы,
В последний раз, в последний год...

Как отзвук стародавней славы,
Как знак младенчества земли
Буйнопомешанные травы —
Степей целинных ковыли...

БЕССМЕРТЬЕ

Уйдет со мною целый мир,
Запечатленный каждым нервом:
И хмурый день, и яркий миг,
И снег, что был в то утро первым,
И теплый в летний вечер плес
Вблизи смоленской деревушки,
И аромат твоих волос
На легкой вмятине подушки,
И крик рассветных петухов,
Что не давал тебе покоя,
И трепет начатых стихов
Под малоопытной рукою...

Уйдет все это. И еще—
Угаснут мысли, сгинут страсти,
Не ощутишь мое плечо
Ты, как опору, в час напасти,
Не доскажу я, как любил
И слякоть мартовскую даже,
И синь заоблачных глубин,
И дальний лес в туманной пряже,
И в сквере возгласы детей,
И их игру, что так серьезна,
И мудрость щедрости твоей,
Которую я понял поздно...

Уйдет со мной все это, но
Вдруг осознают наши дети,
Что им и зрелым — все равно —
Чего-то малого на свете
Недостает: опоры что ль
Или привычного совета,
А в души их проникнет боль —
Печальной памяти примета...
Коль будет так, то мир стоит.
Молве пустой, друзья, не верьте...
В той памяти и состоит,
Наверное, людей бессмертье.

как вас обслуживают

ЧАЙ ПО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИ

Скажу сразу: вкусен этот чай! Подают стаканчики («армуды» — небольшие, чуть расширяющиеся вверху, с осиной талией), приносят чайник ароматного напитка. А на столе уже миндаль в сахаре, курабье, горсточка изюма.

На улице — взбесившийся термометр, чайхана «Азербайджан» хоть и стоит на самом солнцепеке, а в ней вроде бы не жарко. Мы с бакинским художником И. Г. Иоффе, одним из авторов оформления этого московского кафе, беседуем, небольшими глотками отпивая чай.

— Когда А. Агамалову, В. Гукасову и мне предложили оформить одно из новых московских кафе, мы и не скрывали своего удовлетворения: для любого такой заказ не только почетен, но и интересен. Горячо и заинтересованно обсуждали в Художественном фонде Азербайджанской ССР пути решения темы.

И бакинские товарищи и заказчик — Главобщепит Москвы всячески поощряли творческий поиск. Итог — он перед всеми, кто приходит в чайхану «Азербайджан». В оформлении зала — подчеркнутая, но не нарочитая стилизация, традиционные материалы, преображенные высоким мастерством художников. Чеканка, роспись, витражи: бригада народных мастеров из Баку не позволила себе ни одной небрежности.

Словом, кафе удалось на славу. И я мог бы поставить тут точку, если бы не одно обстоятельство, которое настораживает и огорчает. Был несколько раз в этой чайхане — немноголюдна она. Само по себе это обстоятельство приятно — изрядно надоели очереди к прилавкам, к входу в кафе. Но при проектировании чайхана «Азербайджан» программировалась на более оживленную работу. Стоят в бездействии жарочные шкафы — они могли бы в пять-шесть раз больше, чем сейчас, выпекать восточных сластей.

Логика подсказывает несколько решений. Открыть бы сейчас, летом, небольшие филиалы чайханы — в парках (Центральный-то парк буквально рядом!), а то и на уличном перекрестке поставить бы фирменный ларек, раскинуть прилавки — от желающих купить пакет сластей отбоя не будет. Могли бы московские рестораторы делать «Азербайджану» заказы на сладкую выпечку, пошла бы она в магазинах кулинарии. Но пока ничего похожего не предвидится. Усложненный механизм общепитовского управления не придумал ничего лучшего, как подчинить уникальную чайхану тресту... столовых. Словом, позаботились организаторы общепита, чтобы все поставить с ног на голову. Почему бы не сделать так, как подсказывает логика: чайхана пусть встанет во главе десятков московских чайных, пусть на нее равняются.

К. БАРЫКИН.

НА МАЛОЙ МОЛЧАНОВКЕ, У СИМЕОНА

Юрий МЕЛЕНТЬЕВ

«Если стихи поэта ты впитал, что называется, с молоком матери, если никогда не проходит щемящая боль в сердце, вызванная трагическим образом поэта, если тебя всю жизнь тянет ко всем уголкам, где он бывал, то спрашивается: можно ли не браться за перо?»

Георгий Гулиа

Неукротимо стремителен повседневный пульс Москвы. Столица великого государства, ответственная не только за судьбы огромной страны, но и за судьбы всего земного шара, который со времени полета Гагарина стал для нас осязаемее и ближе, живет напряженно и споро. Но ритмы повседневности, не теряя привычного ускорения, стали меньше мешать нам видеть горизонты дня вчерашнего и завтрашнего. Наше сегодня становится все осмысленнее исторически, и, зачиная новые дела, мы все пристальнее всматриваемся не только в будущее, но и в прошлое. Радуясь лучшему в московской нови, мы уже не так спешим сносить старые дома, не так «спасительно» ссылаемся на ветхость строений, понимая, что это не аргумент, когда имеешь дело с историей народа, его культурой. Да и сама Москва, ее улицы, переулки, парки, мосты, зеленый наряд Измайлова или Ленинских гор стали для нас понятнее, новые и старые названия, вчера еще ничего не говорившие сердцу, ожили для многих, наполнились смыслом и жизнью.

Все больше людей в музеях города, все большим спросом пользуются книги о Москве, все больше выпускается справочников, путеводителей, карт-схем столицы. Огромный энциклопедический однотомник «Москва» сразу стал библиографической редкостью, показав неутоленность жажды исторического самопознания москвичей.

Год от года становится краше наша столица, гордясь не только размахом новостроек, но и все большими успехами московских историков и реставраторов. И надо ли доказывать, что Москва тем быстрее приблизится к желанному состоянию образцового коммунистического города, чем скорее и глубже постигнем все мы одну самую простую, но ох как трудно дающуюся истину: дороги, которые каждый день ведут москвича на работу, в институт, в школу, заведомо переплетены с тропами безымянных и именитых создателей города, его строителей и защитников, тех, кто веками чеканил его облик и славу, с тропами памяти. И когда мы вслед за поэтом по праву повторяем: «улица — моя, дома — мои»,— мы должны физически ощущать, что здесь до нас ходили, жили, радовались, страдали и работали многие миллионы москвичей, а среди них Маяковский и Горький, Блок и Есенин, а еще раньше Толстой и Чехов, Герцен и Огарев, Пушкин и Лермонтов...

Москва вдохновляла и вдохновляет многих. Великому городу отдано немало великих чувств и трепетных слов. Со школьной скамьи носим мы в сердце заветное пушкинское:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

А то, что понял и сказал о столице Лермонтов! Отечественная история и литература навсегда отчеканили лермонтовские строки о Москве на самых святых своих страницах:

«Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча; Москва — не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь. ...Каждый ее камень хранит надпись... для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!»

Даже эти немногие строки из сочинения юнкера лейб-гвардии гусарского полка Лермонтова «Панорама Москвы» — дивного стихотворения в прозе волнуют трепетностью любви и глубиной постижения великого города. Да, Лермонтов воистину понимал Москву, умел читать каменную ее летопись, умел разглядеть в обыденности зримые картины богатой истории, быта, показать богатырские характеры москвичей и тогда, когда они защищают Отечество — в знаменитом «Бородине», и тогда, когда самой жизнью своей отстаивают честь, достоинство, любовь — в славной, так потрясшей Белинского и по сию пору волнующей читателей «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Лермонтов прямо признавался Москве в любви — открыто, горячо, страстно. Когда пришлось покинуть первопрестольную для продолжения образования в Петербурге, в одном из первых писем с берегов Невы доброму своему другу М. А. Лопухиной юноша-поэт писал в сентябре 1832 года: «...Москва моя родина и всегда ею останется. Там я р о д и л с я, там много с т р а д а л и там же был с л и ш к о м с ч а с т л и в».

И в более зрелую пору любовь к Москве не только не угасла в мятежной душе поэта, напротив — разгорелась ярче. В поэме «Сашка» он так же горячо признается:

...покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.

А далее, в седьмой строфе поэмы, звучит знаменитое:

Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын
Как русский,— сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль, зубчатый, безмятежный.

Великая любовь к Москве не осталась без ответа. Чем дальше уходит время, тем значительнее предстает перед нами фигура мятежного поэта, все больше подлинных ценителей и поклонников лермонтовской поэзии среди москвичей, среди всех поколений русского и других народов нашей Родины. Великий город отдает должное своему великому сыну, хранят память о Лермонтове улицы, площади, памятники, музеи, мемориальные доски, книги и люди.

Надо признать, что зданиям, домам, непосредственно связанным с биографией М. Ю. Лермонтова, не особенно повезло в Москве. Двухэтажный каменный дом на углу Каланчевской улицы и площади Красных ворот, где 3 октября 1814 года родился поэт, не сохранился. За ветхостью он был снесен еще в XIX веке. На его месте здесь теперь громада высотного здания с мемориальной лермонтовской доской. Не существует и некогда украшавших площадь Красных ворот. Они были сооружены еще при Петре I в честь Полтавской и других побед русского оружия. В середине XVIII века архитектором Д. В. Ухтомским на месте старой деревянной была поставлена торжественная каменная арка. Она также не уцелела в ходе реконструкции Садового кольца. Ныне между Каланчевской и Новобасманной улицами на площадь своего имени вечным пристальным взглядом смотрит бронзовый Лермонтов. Имя поэта носит и выходящая на площадь станция метро. Есть в Москве, в районе Черкизова, и улица Лермонтова.

Но все-таки подлинная лермонтовская Москва не здесь, у Красных ворот, а в районе Арбатской площади, все тех же арбатских улиц и переулков: на Поварской (ныне улица Воровского), на Большой Молчановке и чудом сохранившейся поныне Малой Молчановке. Именно здесь, в скромном деревянном доме с мезонином на Малой Молчановке, 2, недавно торжественно открылся мемориальный музей М. Ю. Лермонтова.

Если бы мы спросили у современников поэта, у его тогдашних учителей или сверстников по университету: «Где живет Михаил Лермонтов?» — вероятней всего они назвали бы нам Малую Молчановку и добавили: «У Симеона». В ту пору город не делился на районы; окру́га, примыкавшая к той или иной церкви, церковный приход и служили своеобразным ориентиром для горожан.

Вспомним сорок первую строфу седьмой главы «Евгения Онегина», когда старшая Ларина первый раз привозит Татьяну в Москву, прямо в дом своей кузины, которой в девичестве поверяла свои сердечные тайны. Постаревшие сестры оживлены встречей, вспоминают свои молодые годы, предметы тайных воздыханий, своих «грандисонов», и, как прежде, сплетничают. Московская кузина спешит сообщить Лариной о житье-бытье того, кто волновал в девичестве мать Татьяны и в ту пору «был славный франт, игрок и гвардии сержант»:

«Кузина, помнишь Грандисона?»
«Как, Грандисон?.. а, Грандисон!
Да, помню, помню. Где же он?» —
«В Москве, живет у Симеона;
Меня в сочельник навестил;
Недавно сына он женил».

Музей М. Ю. Лермонтова в Москве, на Малой Молчановке. * Уголок малой гостиной. * Автопортрет поэта.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Старший научный сотрудник музея Ирина Олеговна Сутыгина (в центре) ведет экскурсию. * Комната бабушки поэта.

Фото М. САВИНА.

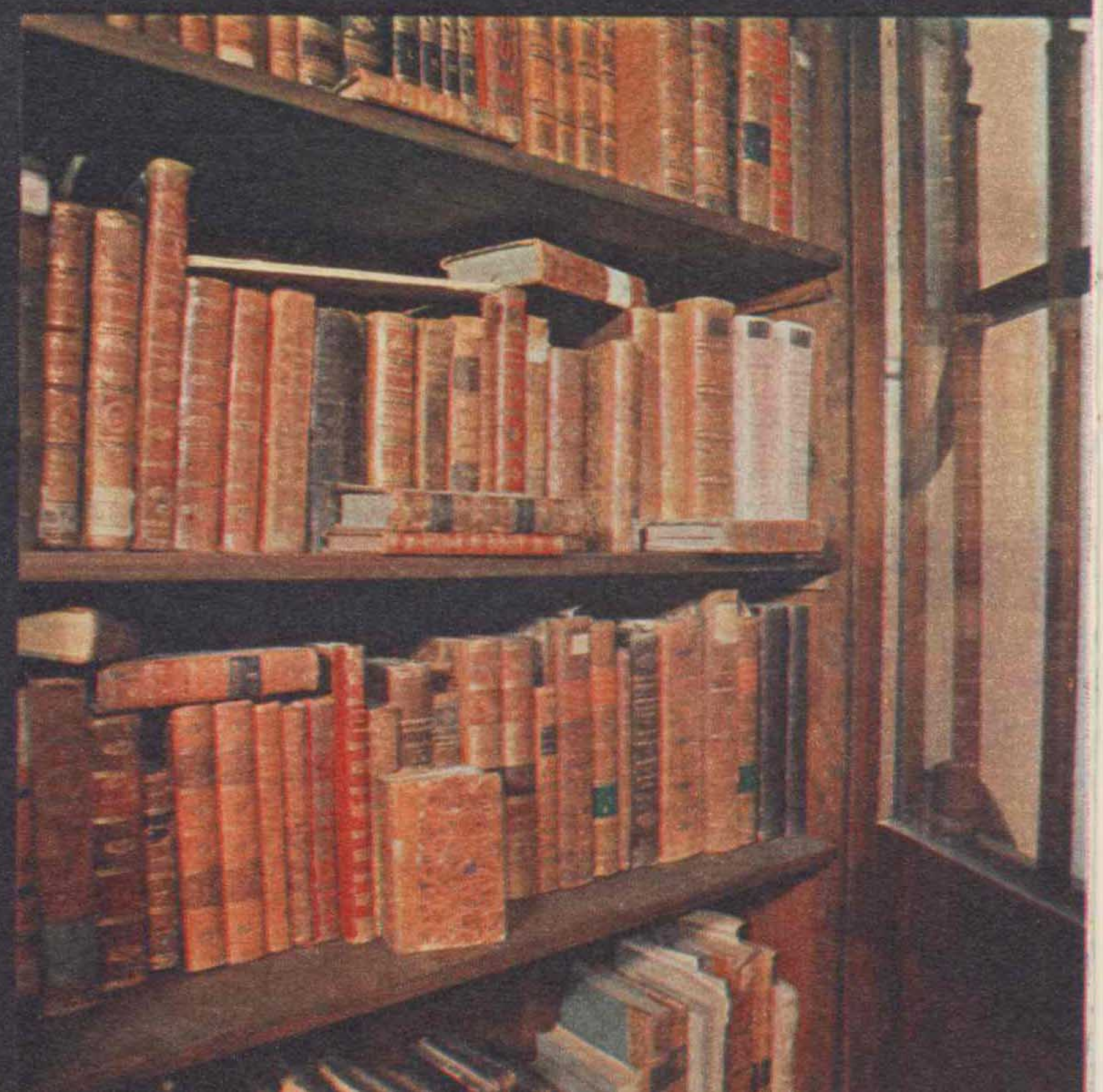

Итак, Лермонтов жил у Симеона. К счастью, этот ориентир сохранился до сих пор. Это церковь Симеона Столпника, та самая, что приютилась ныне под сенью громад новой части Калининского проспекта,— прекрасный памятник архитектуры XVII столетия. Она имеет еще и другое старинное название — «Введенская церковь в Дехтереве огороде, что в за Арбатскими воротами». Сооружение ее завершено в 1679 году, в пору бурной застройки Москвы после разрухи и бедствий смутного времени. И сегодня ласкает глаз ансамбль Симеона. Недавно он наново отреставрирован и теперь достойно смотрится на фоне современной архитектуры, напоминая, что красота не в размерах, а в соразмерности и гармонии.

Среди незаурядных событий, из тех, которые могли привлечь внимание юноши Лермонтова, в документах прихода значится тайное венчание здесь выдающейся крепостной актрисы Параши Жемчуговой с графом Н. П. Шереметевым.

* * *

В грудном возрасте будущий поэт был увезен в пензенское имение бабушки Елизаветы Алексеевны — Тарханы, где и прошли детские его годы. Здесь он получил первое представление о русской природе, о деревенской жизни, о простом человеке — крестьянине. Здесь чуткой детской душой уловил ужас крепостничества, проникся ненавистью к несправедливости, жестокости, унижению человеческого достоинства.

В Москве в эти годы бывал он наездами с бабушкой, которая непременно хотела показать болезненного внука московским докторам. Бездну впечатлений на всю жизнь получил мальчик от трех поездок на Кавказ, куда возила его неугомонная Елизавета Алексеевна, накрепко поверившая в целебную силу горных источников. Можно только представить, какую бурю переживаний, чувств вызывала каждая такая поездка через всю южную часть России к снеговым вершинам Кавказа. Красоты лесов и степей, предгорий, раздольных рек, бушующих водопадов, цепи неоглядных и величественных гор, рассказы о жизни горцев и терских казаков жадно и ненасытно впитывала душа ребенка. Пройдет немного лет, и все это несметное богатство, помноженное на поэтический гений Лермонтова, выплеснется неудержимым потоком стихов, чеканных, прозрачных, звонких, наполненных то радостным удивлением, то горькими раздумьями о превратностях бытия.

Детство Лермонтова было омрачено ранней смертью матери Марии Михайловны и тяжелой многолетней «семейной распрей». Ее причины Лермонтов вполне осознал уже юношей, но ядовитые колючки вражды близких людей чувствовал с малых лет.

Бабушка, Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина, была натурой волевой, решительной, умевшей горячо и беззаветно любить. Умела она и ненавидеть. «Семейная распря» была тяжелой многолетней борьбой за сына и внука между отцом поэта Юрием Петровичем Лермонтовым, мелкопоместным дворянином, и бабушкой. Богатство и бóльшая знатность Елизаветы Алексеевны позволяли ей создать лучшие условия для воспитания, для будущего ее единственного внука, как она его представляла. Это в конечном счете и решило судьбу спора. Юрий Петрович уступил, хотя тяжко переживал вынужденную разлуку с сыном. Но прежде всего, недоумевая, страдал от этой распри болезненный, чувствительный мальчик, горячо привязанный и к бабушке и к отцу.

Биографы Лермонтова немало потоптались вокруг этой распри, выводя чуть ли не из нее одной особенности характера, ею уже объясняя раннее повзросление и многие черты творчества поэта.

В случае с Лермонтовым бывало, что одни исследователи становились на сторону отца, другие — на сторону бабушки. А между тем спор давно разрешило время. В сокровенных своих чувствах разобрался сам поэт. Он отдал должное духовным качествам отца в известных стихах «Ужасная судьба отца и сына...», «Эпитафия», в юношеских драмах, в ряде других произведений.

С бабушкой же была связана вся жизнь Михаила Юрьевича от рождения до роковой минуты выстрела на Машуке и даже после смерти — до перезахоронения праха любимого внука в Тарханах. Вот почему глубоко прав П. А. Висковатов, который свой главный труд о жизни и творчестве великого поэта начал такими словами: «Горячо любила Михаила Юрьевича воспитавшая его бабка, Елизавета Алексеевна Арсеньева, и память о ней тесно связана с именем поэта. Она лелеяла его с колыбели, выходила больным ребенком, позаботилась дать ему блестящее и серьезное для того времени образование... и не раз успевала отвращать своим заступничеством серьезную опасность, грозившую поэту».

Тринадцатилетний Михаил Лермонтов приехал с бабушкой из Тархан в Москву глубокой осенью 1827 года. За несколько месяцев до этого на Воробьевых горах прозвучала юношеская клятва Герцена и Огарева, прозвучала тогда только для двух сердец, чтобы в будущем отозваться в России набатным гулом знаменитого «Колокола».

После чудовищной расправы над героями Сенатской площади, после потрясшей Россию казни на кронверке Петропавловской крепости думающие дети взрослели быстро. Литературоведы и биографы Лермонтова бьются над феномéном мудрости поэта-мальчика. Разумеется, разгадку можно искать и в личной трудно сложившейся судьбе, в тайнах его семейной трагедии. Но главным катализатором ускоренного познания бездны и высот бытия, тайной любви и ненависти, мудрого постижения вечных вопросов — что есть добро и зло? — остается для Лермонтова эпоха.

Маски были сброшены, царизм, варварски расстрелявший зарю русской свободы, показал свою истинную, страшную и отвратительную сущность. Думающая и животворящая Россия спешила выдвинуть на смену поверженным бойцам иных гениальных сынов своих, среди которых рядом с великим Пушкиным стремительно поднялся юноша Лермонтов.

Герцен был глубоко прав, когда отвел Лермонтову достойное место в статье «О развитии революционных идей в России». Имея в виду тех, кто был разбужен к деяниям декабристами, Герцен без колебаний писал о Лермонтове: «Он полностью принадлежит к нашему поколению. Все мы были слишком юны, чтобы принять участие в 14 декабря. Разбуженные этим великим днем, мы увидели лишь казни и изгнания...» И будет только справедливо сказать, что Михаил Юрьевич Лермонтов, являясь одним из тончайших лириков русской и мировой литературы, был одновременно жаждущим бури, мятежным, подлинно революционным поэтом.

Среди литературных учителей Лермонтова обычно называются Пушкин и Грибоедов, Шиллер и Байрон, но с не меньшим основанием к ним надо относить Радищева и Рылеева, чье вольнолюбивое творчество и мученическая судьба оказали непосредственное воздействие на формирование идейно-эстетических позиций поэта.

Пять лет (1827—1832) непрерывного пребывания в Москве (один только раз он выезжал на лето в Тарханы) были едва ли не главными, решающими в его человеческой и литературной судьбе. В Москве прошла его юность, здесь написаны первые его стихи, здесь первые из них увидели свет, здесь он познал любовь и дружбу, горечь разочарования и тяжесть утрат, здесь созрела в нем любовь к России, ненависть к крепостничеству и самовластию. Словом, именно Москва сформировала в нем незаурядную личность, разбудила и поставила на ноги великого поэта.

В годы учебы в Университетском Благородном пансионе, куда Лермонтов успешно поступил осенью 1828 года, они с бабушкой живут у Симеона, на Поварской. Эти дома не сохранились до наших дней (они стояли на месте нынешних строений № 24—26 по улице Воровского). Лермонтов учился упорно, самозабвенно, с великим интересом. Этому во многом способствовали сама атмосфера пансиона, талантливость многих педагогов, программа обучения, которая менялась в зависимости от склонностей воспитанников.

Несмотря на разгул реакции в стране, в пансионе чудом сохранялись демократические, творческие порядки. В библиотеке можно было найти журналы и книги предшествующих лет. Вся декабристская литература, включая «Полярную звезду» Рылеева и Бестужева, была к услугам пансионеров. Пансион гордился, что из его стен вышли Фонвизин, Жуковский, Грибоедов. Из уст в уста передавались предания о выпускниках-декабристах. Имя Николая Тургенева — одного из видных деятелей движения — значилось на мраморной доске среди наиболее успешно окончивших Благородный пансион. В этой атмосфере многогранно даровитый, не по годам развитый, упорный и не лишенный самолюбия Михаил Лермонтов скоро обращает на себя внимание товарищей и педагогов.

Надо отдать должное многим из тогдашних учителей Лермонтова. Они быстро распознали и немало помогли росту его незаурядных литературных и других способностей. Среди тех, кто пестовал Лермонтова, надо особо отметить опытного педагога — историка А. З. Зиновьева, преподавателя теории словесности — поэта А. Ф. Мерзлякова, известного поэта и переводчика С. Е. Раича, знатока древнерусской литературы и «Слова о полку Игореве» Д. Н. Дубенского, маститого поэта И. И. Дмитриева. Некоторые из них не только помогли проявлению поэтического дара Лермонтова в пансионе, но уделяли ему специальное внимание, занимаясь с талантливым воспитанником в домашних условиях.

Уже в 1829 году Лермонтов известен в пансионе как начинающий поэт и неплохой музыкант. Он с большим желанием учится рисованию, пробует писать пейзажи. Проявлял он себя в ту пору и как способный математик. Лермонтов овладел фортепиано и скрипкой. Последней настолько, что именно ему, по свидетельству А. З. Зиновьева, поручают выступить на выпускном акте в пансионе весной 1829 года.

В письмах к тетке — М. А. Шан-Гирей в пензенскую Апалиху он сообщает о своих первых литературных успехах, но более всего пишет о жадном желании работать. Его уже явно захватывает творческая лихорадка. Он радуется приближению летних каникул: «И... прости! достопочтенный пансион. Но не думайте, чтобы я был рад оставить его, потому учение прекратится; нет! дома я заниматься буду еще больше, нежели там». Письма к старшему другу в Апалиху свидетельствуют о серьезном и плодотворном увлечении Лермонтова театром, а в нем прежде всего Шиллером и Шекспиром, которых он знает не только по урезанным цензурой постановкам на сцене Петровского (Большого) театра, но читает на языке оригиналов.

А в сокровенном поэтическом мире юного Лермонтова идет поразительный, еще остающийся загадкой процесс освоения, переработки, постижений могучей палитры образов, форм, красок двух мировых гигантов литературы — Пушкина и Байрона. Да, они кумиры рождающегося поэта, но даже благоговение перед ними никогда не подавляло Лермонтова. Он лишь стремительно проходит через их поэтическое горнило, чтобы закалиться в нем, взяв соответствующее незаурядной своей натуре, собственному восприятию жизни.

С того момента, когда он начал писать стихи (1828) до рокового выстрела, грянувшего 140 лет назад, прошло всего лишь двенадцать с небольшим лет. Жизнь, что называется, не давала Лермонтову времени для эволюции. Как писатель он развивался с неуловимой быстротой, нередко проходя за год то, на что другому история литературы отпускала 3—5 лет, а то и целые десятилетия. Героический романтизм ранних стихов и поэм Лермонтова уже содержал столь глубокие наблюдения над внутренней жизнью человека, что переход поэта к психологическому реализму, родоначальником которого он явился в России, произошел как-то естественно и сразу. Но краткий миг трудов Лермонтова в истории литературы принципиален. Без громадной работы, которую вслед за Пушкиным проделал он в русской словесности, был бы невозможен реализм Толстого от его «Казаков» до «Хаджи Мурата».

Ну а пока Лермонтов еще в Университетском пансионе, в начале творческого пути.

Романтический период поэтического творчества Лермонтова нередко связывают с его увлечением родословной по линии отца. Далекие предки Юрия Петровича Лермонтова действительно были выходцами из Шотландии и по документам, которые приводит в своей книге Висковатов, впервые появляются на воинской службе в Москве в начале XVII века. В драме Шиллера «Дон Карлос» упоминается испанский герцог Лерма, что дало пылкому воображению юноши Лермонтова дополнительную пищу. Чтобы тут свести шотландские концы с испанскими, родилась легенда о вынужденной эмиграции испанского герцога в Шотландию. Конечно, все, что в какой-то мере волновало гениального юношу, что нашло отражение в его творчестве, в частности первом серьезном драматическом произведении «Испанцы», в известном стихотворении «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной...»), может быть предметом внимания биографов. Но, кажется, иные авторы невольно упускают не менее важные стороны и условия формирования взглядов Лермонтова. Глубоко прав Ираклий Андроников, указавший в одной из своих последних статей, что юный романти-

Бюро в комнате М. Ю. Лермонтова. * Тифлис. Картина М. Ю. Лермонтова. * Портрет отца поэта. * В большой гостиной. * Кавказский пейзаж. Работа М. Ю. Лермонтова. * Библиотека поэта.

ческий интерес к дальним предкам у Лермонтова очень скоро прошел, уступив место глубокому изучению и художественному анализу российской действительности. В самом деле, пройдет совсем немного лет после создания юным Лермонтовым стихотворения «Желание», и в поэме «Сашка» он будет уже иронизировать по поводу своих ученических увлечений:

Я не философ — боже сохрани! —
И не мечтатель. За полетом пташки
Я не гонюсь, хотя в былые дни
Не вовсе чужд был глупой сей замашки.

Раннее гражданское созревание поэта связано прежде всего с его горячими симпатиями к героям Сенатской площади, ненавистью к палачам Рылеева и его товарищей. Эти глубокие симпатии к декабристам имели и личные, семейные основания. Дело в том, что два брата Елизаветы Алексеевны были активными участниками тайных обществ. Известный сенатор Аркадий Алексеевич Столыпин был близким другом Рылеева, встречался с Кюхельбекером и Грибоедовым. Он разделял идеи «Северного общества». Аркадий Алексеевич умер весной 1825 года, незадолго до восстания. Он был женат на дочери знаменитого Н. С. Мордвинова, того самого, что наряду со Сперанским и Ермоловым прочился декабристами в состав будущего правительства России. Рылеев, тяжело переживавший смерть старшего друга, посвятил его вдове и осиротевшим детям стихи, напечатанные в 1825 году в «Северной пчеле». Лермонтов, несомненно, был знаком с поэтическим наказом его близким родственникам:

Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой;
Пусть в сонме юных исполинов
На ужас гордых их узрим,
И смело скажем: знайте, им
Отец — Столыпин, дед — Мордвинов.

Номер журнала с рылеевскими стихами по праву представлен в экспозиции музея на Малой Молчановке. В ходе расследований по делу декабристов некоторые из них высказывались в том духе, что если бы был жив сенатор Столыпин, он непременно поддержал бы восставших.

Другой брат бабушки — генерал-лейтенант Дмитрий Алексеевич Столыпин — служил на Украине, был близок к Пестелю, помогал организовывать ланкастерские школы для простого народа и хорошо знал о деятельности «Южного общества» декабристов. При загадочных обстоятельствах он скончался в своем подмосковном имении Середниково 3 января 1826 года, как только начались аресты сторонников движения.

Бабушка Лермонтова — женщина независимая и гордая — свято хранила память о своих братьях, «запятнанных» царским подозрением. Она дружила с видным государственным деятелем М. М. Сперанским даже в ту пору, когда тот был в опале. Портреты этих людей, лишенных царской милости, постоянно находились в ее доме. Так что мы имеем все основания предполагать, что горячее сочувствие декабристам, активно подтвержденное первыми же стихами Лермонтова, в полной степени проистекало из самой его семейной атмосферы. В Середникове, последнем пристанище декабриста, где поэт несколько лет проводил свои летние каникулы, не могли не родиться и родились подлинно революционные строки. Именно в Середникове летом 1830 года еще ребяческой рукой на шестнадцатом году жизни начертал он свое гениальное «Предсказание»:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...

А годом раньше рождаются наивные в своей конспиративной прозрачности, но полные горечи и политической определенности «Жалобы турка», где явно изображена современная ему Россия:

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

Следуя традициям декабристских поэтов, прежде всего Рылеева, Лермонтов обращается к теме вольного Новгорода, создав сначала стихотворение «Новгород», а следом — поэму «Последний сын вольности». Стихотворение «Новгород», написанное по конкретному случаю волнений в северных военных поселениях Аракчеева, может вместе с тем рассматриваться и как призыв к мужеству поверженных борцов, которые томились в сибирских рудниках:

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..

Тиран, злодей, тот, кто казнил благороднейших людей, существует не только в воображении юного поэта. Лермонтову довелось встретиться с царем непосредственно, лицом к лицу.

Граф Бенкендорф, шеф корпуса жандармов, этой, по выражению Герцена, «вооруженной инквизиции», в своих докладах царю прямо указывал на столичные университеты и на благородные пансионы при них, как на рассадники неблагонадежности.

В марте 1830 года Николай I сам решил проверить полицейские доносы и без предупреждения, инкогнито появился в пансионе. Он буквально пришел в бешенство, когда увидел на мраморной доске имя декабриста Николая Тургенева. Лермонтов и другие пансионеры могли наблюдать истерику царя. Участь пансиона была решена. Через несколько дней он был упразднен по «высочайшему повелению» и преобразован в обычную гимназию, где непокорных могли сечь розгами.

Немудрено, что на семейном совете было решено уйти и готовиться к поступлению в Московский университет. 16 апреля 1830 года Лермонтов получил свидетельство, в котором значилось, что он был принят в пансион и «обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам, с отличным прилежанием, с похвальным поведением и с весьма хорошими успехами; ныне же, по прошению его, от пансиона уволен». Осенью 1830 года Михаил Лермонтов уже студент Московского университета.

К весне этого же года относится и переезд Лермонтова на Малую Молчановку, в скромный дом с мезонином, совсем рядом с их прежними домами на Поварской. Бабушка сняла более удобное жилье для себя и внука у купчихи Черновой. Даже соседи практически не изменились. Рядом были особняки родственников и добрых знакомых Столыпиных, Верещагиных, Бахметьевых, Поливановых, Лопухиных. Здесь прошло более двух лет предельно насыщенной, полной скрытого драматизма и напряженного творчества жизни поэта.

О том, что Лермонтов жил на Малой Молчановке, биографы знали еще в конце XIX века по воспоминаниям А. П. Шан-Гирея. Но уже в советское время были уточнены даты «молчановского периода» (апрель 1830 — август 1832 гг.). Многие исследователи — лермонтоведы, архитекторы и реставраторы трудились над тем, чтобы шаг за шагом уточнить подробности быта и тогдашней духовной атмосферы в этом единственном сохранившемся в столице мемориальном лермонтовском здании. Среди них Ф. Майский, публикация которого в апреле 1941 года в «Литературной газете» установила на основании документов Московского исторического архива время переезда Лермонтова в этот дом. Над восстановлением подлинного облика гнезда поэта, по крупицам собирая материалы, работали москвоведы Б. С. Земенков, И. Усок, писатели Т. А. Иванова, Г. Д. Гулиа, архитекторы М. Ф. Фехнер, И. А. Киселев. Благодаря их усилиям, мемориальность дома-музея сегодня надо признать высокой. Вплоть до подлинного цвета и рисунка обоев в комнате бабушки и в кабинете Лермонтова. Над проектом реставрации трудился целый коллектив специалистов института «Спецпроектреставрация» Министерства культуры РСФСР во главе с А. А. Михайловским и В. В. Егоровым. Сам дом отлично отреставрирован опытными мастерами объединения «Росреставрация» к декабрю 1980 года. Внутренний его облик воссоздали сотрудники Государственного литературного музея, которые пользовались изысканиями и консультациями Т. А. Ивановой, И. Л. Андроникова, Н. П. Пахомова и других известных лермонтоведов.

Как документально установлено, лермонтовский дом на Малой Молчановке, 2, был построен в 1816—1817 годах по одному из «апробированных», мы бы сказали теперь, типовых, проектов, которые рекомендовались специальной комиссией по восстановлению Москвы после пожара 1812 года. Таких особняков немало возникало тогда в арбатских улицах и переулках, да и в других концах Москвы. Вспомним хотя бы дом Герцена на Сивцевом Вражке, 27,— те же девять окон по главному фасаду, тот же мезонин в три окна. Примерно такими же были тогда дома Поливановых на Большой Молчановке, историка Погодина на Девичьем поле, литератора Хомякова на исчезнувшей Собачьей площадке. Однако дома эти все же не воспринимались на одно лицо, как сегодняшние типовые постройки. У каждого из них была хоть небольшая, но своя архитектурная «изюминка».

В мезонинах, куда из нижних комнат шла крутая лестница, как правило, селилась молодежь. Именно здесь сосредоточивалась духовная жизнь, полная страстей, ночных споров, обсуждения только что прочитанного. Именно здесь нередко создавались и распадались кружки горячих молодых голов, читались неопубликованные и запрещенные произведения Радищева, Рылеева, Грибоедова, Пушкина. Здесь, в мезонинах, обитали, бурлили, заключали союзы и ссорились молодые «карбонарии», по выражению Бенкендорфа, «дворянчики от 17 до 25 лет», которые, как считал вездесущий глава голубых мундиров, составляли «гангренозную» часть империи. В этом смысле мезонин Лермонтова был скорее правилом, чем исключением. В его комнате собиралась шумная, полная надежд и еще не осознанных стремлений, ищущая молодежь. Здесь звучали страстные речи о революционных событиях в Европе, о восстаниях черногорцев и байроновских надеждах на свободу Греции, о новых главах «Евгения Онегина», о Гамлете и Карле Мооре, об актерских работах Мочалова и Каратыгина, о философских концепциях Шеллинга и Руссо, о социализме Фурье и Сен-Симона, о предназначении России и смысле жизни. Подтверждение этому, с одной стороны, дает состав библиотеки Лермонтова тех лет, с другой — содержание драм «Странный человек» и «Люди и страсти», а также ряда стихотворений поэта.

Но мезонин Лермонтова не только реальный свидетель идейных исканий поэта и его сверстников в самом начале тридцатых годов прошлого века. Это воистину святое место для нашей поэзии, для отечественной литературы. Вообще дом на Малой Молчановке — уникальный памятник русской музы. Всего два с небольшим года прожил здесь Лермонтов, но надо признать, что они были едва ли не самыми плодотворными в его короткой литературной судьбе.

Нередко литературоведы, касаясь этой поры, говорят, что в Москве юноша Лермонтов лишь нащупывал подходы к наиболее важным своим темам и произведениям. Возможно и такое толкование. Но не следует забывать о крайней «спрессованности» лермонтовской жизни, о своеобразной нравственно-эмоциональной и творческой лихорадке, в которой он фактически находился все время своей учебы в Московском университете. Это состояние, нравственный облик поэта, глубина его чувств и философских исканий, осознание своего поэтического гения и ответственности за него, наконец, тяжкий дар пророчества, которым он, несомненно, обладал, нашли концентрированное выражение в своеобразной исповеди, которая родилась из-под пера Лермонтова ровно 150 лет назад:

...Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.
Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь все как-то коротка
И все боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! Жажда бытия
Во мне сильней страданий роковых...

Теперь обратимся к статистике. За годы, связанные с Малой Молчановкой, Лермонтовым создано около 250 стихотворений, 10 поэм и 3 драмы. По творческой интенсивности это время можно сравнить разве что с болдинскими вдохновениями Пушкина. Произведения, написанные в «молчановский период», составляют ныне более одной трети академического собрания сочинений Михаила Юрьевича Лермонтова.

Катализатором творчества, несомненно, служила плодотворная атмосфера идейных исканий, которой характеризуется жизнь юной поросли Московского университета начала 30-х годов. Великий дух творческого соревнования молодых гигантов, который не мог не родиться в аудиториях тогдашнего университета, стимулировал поэта. Ведь рядом с ним учились тогда Герцен и Огарев, Белинский и Станкевич, К. Аксаков и И. Киреевский. Потом они изберут свой путь, станут противниками или единомышленниками. Сейчас вино еще молодо и только начинает бродить.

Существовало мнение, что Лермонтов держался особняком и не интересовался делами сверстников по университету. Но оно легко опровергается хотя бы фактом его участия в «маловской истории»*. Он не примкнул к кружку Станкевича или Белинского не потому, что чужд их духовных интересов, а потому, что сам в центре одного из кружков, в который входят Алексей Лопухин, Николай Поливанов, Владимир Шеншин, Андрей Закревский. Взгляды друзей пестры, но весьма радикальны. Заметим также, что А. Закревский был связан с кружком Герцена и Огарева.

Лермонтов умел быть верным другом для тех, кто разделял его взгляды, кто мог понять высоту его интересов и стремлений.

«Московский университет,— писал Герцен позднее в «Былом и думах»,— вырос в своем значении вместе с Москвою после 1812 г. ...Народ догадался по боли, которую чувствовал при вести о ее занятии неприятелем, о своей кровной связи с Москвой. С тех пор началась для нее новая эпоха. В ней университет больше и больше становился средоточием русского образования. Все условия для его развития были соединены — историческое значение, географическое положение и отсутствие царя». «Мы были уверены, что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым»... Одним из них все в большей мере становился по своим убеждениям Михаил Лермонтов.

Его антикрепостнические настроения, его ненависть к варварской жестокости помещиков открыто вылились в творчестве того периода, особенно в ранних драмах. Еще в наброске плана драмы «Испанцы» Лермонтов впервые отчетливо сформулировал мысль о своих симпатиях к простому народу: «В первом действии моей трагедии молодой испанец говорит отцу любовницы своей, что благородные для того не сближаются с простым народом, что боятся, дабы не увидали, что они еще хуже его». В конце 1830 года Михаил Лермонтов закончил драму «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти»). Во многих отношениях это произведение этапно и примечательно. Во-первых, оно первое обращение Лермонтова к прозе и одновременно первое обращение к современной ему русской действительности. Проза покорилась поэту, а от русской действительности отныне он уже не отступит в своем творчестве. Здесь нарисована впечатляющая картина жизни поместья, где рядом с семейной драмой кристаллизуется драма крепостничества, издевательств и попирания человеческого достоинства простого народа.

В 1831 году на Малой Молчановке была написана драма «Странный человек», где яростный протест против крепостничества приобрел характер революционного манифеста, по силе и определенности не уступающего антикрепостнической драме «Дмитрий Калинин», которую тогда же завершил другой студент Московского университета, Виссарион Белинский.

Интересно отметить, что жизненные пути Лермонтова и Белинского переплетались многократно. Детство их (хотя, конечно, в разных социальных условиях) прошло в одних пензенских краях. Тарханы находятся в десятке километров от Чембар. Не исключено, что отец великого критика Григорий Никифорович, много лет занимавший пост не только городского, но и уездного лекаря, мог лечить болезненного тарханского наследника. И круг наблюдений из мира крепостничества был у юношей один. Немудрено, что поразительно близкими оказались антикрепостнические идеи в их первых произведениях. В студенческую пору они едва ли встречались. Первоначально Лермонтов был на другом отделении, а когда в конце 1831 года перевелся на словесное отделение, Белинский тяжко болел и почти не появлялся на занятиях. Лично познакомились они позже, уже в Петербурге, когда к тому и другому пришла первая литературная слава.

Среди причин, приведших к творческому взлету Лермонтова, конечно, была любовь. Тончайший резонатор его поэтической души немедленно отзывался на теплоту или холодность предмета его увлечения. В детстве, лишившись материнской ласки, Лермонтов рано испытал потребность любви. Одно за другим переживает он серьезные чувства, которые, как правило, сопровождались поэтическим взрывом. Проникновенные, полные высоких, кипучих чувств стихи посвящает он кокетливой красавице Екатерине Сушковой, знаменитой Н. Ф. И.— Наталии Ивановой. В стихотворении «1831-го июня 11 дня» Лермонтов признавался:

Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

Поэт благословляет святое чувство и бесконечно дорожит им, даже если оно не разделено, даже если холодность и обман встречает в ответ:

Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.
...Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда...

На долю Лермонтова выпали не только светские интриги «красавиц записных», но и великое чувство — огромная, хотя и несчастливая, любовь. И кто знает, не будь на пути поэта удивительной русской женщины Варвары Александровны Лопухиной, не лишилась бы русская литература лучших лермонтовских страниц в «Княгине Лиговской», в «Герое нашего времени» да и лучших стихов его, порожденных этим высоким, пронесенным сквозь все последнее десятилетие чувством? «Мой луч-путеводитель» — это ли не высочайшее признание поэта, адресованное той, кому посвятил он «Валерик», «Измаил-Бей» и множество стихов, которые полны восторга и печали. Как, например, эти строки, рожденные еще в ту пору, когда, казалось, ничто не разделяло любящих:

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою,
Хоть пути не кончить им вдвоем!

Но любовь для Лермонтова не только грусть и томление. Она порыв, творчество, поиск и стремление к непостижимому совершенству. Не об этом ли говорит великое поэтическое открытие — поэма «Демон», над которой бился он всю свою творческую жизнь? Три варианта поэмы родились на Малой Молчановке. В них автор, по обычным меркам почти мальчик, поднимается к дерзновенной идее богоборчества, и кажется невероятной в его устах идея о безграничной силе земной любви, которая выше и плодотворнее царственного спокойствия и даже бессмертия небожителей. Вспомним, что уже завершенный «Демон» также посвящен Вареньке Лопухиной — прекрасной и трагической музе поэта.

Природное дарование Лермонтова проявлялось широко и щедро. Напоминанием о его музыкальной одаренности служат в гостиной музея рояль и скрипка. Но дом на Малой Молчановке особо гордится Лермонтовым-художником. Здесь можно проследить, как ребяческое стремление лепить и рисовать выросло в серьезное увлечение живописью. В акварельном портрете монахини мы вновь узнаем прелестные черты В. Лопухиной. Любви к ней мы обязаны лучшим изображением поэта. Автопортрет в бурке, открывающий экспозицию музея, был некогда специально написан для Лопухиной и подарен ей Лермонтовым в 1838 году. В Литературный музей он попал сложными путями — был доставлен из-за рубежа стараниями И. Л. Андроникова. Глаз художника не раз помогал Лермонтову — поэту и прозаику. Знаменитая «Панорама Москвы» — эта многокрасочная и многозвучная картина, которую поэт живописал словами, могла быть воссоздана по памяти не только гением литератора, но и зорким глазом незаурядного художника.

И само поэтическое наследие Лермонтова дает представление о его эрудиции и симпатиях как художника. Из западных мастеров он хорошо знал и любил Рафаэля, Перуджино, Гвидо Рени, но особенно был неравнодушен к Рембрандту. Известны и учителя Лермонтова-живописца. В Москве им был весьма умелый А. С. Солоницкий, в Петербурге — даровитый живописец П. Е. Заболотский.

Музей обладает рядом ценнейших рисунков поэта, многими акварелями и несколькими живописными полотнами, связанными с его кавказскими впечатлениями. Изобразительное наследие Лермонтова (ныне известно свыше 400 его работ) ценнейший источник для исследователя его творчества, неотъемлемая часть духовной жизни поэта, своеобразный дневник его беспокойной походной судьбы.

«Молчановский период» ознаменован и обращением Лермонтова к народной поэзии. Именно к этому времени относится известная запись в дневнике: «...Если захочу вдаться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях. Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская — я не слыхал сказок народных: в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности». И он не только нашел ее в былинах и сказках, не только услыхал их сам, но подарил читателю подлинно народные свои шедевры. Уже по поводу первого сборника лермонтовских стихов Белинский с полным правом напишет: «...Мы узнаем в нем поэта русского, народного в высшем и благороднейшем значении этого слова». Да и сам Лермонтов очень рано осознал подлинно национальный характер своего поэтического дара. Уже в конце московского периода, подводя итог своего юношеского увлечения великим английским бардом, он заявляет для себя и для других:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

О годах, прожитых поэтом в Москве, П. А. Висковатов справедливо сказал: «Здесь впервые развернулся талант Лермонтова и положено основание всем лучшим его произведениям, выполненным уже позднее».

А. И. Герцен в 1850 году написал свое знаменитое: «Пистолетный выстрел, убивший Пушкина, разбудил душу Лермонтова». Надо признать, что сказано это образно, сильно, но неточно. Душа Лермонтова была уже разбужена к деянию. К моменту трагедии Лермонтов был настолько серьезным поэтом, что перо, выбитое из рук великого, было подхвачено им на лету. Пушкин был одним из тех титанов, который поддерживал свод подлинной русской цивилизации, духовной культурой передовой России. Лермонтов смело подставил под эту гигантскую тяжесть свое еще не вполне окрепшее плечо. Осознав великую ответственность, он уточняет для себя миссию поэта. Теперь, по Лермонтову, необходимо, чтобы стих «звучал, как колокол, на башне вечевой во дни торжеств и бед народных».

* * *

Мы видели, как любил Михаил Юрьевич Москву, а в ней особо отмечал Кремль. В «Панораме Москвы» нельзя пройти мимо восхищенных его слов: «Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец?.. Он—алтарь России...». Или вот этот вопрос к читателю из четырех словно высеченных восторгом сердца лермонтовских строк:

Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?

Кремль никогда еще не был так величав и прекрасен, как в наши дни. Золотые руки реставраторов — умельцев, которые могли и в пору земной жизни поэта сработать красоту: «с резными ставнями окно» или несравненное чудо дворцов Москвы и Петербурга,— как бы наново украсили реликвию и гордость нашего народа. Они же, эти умелые, теплые, добрые руки, преподнесли москвичам подарок — Дом-музей Лермонтова. Музей Лермонтова на Малой Молчановке, 2, принял первых посетителей 19 февраля 1981 года. Отныне наряду с музеями в Тарханах и Пятигорске он будет всегда служить бессмертной славе поэта.

* Студенты университета изгнали из аудитории реакционного профессора Малова.

Герой Социалистического Труда, народный артист СССР И. В. Ильинский.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

СПАСИБО ИЛЬИНСКОМУ

Д. ЗЕРКАЛОВА,
народная артистка РСФСР

Мы одновременно начали вместе с Игорем Владимировичем Ильинским играть на сцене Малого театра.

Это был спектакль «Волки и овцы» Островского.

И как же насыщен юмором был Ильинский в роли Мурзавецкого! А я играла хищную и хитрую «волчицу» Глафиру.

Много лет прошло с тех пор. И долгое время шла в Малом театре наша, всегда созвучная и дружеская работа с Ильинским, партнером редкостно щедрой души. Он неизменно восхищал меня не только безоговорочной силой своего разностороннего таланта, но еще и серьезным, требовательным отношением к искусству даже там, где ему как будто достаточно было вызвать у зрителя только смех, улыбку. Но он всегда шел вглубь...

Начинался Ильинский — это все знают — как артист комедийный. Именно в этом он приобрел известность широчайшую. Вспомнить только его кинематографические свершения, его роли в фильмах ранних лет: «Закройщик из Торжка», «Поцелуй Мэри Пикфорд» «Праздник святого Йоргена»... Так ведь и много позднее Ильинский еще сохранял вкус к комедии самой острой и не отказывался от общения с кинозрителем, которое снова приносило ему успех и славу... «Волга-Волга», «Карнавальная ночь» — тут Ильинский не только комик; тут Ильинский — сатирик, не знающий пощады к тому, что он высмеивает: тупость, бюрократизм, чиновническую бездуховность...

И тем не менее я глубоко уверена, что только **театр**, именно Малый театр с присущей ему масштабностью свершений, серьезностью большой драматургии, дал Игорю Ильинскому все то, что он имеет в самом себе сегодня как один из корифеев русской советской сцены.

Начав актером-комиком, Ильинский сегодня встречает свой юбилей артистом-мыслителем. И неудивительно. Он сыграл на сцене Малого театра все значительные, творчески интересные роли в таком репертуаре, который определяется именами Шекспира, Толстого, Островского, Гоголя, Достоевского, Тренева, Вишневского, Погодина, Корнейчука... Да разве назовешь всю классику, мировую и советскую, которая формировала душу актера, самый облик его дарования!

И как-то странно вспомнить, что сравнительно недавно были еще критики, которые говорили об Ильинском с некоторой неуверенностью, что, мол, в его актерской судьбе «есть недосказанность». Даже, мол, и Аким во «Власти тьмы» эту «недосказанность» будто еще не снял...

Это не просто спорно. Это глубоко ошибочно, грубо, неверно.

Ильинский был, есть и остается живым воплощением блистательного актерского, всесторонне состоявшегося, творчески насыщенного существования. И я — да разве я одна! — считаю, что вся жизнь Ильинского — и на сцене и на экране кино — выражает беспредельное могущество искусства, которому артист служит, отдавая себя целиком, но и от него взамен получая отдачу столь же огромную... Ведь они очень дорого стоят для нас, актеров,— зрительский смех и зрительские слезы... Это наша жизнь, главный смысл нашего человеческого бытия.

В Ильинском мы видим и знаем артиста, который может все. В равной мере ему подвластны и искрометная комедия и самый настоящий трагизм, хватающий за сердце, рождающий и боль, и душевный отклик, и понимание чего-то очень большого, огромного. Таков толстовский Аким. А теперь на сцене живет еще и сам Толстой, показанный Ильинским в спектакле «На круги своя» с поразительной актерской точностью понимания героя. Величия героя.

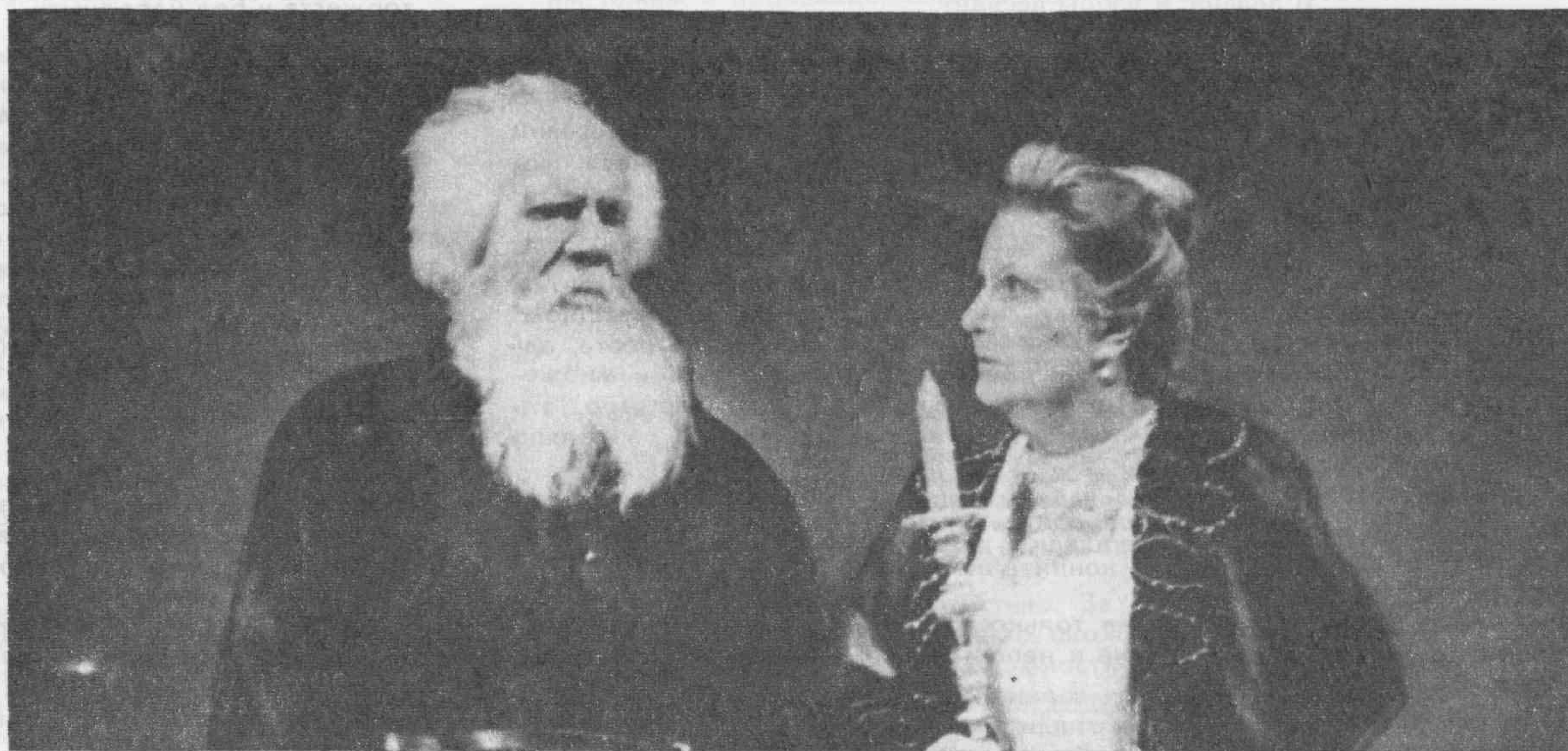
А каковы толстовские чтения Ильинского по телевидению! Как ясно и светло, печально и весело он доносит образы трилогии «Детство. Отрочество. Юность»! А гоголевские «Старосветские помещики» — бесконечно трогательные, такие неожиданно добрые, человечные, смешные и жалкие сразу, очень нам нужные, очень много нам дающие...

Все это Игорь Ильинский. Все это его талант, неувядаемый, полный свершений и сегодня.

Я рада и горда тем, что была партнером Ильинского, его соратником по сцене, что и в мою творческую жизнь вошел такой замечательный, неповторимый артист. Спасибо ему!

«Похищение из гарема», 1927 год,— так начиналась юность.

«На круги своя»

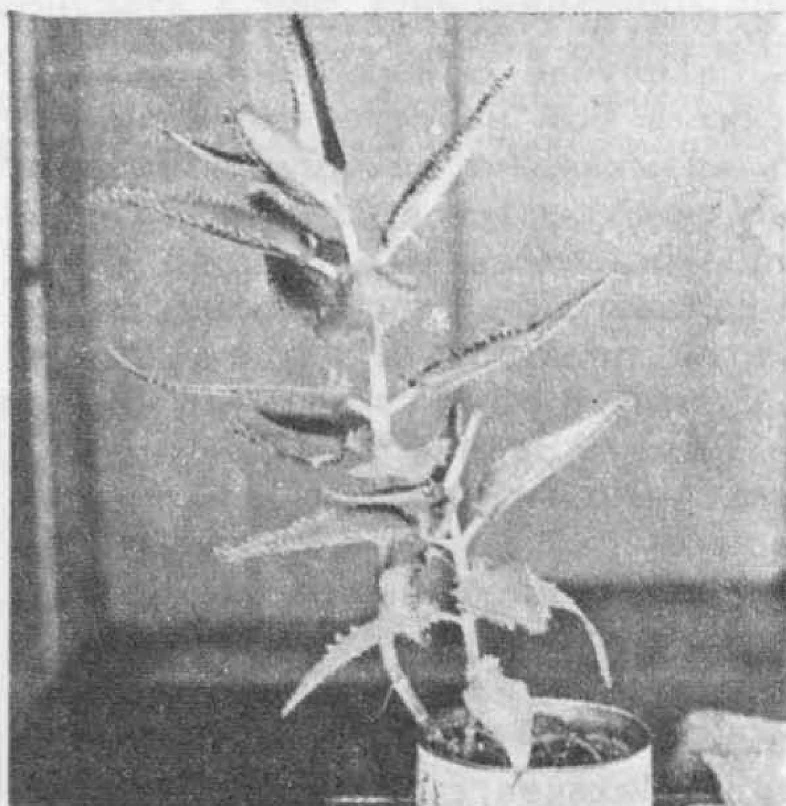
УЧЕНЫЕ ОТВЕЧАЮТ ЧИТАТЕЛЯМ

КАЛАНХОЭ — ЛЮБИМЕЦ ГЕТЕ

Супруги Квиринги из Свердловска просят рассказать о каланхоэ. Это комнатное растение им подарили знакомые, отрекомендовав его как верное средство «от всех болезней». Так ли это? И можно ли использовать его «для самолечения?» — спрашивают читатели «Огонька».

В Фондовой оранжерее Главного ботанического сада АН СССР мне показали несколько видов этого любопытного растения семейства толстянковых. Наиболее распространенный вид называют «цветок Гете». Великий немецкий поэт, вошедший в историю еще и как крупный ученый-естественник, посвятил каланхоэ специальное исследование.

Есть еще у этого растения и такое очень точное название: «дерево жизни». В нем отражена способность к живорождению. Листья каланхоэ — яйцевидной формы, но края их не гладкие, а с зазубринами, как у пилы. Детки появляются у основания каждой зазубрины: две тоненькие ниточки — корни и два листочка; опадая, они начинают самостоятельно развиваться. Но иногда детки вырастают, так и не оторвавшись от материнского растения, и, в свою очередь, производят следующее, уже внучатое поколение.

Каланхоэ.

У себя на родине, в горах Мадагаскара, каланхоэ растет на каменистых, сухих склонах, начисто лишенных почвенного покрова. Возможно, поэтому он выработал такой «наступательный» способ размножения, чтобы не ждать милостей от окружающей среды.

Завезенный в Европу в начале XIX века, каланхоэ заинтересовал своей неприхотливостью как ученых, так и любителей комнатных растений. Но вскоре интерес ослаб, и про каланхоэ забыли.

— В последние годы поднялась вторая волна популярности любимца Гете. Но теперь он приобрел статус домашнего «лекаря», — рассказывает научный сотрудник ботанического сада Галина Викторовна Порубиновская. — Правда, титул этот ему присвоили несколько преждевременно. Но у «цветка Гете» есть близкий родственник — каланхоэ перистый. Этот вид семейства толстянковых действительно обнаружил некоторые целебные свойства. Препараты перистого каланхоэ после многочисленных испытаний в медицинских институтах Киева, Москвы, Ленинграда, Донецка были допущены в медицинскую практику.

Что касается «цветка Гете», то некоторые утверждают, будто бы его сок помогает при насморке. Считается, что его листья ускоряют заживление ран, снимают боль при ожоге, оказывают кровоостанавливающее действие, а спиртовой настой принимают при желудочно-кишечных заболеваниях и при гипертонии. Но поскольку все это лишь утверждения, так сказать, частных лиц, включать каланхоэ в свою домашнюю аптеку пока не следует, хотя бы потому, что заморский гость известен стал не так давно, по сравнению с такими испытанными средствами народной медицины, как малина, зверобой, подорожник, мед, и т. п. К тому же самолечение опасно для здоровья.

Как же быть с каланхоэ? Пусть это красивое, оригинальное и занимательное растение продолжает расти на подоконниках, а в его целительных свойствах тем временем разберутся ученые-медики.

ИСТОРИЯ И ЛИЦА

В Лаборатории антропологической реконструкции Института этнографии АН СССР вдоль стен всех четырех комнат тянутся стеллажи. Они сплошь уставлены документальными скульптурными портретами людей, начиная от обитателей каменного века и кончая историческими личностями, хотя и известными, но чей действительный облик не был закреплен при жизни в скульптурном или живописном портрете.

Сюда нас привело письмо читателя Григория Васильевича Ординова из молдавского города Бендеры.

В 1963 году специальная комиссия Министерства культуры СССР вскрыла гробницу Ивана Грозного. Цель — исторические исследования. Известный ученый-антрополог Михаил Михайлович Герасимов восстановил скульптурный портрет царя.

Прах давно вернулся в свою усыпальницу. Но вопросы, родившиеся в связи с этим событием, не перестают волновать многих читателей «Огонька». Одних, как, например, Г. В. Ординова, интересует, был ли восстановлен скульптурный портрет жены Грозного — Марии Нагой и их сына младенца Дмитрия — убитого, как полагают, по приказу Годунова, других — новые работы лаборатории.

— Гробницы Нагой и Дмитрия пока не вскрывались, — говорит заведующая лабораторией ученица Герасимова Галина Вячеславовна Лебединская. — Дело в том, что они находятся под полом Архангельского собора, и доступ к ним сопряжен с чисто техническими трудностями. Но ученые надеются, что будет найден способ вскрытия их без риска для самого здания. Реконструкция внешнего облика маленького Дмитрия действительно поможет достоверному решению «проблемы» загадочной смерти Дмитрия, как пишет наш читатель. А вот внешний облик другого сына Грозного, Федора, уже восстановлен, — добавляет она.

Внимательно всматриваюсь в скульптурный портрет царя Федора. Дело в том, что одновременно с саркофагом Грозного были вскрыты гробницы и его сыновей — Ивана и Федора. Череп Ивана, к сожалению, не сохранился, а достоверный портрет Федора восстановить удалось. Я ставлю рядом два скульптурных портрета: отца и сына. Внешнее сходство просто поразительное: конфигурация лица, хищный соколиный нос, высокий лоб, разрез глаз — все общее у сына с отцом. А ведь мне приходилось читать, что они были непохожи! Правда, у Федора все черты смягчены. Нет в лице той энергичности, которая видна в облике Грозного, так и кажется, что возле губ его застыла скорбная складка... И ростом Федор был невысок, не в отца.

Галерея документальных портретов лаборатории пополняется каждый год. Я спрашиваю, что нового сделано за последние годы.

— В 1967 году в связи с разливом Каховского моря была вскрыта и перенесена в другое место могила легендарного кошевого атамана Запорожской Сечи Ивана Дмитриевича Сирко, — рассказывает Галина Вячеславовна. — Он участвовал в освободительной войне украинского народа, а в 1670 году организовал ряд успешных походов против турецких причерноморских крепостей. Он один из авторов знаменитого письма запорожцев турецкому султану. Теперь Сирко тоже встал на наш стеллаж.

А вот скульптурный портрет Василия Манчары, — продолжает она, — народного героя Якутии. Он был одним из первых якутов, выступивших с оружием в руках против местных богачей — тойонов в начале XIX века. В преданиях говорится, что Манчары организовал отряд, который жег усадьбы, отбирал у тойонов их имущество, съестные припасы и все раздавал беднякам.

В легендах, дошедших до наших дней, описана внешность Манчары. В них говорится, что он был очень красивым, с большими глазами. Документальный портрет, выполненный Лебединской, подтвердил это описание. Интересно, что, когда Василий Манчары, состарившись, уже был не в силах вести свою «войну» с местными богатеями и перешел, так сказать, на легальное положение, они не посмели расправиться с ним, отомстить, опасаясь народного гнева.

Документальный скульптурный портрет стал ценным историческим источником. Там, где прежде читались только одни имена, появляются конкретные лица и ближе становится историческая эпоха, в которой жили и творили эти люди.

Но, к сожалению, в Москве нет до сих пор зала, где была бы выставлена систематизированная экспозиция работ лаборатории. Мало того, скульптурные портреты можно было бы тиражировать в гипсе — это несложно и недорого. А краеведческие музеи страны пополнились бы замечательными экспонатами.

Заведующая Лабораторией антропологической реконструкции Г. В. Лебединская и научный сотрудник Т. С. Балуева помогают аспиранту из Колумбии Хосе Родригесу овладеть методом М. М. Герасимова.

НОВОСТИ ИЗ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ

«Случайно я обнаружила дома номер «Огонька» за 1960 год, — пишет рижанка Т. Лукьянова. — В нем помещена статья, которая очень заинтересовала меня и моих товарищей. Она называлась «Сестра Атлантиды» и рассказывала об античных городах Диоскуриаде и Себастополисе, опустившихся на дно Черного моря. Многие ученые считают, что города оказались под водой в результате оползня». Т. Лукьянову и ее товарищей интересуют последние «новости» из древних городов.

В Институте археологии АН СССР с этим письмом ознакомился начальник Причерноморской археологической экспедиции В. В. Бжания. Вот что он рассказал:

— Наша экспедиция ведет исследования на территории Абхазии, связанные с охранными мероприятиями. Так, на окраине Гудауты (это в непосредственной близости от Сухуми), в районе, намеченном под застройку, мы ведем раскопки одного из самых крупных на Кавказе неолитических поселений. Здесь жили люди каменного века примерно восемь тысяч лет назад. Интересно, что спустя примерно четыре тысячи лет на этом же месте опять появляется древнее поселение. Но это уже бронзовый век и начало применения железа. Как видите, сфера наших археологических изысканий во временном отношении находится несколько раньше, чем появился город Диоскуриада, а затем Себастополис. А вот что я посоветую Т. Лукьяновой, ее товарищам и всем, кого интересует история этих античных городов.

Вадим Викторович достает из портфеля небольшую книгу, на обложке название: «Диоскуриада — Себастополис — Цхум».

— Примерно в то время, когда была опубликована в «Огоньке» статья «Сестра Атлантиды», молодой археолог Юрий Николаевич Воронов начал заниматься изучением этого вопроса. В прошлом году в издательстве «Наука» вышла его научно-популярная книга. Более полного, увлекательного и ясного изложения проблемы трудно и пожелать. О чем же книга?

На месте нынешнего города Сухуми 2500 лет назад древние греки основали город-порт. Они дали ему имя божественных братьев Диоскуров — Кастора и Поллукса, которые, согласно легенде, вместе с героем Язоном совершили сюда плавание на корабле «Арго» за золотым руном. Древние греки здесь жили несколько столетий. В это время процветало земледелие и различные ремесла, производились вина и ювелирные украшения. Диоскуриада была крупным портом античного мира.

Земля и климат благодатные, бухта хорошо защищает корабли во время шторма, высокие горы сдерживают холодные ветры.

Наверно, поэтому здесь возникали сначала древние поселения, а затем города, которые сменяли друг друга. Диоскуриада — Себастополис — Цхум — Сухум-кале... На смену древним грекам пришли римляне, потом в средние века здесь обосновались генуэзские купцы, затем турки.

От каждой эпохи, помимо письменных источников, сохранились и вещественные приметы, которые находят археологи и по ним пытаются составить целостное представление о жизни этих городов. Новостей из древних городов в книге Ю. Н. Воронова немало. Здесь же помещены фотографии и рисунки наиболее интересных археологических находок.

И еще автор статьи «Сестра Атлантиды» Ю. Гурьев познакомил читателей с точкой зрения археолога Л. А. Шервашидзе, согласно которой Диоскуриада находится на такой большой глубине, что «добраться туда с аквалангом невозможно. Остается лишь предполагать», — пишет Ю. Гурьев.

Ю. Н. Воронов в своей книге излагает собственную точку зрения, противоположную той, что в статье Ю. Гурьева. Он считает, что Диоскуриада не погрузилась на морское дно в результате оползня и что ее территория находится под современными постройками Сухуми. Он даже указывает кварталы столицы Абхазии, где проходят границы античного города. Свою гипотезу Воронов убедительно аргументирует.

Беседы с учеными вел Ю. СУРХАЙХАНОВ.

Фото автора.

УРАГАН

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Утром ветер внезапно стих. Снег перестал идти, из-за серых облаков показалось солнце. В лесу сразу стало светло.

Лейтенант Горохов собрал всю группу под огромной сосной, вынул из планшетки топографическую карту, вгляделся в нее и сказал:

— Ну вот, наконец-то мы с вами вышли к восточному берегу Гнилого озера. Оно в двухстах метрах отсюда. Сейчас здесь мы остановимся, разведаем, что там на берегу, проверим прочность льда, а как стемнеет, переправимся на остров и пополним гарнизон начальника разведгруппы капитана Афанасьева. Сейчас отдыхайте, костров не разводить.

Утомленные ночными переходами, партизаны с радостью снимали с плеч тяжелые котомки, сумки с боеприпасами, складывали их под заснеженными деревьями, опускались на землю, только Шацков, вплотную подойдя к лейтенанту, громко, словно привлекая всеобщее внимание, проговорил:

— Товарищ командир, за предоставленный отдых — превеликая тебе благодарность. Только на пустой желудок это не отдых, а истинное мучение.

Кое-кто сочувственно улыбнулся. Шацков, ободренный, стряхивая рукавицей иней с бороды, продолжал:

— Прикажите подбросить немного в наши котлы сухариков, по баночке консервов, горючего, а то сосет под ложечкой, спасу нет.

Горохов подозвал к себе помкомвзвода Лихачева:

— Выдайте каждому партизану усиленный паек: пачку галет, сто граммов конской колбасы, 50 граммов сала и по пакетику эрзац-кофе.

Повеселевший Шацков, переступая с ноги на ногу, вставил:

— Товарищ лейтенант, вы забыли насчет горючего.

— Какого горючего? — переспросил Горохов.

— Неужели не догадываетесь? Я говорю, конечно, не о бензине, а о шнапсе. Нужно же допить оставшийся в канистре у Димки самогон, согреться после такого изнурительного перехода.

Лейтенант громко выкрикнул:

— Вы, товарищ Шацков, бросьте попрошайничать. Я сам знаю, когда и что выдавать партизанам. Вы пристрастились к спиртному, но не забывайте, что идет война и воевать нам нужно всем, имея трезвую голову.

Шацков покраснел, взглянув на лейтенанта сердито, громко ответил:

— Я не попрошайка, я партизан, и прошу положенные мне сто граммов выдавать ежедневно, так, как выдают красноармейцам, без всяких упреков.

— Красная Армия имеет тылы, которые ее снабжают боеприпасами, обмундированием, продуктами. Нам, партизанам, как может, помогает местное население, а львиную долю мы добываем в боях у врага.

— Но в канистре еще самогон остался, не выливать же добро на землю, лучше раздать людям, — настаивал на своем Шацков.

— Да, самогон у нас еще есть, но не про вашу честь, товарищ Шацков! Вы забыли, что в нашей группе есть раненый партизан Квашнин, — возмутился фельдшер. — Спирт у нас давно кончился, теперь единственное дезинфицирующее средство, которым можно промывать раны, — это самогон, а вы предлагаете его выпить. Это свинство по отношению к раненому товарищу!

— Прекратите всякие разговоры на эту тему. Хватит, и так все ясно, — поставил точку Горохов.

— Товарищ лейтенант, да что вы с ним возитесь! Исключите его из нашей группы, — воскликнул помкомвзвода Ермаков.

— Правильно! — поддержали его сидевшие под сосной партизаны.

— Что вы шумите? — Шацков испугался. — За вас же беспокоюсь, ради вашего живота свою голову подставляю, и вот благодарность. Нехорошо так, братцы, нехорошо, — и, заискивающе посмотрев лейтенанту в лицо, тихо проговорил: — Товарищ командир, простите меня, старика, если я сказал невпопад. Доживете до моих лет, сами узнаете, что старость не радость. Голова уже не так соображает, как ваша.

— Ладно, Шацков, ведите себя достойно, как все товарищи в группе, и мы будем к вам относиться с уважением. А станете нарушать дисциплину, заниматься демагогией — отчислим из отряда.

Шацков надвинул на уши шапку, подошел к Димке, получил свой продпаек и присел рядом с лежавшими на снегу партизанами. Вынув из рюкзака трофейную спиртовку, зажег горелку, набрал в котелок чистого снега, поставил его растапливать на спиртовку, стал готовить эрзац-кофе. Лейтенант Горохов отошел метров на двадцать в сторону, через Димку подозвал к себе Лихачева и Ермакова и, счищая рукавицей с лежавшей на земле огромной сухой сосны снег, улыбаясь, сказал:

— Присаживайтесь, потолкуем, как дальше действовать.

— А что тут толковать? Раз мы добрались до Гнилого озера, ночью переправляемся на остров и вливаемся в гарнизон капитана Афанасьева. А там уж пусть он решает, что нам делать дальше, — категорично заявил Лихачев.

— Я согласен, — подкручивая обвисшие, покрытые инеем усы, сказал Ермаков.

— Так-то так, да не совсем. Во-первых, до Афанасьева мы еще не добрались. Есть хорошая русская пословица: «Не зная броду — не суйся в воду». Вы, вероятно, не знаете, что Гнилое озеро даже в сильные морозы замерзает не все, и толщина льда его на различном удалении от берега разная. Поэтому, чтобы озеро переходить, нужно иметь надежного проводника или самим все хорошенько проверить.

Второе — нам необходимо провести обстоятельную разведку и выяснить, не патрулируют ли немцы у берегов, и только после этого принимать решение о переправе группы на остров.

— Товарищ лейтенант, учтите, что на это потребуется время, а наши люди очень измотаны, многие простужены, обогреваться негде, продовольствие на исходе. Еще сутки-двое топтаться мы здесь не можем, не имеем права, иначе без боя потеряем людей, — предупредил Лихачев.

— Товарищ Ермаков, вы тоже так думаете?

— Нет, я согласен с вами, товарищ лейтенант: без разведки принимать решение нельзя.

Лихачев, взглянув на Ермакова сердитыми глазами, сдержался, дрожащими руками скрутил козью ножку, чиркнул зажигалкой, прикурил, глубоко затянулся и, выпуская едкий дым, сказал:

— Раз большинство решило, то я тоже снимаю свои возражения, только, пожалуйста, пошлите меня в разведку.

Лейтенант, привлекая внимание Ермакова к топографической карте, развернул ее и сказал:

— Тогда не будем терять времени. Вы, помкомвзвода Ермаков, вместе с партизаном Полежаевым будете обследовать южную часть побережья от знака № 5 до первого причала. Я с Димкой разведаю северную часть от мыса до домика лесника, — и карандашом показал на карте оба участка, — на разведку выходим через полчаса. В пути соблюдать строжайшую осторожность, в случае обнаружения немцев или полицейских в бой не вступать, если получится, взять «языка», но без шума. Возвратиться обратно сюда завтра в 03 часа. За меня старшим группы остаетесь вы, товарищ Лихачев. Почаще проверяйте посты, костров не разводить, но не поморозьте людей, будьте в готовности. Если потребуется помощь, я пришлю за вами Димку. Задача ясна?

— Так точно! — почти одновременно ответили командиры.

Через 30 минут, обвешанные оружием и гранатами, легко скользя по снегу, скрылись за деревьями лейтенант Горохов, помкомвзвода Ермаков и два партизана.

Помкомвзвода Лихачев с завистью смотрел им вслед, потом поправил висевший на груди трофейный автомат и направился проверять посты. Не прошел он и ста метров от места, где расположились на привал люди их группы, как услышал какой-то треск в кустарнике. Лихачев быстро снял автомат, загнал патрон в патронник, прилег за пнем и, затаив дыхание, стал ждать. Треск снова повторился, а вслед за ним из чащи медленно вышли на поляну два больших лося с лосенком. Они остановились в нескольких метрах от Лихачева и начали вдвоем облизывать своего детеныша, потом плотно обступили его с обеих сторон, согревая дрожащие от холода бока своими телами.

Лихачев несколько минут, как завороженный, смотрел на них и думал: «Звери, а сколько в них ласки и заботы о своем детеныше». И тут же вспомнил другое: горящая лесная деревня, озверелые пьяные фашисты выгоняют из домов на трескучий мороз раздетых женщин, стариков, детей, тут же расстреливают, поджигают дома или давят танками живых и мертвых. Есть ли на земле более кровожадные звери из всех когда-либо обитавших или обитающих на земле? Фашист только тогда не опасен, когда он мертв, так ему говорил в начале войны житель их лесного поселка, кавалер Георгиевского креста, участник еще первой мировой дед Матвей.

С этими мыслями Лихачев поставил автомат на предохранитель, встал с земли, отряхнул полушубок. Лоси навострили уши, побежали с поляны, за ними семенил лосенок. Проводив его ласковым взглядом, Лихачев улыбнулся и, встав на лыжи, пошел дальше проверять посты.

Закончив проверку постов, он, довольный, вернулся в группу, снял лыжи, прислонил их к сосне, согнувшись, забрался в палатку. При свете самодельной коптилки он увидел лежавшего на носилках Квашнина. Видно, рана сильно болела, раненый тяжко стонал. Глаза его глубоко запали, пересохшие губы беззвучно шевелились.

— Что он говорит? — спросил Лихачев у Сулимова.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—29.

— Бредит, высокая температура, зовет к себе сына Павлика и жену Марию, проститься хочет, боится, что не успеет. Я все, что могу, делаю, но вы сами знаете, я же не врач и главное — у меня почти не осталось никаких медикаментов. Товарищ командир, его бы на остров побыстрее переправить, может, там вылечат.

Лихачев подошел к фельдшеру, положил ему руку на плечо:

— Надо еще чуть продержаться, если все будет благополучно,— к утру мы на острове.

— Будем стараться,— отозвался фельдшер и снова склонился над раненым.

Лихачев вышел из палатки. Ночь была темная, холодная. Он поглубже натянул ушанку, поднял воротник и подошел к отдыхавшим на снегу под сосной партизанам. Растолкал спящего Шацкова, сказал:

— Передай старшине Нечитайло, чтоб сменил посты, люди стоят уже два часа 30 минут, пора и им погреться.

Шацков тяжело поднялся.

— Ваше приказание будет исполнено, товарищ начальник.— И скрылся в темноте.

В 10 часов 30 минут утра помкомвзвода Ермаков и партизан Полежаев на лыжах вышли к установленному еще до войны речниками на берегу навигационному знаку № 5, осмотрели его и, не заметив никаких следов, снова вернулись в лес. Они медленно продвигались на юг, осматривая берега озера и тянувшуюся вдоль него засыпанную свежим снегом лесную дорогу. Временами останавливались, Ермаков выбирал удобное место где-нибудь за стволом сосны, вынимал из висевшей на груди потертой кожаной коробки бинокль, вглядывался в даль озера, на дорогу, но никаких следов человека не видел. Вправо от леса простиралась безмолвная, заснеженная гладь.

После перекура стали двигаться быстрее. Когда до первого причала оставалось километра три, они увидели в бинокль трех человек в штатском. Метрах в двухстах от берега они что-то делали на озере. Ермаков и Полежаев устремились вперед, не спуская глаз с неизвестных. Расстояние между ними быстро сокращалось. Приблизившись к первому причалу на 200—300 метров, они залегли в заросшем кустарником кювете и стали наблюдать.

Возле первого причала они заметили еще одного в штатском, но с винтовкой в руках, а невдалеке от него — бело-зеленую немецкую легковую машину. Ермаков стал незаметно продвигаться вперед, Полежаев за ним. Когда до причала оставалось не больше ста метров, Полежаев вдруг зацепился за сушняк, упал и сильно ударился ногой. Растирая больную ногу, он допустил оплошность—поднялся во весь рост — и был немедленно замечен. Неизвестный, увидев Полежаева, выкрикнул по-русски: «Товарищ, бросай оружие и спускайся, иначе стреляю!»

Услыхав крик, Полежаев тут же плюхнулся в кювет. Прогремел выстрел, пуля просвистела над его головой, врезалась в стоявшую за кустарником сосну, сбив со ствола кусочки сухой коры с комьями снега. Неизвестный еще несколько раз выстрелил и бросился к машине.

Трое на озере прекратили работу, стали на лыжи и двинулись к берегу, простреливая кустарник короткими очередями.

Ермаков лежа рассматривал их в бинокль. Полежаев, волнуясь, держа неизвестных на прицеле, тихо проговорил:

— Товарищ помкомвзвода, давайте врежем им. Это же немцы.

— Возможно, но дай разобраться, чтоб своих не перестрелять.

В это время длинная очередь прошила то место, где лежал Полежаев. Он застонал, крепко сжимая зубы, с силой нажал на спусковой крючок. Двое бегущих, неестественно взмахнув руками и выронив лыжные палки, как подкошенные, свалились на лед.

Третий, укрываясь за камышами, стал уходить на юг и вскоре скрылся. Ермаков дал короткую очередь по машине. Она загорелась, запетляла из стороны в сторону и рухнула с высокого берега. Несколько раз перевернувшись, упала на лед. Раздался треск, и машина исчезла под водой.

— Ты ранен? — спросил Ермаков Полежаева.

— Руку маленько задело.

— Что ж ты сразу не сказал?

— Некогда было. Да и сейчас только стало больно по-настоящему.

Ермаков склонился над Полежаевым, помог ему перевернуться и лечь на спину. Расстегнув полушубок, стал осторожно стаскивать рукав с левой руки. Полежаев от резкой боли вскрикнул, тяжело задышал. Открутив крышку

баклажки, Ермаков поднес ее к губам товарища, сказал:

— Выпей, сразу полегчает, лейтенант Горохов не зря на дорожку дал.

Полежаев отпил несколько глотков, перестал стонать. Ермаков стянул полушубок, финкой разрезал залитый кровью рукав гимнастерки, увидел рваную рану.

— Разрывными стреляли, бандиты. Пуля тебе целый клок мяса вырвала. Но хорошо, что кость не повредила.

— Были бы кости, а мясо нарастет,— прошептал Полежаев.

— Помолчи-ка ты лучше, Яков Петрович, я постараюсь побыстрее закончить,— сказал Ермаков и стал промывать рану самогоном из баклажки.

Полежаев вновь застонал, но не проронил ни слова. Ермаков, промыв рану, вскрыл перевязочный пакет, забинтовал руку, спросил:

— Идти на лыжах сможешь?

— Потихоньку смогу.

— Тогда давай-ка, помогу тебе подняться и двигайся обратно к своим тем же маршрутом. Я тебя скоро догоню.

Ермаков быстро спустился на озеро, осмотрел лежавшие трупы.

Один из убитых— сухопарый, длинный, рыжий, лет 45, другой — среднего роста, плотного телосложения, блондин с холеным лицом и обручальным кольцом на пальце. Одежда на них была штатская: теплые серые шерстяные свитера, стеганые, защитного цвета куртки, ватные брюки. Обуты в поношенные юхтовые сапоги. На головах шапки-ушанки из заячьего меха. Никаких документов при них не было.

«Не своих ли мы перестреляли? — холодея, подумал Ермаков.— Если свои, то зачем же они открыли такой плотный автоматный огонь? А может, это полицейские или переодетые немцы?» Теряясь в догадках, он расстегнул ворот у рыжего. Увидев у него на шее тонкую цепочку с золотым медальоном, внутри которого были какие-то цифры, Ермаков забрал его, положив в полевую сумку. Подошел к блондину. Снова тщательно осмотрел его, но никаких опознавательных знаков не обнаружил.

Подобрав два немецких автомата и пистолет «вальтер», помкомвзвода подошел к месту, где работали убитые. Там на снегу он обнаружил следы от кованых сапог, толстое сверло, которым они бурили лед; рядом с лункой — потертую фуфайку, в которую была завернута солдатская, обшитая плотной шерстяной тканью баклажка, наполовину наполненная жидкостью. Ермаков открутил пробку баклажки, поднес к губам, в нос ударил неприятный запах спирта-сырца.

— Пригодится,— проговорил Ермаков. Закрутив пробку, он положил баклажку в вещевой мешок, подъехал к месту, где в озеро упала автомашина, но в глубине ничего не увидел. Только масляные пятна плавали на поверхности воды.

Ермаков развернулся на север и быстро, энергично работая палками, стал уходить в сторону навигационного знака № 5. Через час он обнаружил лежавшего на лыжне Полежаева. Наклонясь над ним, Ермаков тревожно спросил:

— Яша, друг, тебе плохо?

Полежаев молчал. Ермаков обхватил пальцами его руку, пытаясь нащупать пульс, рука была холодной, пульс не прослушивался. Он увидел на полушубке две дырочки, быстро расстегнул полушубок — гимнастерка была залита свежей кровью. «Бандиты, такого человека сгубили»,— с горечью сказал он. Взяв автомат наизготовку, он осмотрел место вокруг убитого Полежаева, но никаких следов не обнаружил и только за кустами орешника, на расстоянии 50—60 метров, увидел лыжню, ведущую в глубь леса, следы кованых сапог и две стреляные гильзы.

«Значит, его подстерегли из-за кустов,— пронеслось в голове помкомвзвода.— Зачем отпустил одного?» — корил себя Ермаков.

Он вернулся к Полежаеву, снял с себя плащ-накидку, бережно завернул в нее убитого товарища, положил его на лыжи, затем поднял с земли автомат, вскинул на плечо и, напрягая силы, потянул его за собой. Выбиваясь из сил, он шел и шел вперед, чтобы предупредить товарищей, что рядом ходит коварный враг.

Когда идти уже было совсем невмоготу, он останавливался и, держа автомат наготове, прислушивался. Ветер раскачивал деревья, играл кронами могучих сосен, освобождая их от тяжелого снега, который комьями валился на землю, ломая сухостой.

Чуть отдышавшись и убедившись, что поблизости никого нет, Ермаков снова двинулся вперед. К ночи он совсем выбился из сил, ноги подкашивались, глаза слипались, голова кружилась. Он прислонился спиной к сосне, сгреб окоченевшими пальцами снег с ветки и стал растирать лицо. Затем утерся мокрым рукавом, взглянул на часы. Светящиеся стрелки показывали 3 часа 15 минут. В ту же минуту боковым зрением он увидел трех лыжников. Они неслись из-за кустарника прямо к нему. Ермаков схватился за автомат, но услышал знакомый голос помкомвзвода Лихачева:

— Ермак! Это мы, не вздумай стрелять, свои! — Лыжники подкатили к Ермакову.— Вас ищем, лейтенант Горохов послал.

Ермаков пошатнулся, упал на снег. Лихачев присел рядом, приподнял его голову, открыл баклажку, влил в рот несколько глотков самогона. Тот открыл глаза. Ему помогли встать и, поддерживая под руки, двинулись в путь.

На рассвете они прибыли в расположение группы, где их с нетерпением ждали. Партизаны наперебой расспрашивали о том, как, при каких обстоятельствах погиб Полежаев,— его в отряде любили. Стали вспоминать, откуда он родом,— надо бы сообщить семье.

— Да, теряем, теряем товарищей,— тихо сказал Горохов. Все смолкли.— Вот погиб Полежаев, а ночью скончался от ран Квашнин. Но слезы нам лить некогда, друзья. Надо скорее соединиться с разведгруппой капитана Афанасьева.— Он взглянул на часы.— Сейчас девять, через час выступаем. У нас есть надежный проводник,— лейтенант указал на лесника Трофимова, пришедшего от капитана Афанасьева,— с его помощью мы переправимся через Гнилое озеро на остров. Группу поведу я сам. При переправе через озеро всем идти гуськом за проводником, интервал держать десять — пятнадцать метров, с лыжни не сходить. Быть готовым к бою в любую минуту. Здесь остаются помкомвзвода Лихачев и партизаны Ивакин и Черемных. Похороните товарищей, обозначите могилу, нанесете на топографическую карту и двигайтесь по нашему следу на остров. После войны воздвигнем здесь памятник. А сейчас простимся.— Лейтенант стянул с головы шапку, за ним — остальные. Постояли минуту молча.

— Ну, за дело! — подал знак лейтенант Горохов и пошел к самодельной «раскладушке», на которой лежал Ермаков. Горохов присел рядом на пенек, вынул из планшетки карту, стал делать на ней пометки, время от времени спрашивая о чем-то Ермакова. Горохов не заметил, как к нему бесшумно, по-кошачьи ступая, подошел лесник:

— Товарищ лейтенант, пора двигаться. Нам нужно успеть перебраться на остров, пока ветер не разогнал тучи. А то снова может выскочить «рама», она уже третий день шмыгает над озером и вокруг него.

Лейтенант быстро сложил карту, сунул в планшетку, сказал Трофимову с укоризной:

— Что же ты сразу-то об этом не доложил?

— Я обо всем докладывал капитану Афанасьеву. Что касается вас, то я имею конкретное задание — оказать вам помощь в переправе группы на остров и замаскировать ваши следы. Получу от него указание поддерживать с вами связь — извольте слушать мои доклады, нет — извините. Я действую строго по инструкции. Не так давно капитан Афанасьев в присутствии командира партизанского отряда сказал, что лесник Трофимов порученную ему службу несет исправно. К боевому ордену меня представил, значит, действую правильно.

Лейтенант улыбнулся:

— Ну что ж, Тимофей Захарович, действуй так и дальше.

Лесник натянул на лицо шерстяной подшлемник, поглубже надвинул шапку, поправил на груди автомат, стал на широкие лыжи, сказал: «Я готов!»

— Тогда веди!

Трофимов двинулся вперед. За ним, шурша лыжами по снегу, устремился лейтенант, следом, соблюдая интервал, заскользили остальные...

Возле причала на восточном берегу озера партизан встретил представитель разведгруппы старший лейтенант Дьяур.

— Мы вас уже неделю с нетерпением поджидаем,— крепко пожал Дьяур руку Горохову в ответ на его доклад о прибытии партизанской группы в распоряжение капитана Афанасьева.— Не будем тянуть время, товарищи, давайте-ка побыстрее в лагерь. Дорога была тяжелой, опасной, вы заслужили хороший отдых.

— Нам главное обогреться, помыться и досыта накормить людей,— попросил лейтенант Горохов.

— И обогреем и помоем, а досыта накормить не получится, сами сидим на скудном пайке, но поделим все поровну. Думаю, что с вашим прибытием проблему продовольственную мы быстро решим за счет противника,— обнадежил Дьяур.

— Да, у нас в этом деле уже есть некоторый, без ложной скромности, неплохой опыт,— улыбнулся Горохов.

Группа, пройдя с осторожностью по тонкому льду, миновала камыши, поднялась по косогору к центру острова, покрытого высокими елями и густым кустарником, среди которых были искусно запрятаны землянки, припорошенные сверху снегом.

Дьяур и Карлышев развели партизан по землянкам. Разведчики Афанасьева встретили их как своих родных братьев. А когда после примитивной партизанской бани и скромного ужина все разместились на нарах, потянулись длинные разговоры. Вспоминали погибших товарищей, рассказывали разные случаи: смешные, горестные, словом, делились опытом.

Вечером капитан Афанасьев пригласил лейтенанта Горохова к себе и, угощая эрзац-кофе, стал подробно расспрашивать о положении дел в партизанском отряде, о маршруте движения его группы, обстоятельствах гибели партизан на берегу Гнилого озера. И тогда лейтенант Горохов положил перед ним на стол медальон, снятый с убитого на льду неизвестного. Афанасьев надел очки и стал внимательно рассматривать. Отложив медальон в сторону, он спросил:

— Ваши люди точно установили, что неизвестные бурили лунки на льду?

— Точно, товарищ капитан.

Отпивая маленькими глотками кофе, Афанасьев сказал:

— «Неизвестные», которые напали на ваших разведчиков, хорошо нам известны. Это головорезы из дивизии «Бранденбург-800». Она укомплектована лицами, знающими русский язык и подготовленными для ведения специальных операций в тылу Красной Армии. Взгляните повнимательнее на медальон, и вы увидите знак дивизии и эту цифру. Раз они измеряют толщину льда, значит, ищут пути, чтобы проникнуть на остров и ликвидировать нашу разведгруппу.

— Неужели они знают о месте нахождения разведгруппы?

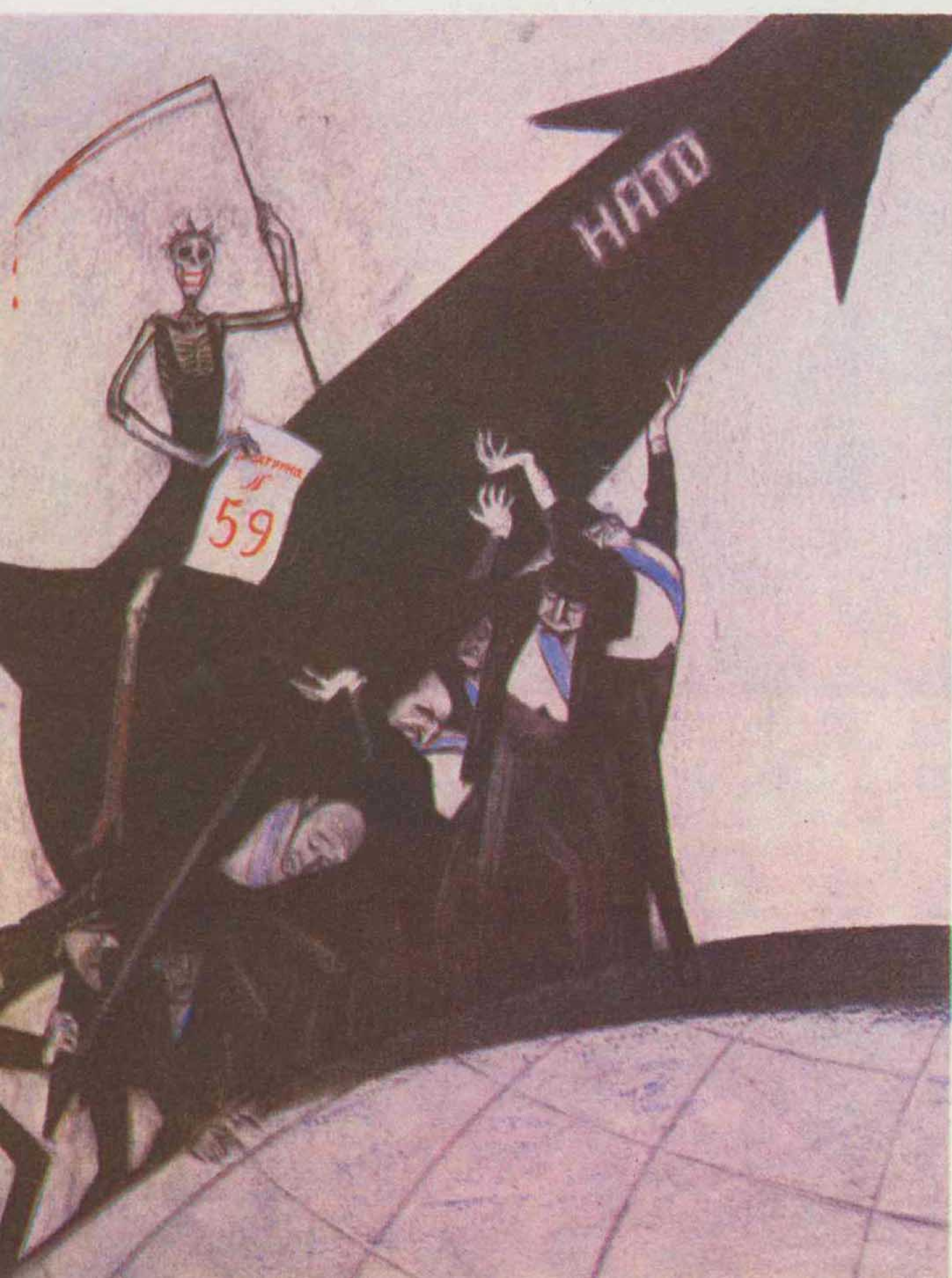
— Думаю, что это для абвера и гестапо не является тайной. Ввиду сложившихся обстоятельств мы вынуждены были вести и сейчас ведем радиопередачи прямо с острова. Противник мог их запеленговать. Данные, добытые вашими разведчиками, только подкрепляют наши предположения. Поэтому не теряйте времени и с утра вместе со старшим лейтенантом Дьяуром приступайте к разработке плана обороны нашего острова и эвакуации разведгруппы после прибытия к нам с Большой земли радистки в безопасное место.

Ф. Решетников. ОПЯТЬ ДВОЙКА. 1951.

Ф. Решетников. ВРАГИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, 1980.

НОВАЯ ЯДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ.

ПОЛИТИКА НАТО.

БУМЕРАНГ.

— Когда мы должны вам представить план?

— Времени в обрез. Я должен рассмотреть план завтра вечером с таким расчетом, чтоб уже ночью принять решение.

— Вас понял,— ответил лейтенант Горохов.

Когда он вышел, Афанасьев вызвал к себе майора Максимова:

— Ну, майор, настал твой черед. Сегодня ночью оставишь остров и перебазируешься в город на нашу конспиративную квартиру. Там будешь ждать Тоню, «железных» документов и дальнейших указаний Центра.

— Я без Тони ехать не могу, мы работаем с ней в паре, к тому же она моя жена.

— Это все мне хорошо известно. Ты предназначен для ведения стратегической разведки, и я не могу тобой рисковать.

— Почему же в таком случае ты рискуешь Тоней?

— Где же выход, дорогой? Я не могу остаться без связи. Она к тебе прибудет, как только нам пришлют нового радиста.

— А когда его пришлют? Ведь это может затянуться.

— Не думаю. Центр все знает и принимает меры, чтобы нам помочь.

— Я один без Тони никуда не поеду. Вместе хоть сейчас.

— Не будем терять времени на пустые разговоры. Решение согласовано с Центром, это приказ.

— Тогда другое дело, разрешите идти собираться,— мрачно ответил Максимов, направляясь к выходу.

— Ровно в четыре часа ночи в сопровождении проводника ты должен покинуть остров. Встретимся в городе на квартире через неделю. А пока прощай.— Он крепко обхватил широкие плечи Максимова, прижал к своей груди, трижды, по-русски, расцеловал и, выпуская из своих объятий, сказал:

— Теперь иди к своей Тоне, успокой ее.

— Постараюсь.

В землянку вошел дед Матвей. Снял треух, положил на табуретку и, обращаясь к капитану, спросил:

— Зачем так поздно понадобился, Семен Иванович?

— Выручай, Матвей Егорович! Нужно срочно переправить Максимова в город, к отцу Павлу.

— Это — тяжелое дело.

— Знаю, что нелегкое, поэтому к тебе обращаюсь, не к кому другому.

Дед Матвей провел огрубевшими пальцами по седым, слипшимся волосам, подкрутил усы, ответил:

— Я солдат, какие тут просьбы, раз надо идти — пойду хоть к черту в зубы. Лишь бы насолить фрицам поболе.

Афанасьев улыбнулся.

— Когда прикажете отправляться в путь?

— Сегодня ночью. Документы прикрытия и маршрут движения получишь у старшего лейтенанта Дьяура.

Старик вынул из внутреннего кармана пиджака старинные часы, нажал на головку, потемневшая от времени серебряная крышка щелкнула и открылась. Дед взглянул на циферблат, проговорил:

— Времени осталось с гулькин нос, нужно спешить,— и, нахлобучив на голову свой треух, направился было к выходу.

— Матвей Егорович! — крикнул ему вдогонку Афанасьев.— Что у тебя за часы?

— Часы исторические,— обернулся старик,— их носил сам майор Млынский. Когда я выполнил задание — связал его отряд с партийным подпольем, он перед строем объявил мне благодарность и наградил этими часами. Мне было неловко брать их, но отказаться у всех на виду не сумел, постеснялся. Теперь как смотрю, так каждый раз вспоминаю его. Необыкновенной храбрости и железной выдержки командир, ума палата. Жив будет — далеко пойдет.

— Это точно, Млынский отличный командир, прекрасный товарищ, я слыхал о нем много хорошего от местных жителей. А самому довелось встретиться только раз. Эту встречу я запомнил на всю жизнь. Ну, Матвей Егорович! Что-то мы с тобой заговорились, хоть и вспомнили хорошего человека. Слушай-ка меня внимательно.— Капитан вынул из портсигара две сигареты. Вручая их деду Матвею, сказал:

— Передашь их отцу Павлу лично в руки, и чтоб никто не видел.

— Он же не курит,— удивился старик.

— Закурит, когда потребуется. Если что в дороге с тобой случится, уничтожить. Да только не потеряй.

Лицо деда залилось краской, он исподлобья с обидой посмотрел на капитана.

— Беспокоиться не извольте, я хоть и стар, но пока ноги носят и из ума не выжил.

— Знаю, знаю, дорогой Матвей Егорович, что не подведешь, не обижайся. Это я больше для собственного спокойствия говорю.

Старик спрятал сигареты, кашлянул, разгладил усы (Афанасьев заметил: была у Матвея Егоровича такая привычка) и вышел из землянки.

Капитан прикрутил фитиль (лампу подарила ему жена лесника Мария), в землянке стало полутемно. Потом снял сапоги, расстегнул ворот рубашки, лег на топчан, укрылся полушубком и скоро уснул. И приснилось ему, что он, еще студентом, идет майским утром по залитому весенним солнцем Крещатику, держит под руку свою любимую. Глаза у нее черные, веселые и коса толстенная ниже пояса. Она держит в руках сирень и тюльпаны — Афанасьев всегда дарил ей весной эти цветы — сирень и тюльпаны. Прячет в цветах лицо, наклоняется к нему, шепчет: «Милый! Ты даже не можешь представить себе, как я сильно тебя люблю». «Знаю, знаю, моя ненаглядная, моя хорошая, моя на всю жизнь любимая»,— и еще крепче сжимает ее хрупкие пальцы в своей широкой ладони. А из огромного дома выходит старушка, подходит к ним, и оказывается, это его мать. Она говорит: «Спасибо, сынок, что ты мне такую хорошенькую невесточку выбрал»,— и Лене накидывает на плечи большой шерстяной платок в алых розах: «Носи, дочка, на счастье!»

Продолжение следует.

Начало см. на стр. 8.

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Я старался наиболее выразительно рассказать средствами искусства о той интересной жизни, которая представала перед моими глазами. Такая же задача решалась в полотнах «Опять двойка», «Мальчишки», «На побывку» и многих других. Для меня всегда непреложным был закон: художник должен принадлежать своему времени. И я, признавая и любя традиции мировой и русской реалистической школы, искал и старался найти новые решения, новые ответы на те проблемы, на те вопросы, которые ставит перед нами сама жизнь.

1976 год. Выставка моих работ в Академии художеств СССР. Это стало для меня великим испытанием. Никогда не забуду, как накануне вернисажа пришел рано утром, чтобы еще раз просмотреть экспозицию. По пустынным залам гулко звучали шаги. Картины, портреты, десятки полотен, этюдов, эскизов глядели на меня. Я вмиг будто вспомнил весь свой семидесятилетний жизненный путь, нелегкое детство, трудную, но чудесную юность, полную духа романтики и поиска, учебу в институте, добрых учителей. Ритмы первых пятилеток, грохот оваций, которыми встречали героев-челюскинцев, крепкие объятия старых друзей... И вдруг через годы еще острее и страшнее встали грозные дни Великой Отечественной. Я почувствовал в это мирное, зимнее утро, какое счастье жить под чистым небом и уже треть века не знать ужасов войны, ощутил спокойствие и мощь нашей Родины, ее благородную роль поборника мира на всей планете.

Мне стала четко ясна этическая задача истинного, честного художника: отдать всего себя прекрасной цели — защите человечества от ядерного пожара.

Чем дальше я живу, тем все больше убеждаюсь в необходимости для сегодняшнего искусства найти новые силы для полновесного отражения жизни современного человека, его общения с природой, его труда — для создания поистине масштабной картины. Это требует проникновения художника в глубину человеческих чувств, изучения психологии героев, страстной заинтересованности мастеров живописи, их гражданственности.

В своих холстах «За мир!», «Голуби мира», «Вьетнамская мать», в серии публицистических полотен, посвященных осуждению агрессивных кругов империализма, разжигающих пламя войны, я старался выразить свой патриотический долг. В этих произведениях говорила моя совесть художника, гуманиста. И я стремился показать прекрасный облик детей нашей планеты, нашего будущего, светлой надежды.

К сожалению, мы порою сталкиваемся в наши дни с проявлением мелкотемья в искусстве, с серостью натурализма и, что особенно досадно, с так называемым «авангардизмом», повторяющим давно забытые у нас явления начала века.

Вспоминаю, сколько сил и энергии требовалось от нас, молодежи двадцатых годов, чтобы выбраться из лабиринтов формализма.

Реалистическая станковая живопись — это вершина творчества художника. Она требует бесконечной преданности искусству, всей жизни. Никакими экспромтами или вывертами здесь ничего не создашь. Мне, прожившему столько лет, как никогда, стало ясно, что за любым большим произведением живописи, скульптуры, графики стоит, кроме таланта, «данного от бога», прежде всего — труд, труд, труд.

Моя творческая судьба полна исканиями, ведь мне приходилось работать не только в живописи, но и в области графики, плаката, много энергии и сил я отдал скульптуре. Должен признаться, что и ныне я не перестаю мечтать и задумываю новые картины с, может быть, неожиданными для многих новыми решениями.

В наши дни я с большой надеждой и чувством пристрастия гляжу на интересные полотна, созданные нашей молодежью. В ярких, самобытных, не всегда привычных по пластике картинах находят выражение их страстное желание постичь мир, время, в котором они живут. Лучшие из молодых мастеров — живописцы с яшным, талантливым, реалистическим почерком. Я глубоко верю в непреходящую юность, свежесть нашей живописной школы.

Ведущие мастера советского изобразительного искусства — члены и члены-корреспонденты Академии художеств СССР отдают много сил, знания, энергии делу воспитания художественной молодежи. В этом поистине осуществляется живая связь традиций, преемственности передачи опыта старшего поколения своим юным коллегам.

Три четверти века жизни.. И когда я окидываю мысленным взглядом нашу великую эпоху построения нового мира, новых отношений между людьми, то предо мной предстает огромная ответственность художника-гражданина. Как никогда, сегодня необходим честный и твердый ответ: с кем ты? С силами света, добра, красоты, правды, мира или со зловещими силами мрака, лжи, уродства, войны?

Долг советского художника — быть всем сердцем с народом, Родиной, творить во имя жизни и счастья людей всей земли.

Лев КОРНЕЕВ

ТЕРРОР — ОРУЖИЕ СИОНИЗМА

СТРЕЛЬБА ПО ДЕТЯМ

...Первая пуля, пробив окно, вонзилась в стену. Старшая, семилетняя девочка крикнула: «Ложись!» — и дети бросились на пол. Взрослых в комнате не было. Четыре ребенка смотрели телевизор. А выстрелы продолжали греметь: второй, третий, четвертый; со звоном разлетались осколки стекол. Стрельба велась из боевой винтовки системы «Ремингтон» с оптическим прицелом. Бандитский обстрел жилой квартиры советских дипломатов постоянного представительства СССР при ООН в Нью-Йорке произошел среди бела дня.

Полиция задержала преступника и установила его личность: Исаак Яросавич, член сионистской организации в США под названием «лига защиты евреев» (ЛЗЕ). Однако пойманный с поличным бандит вскоре был выпущен на свободу под сравнительно небольшой залог. Ибо за его спиной стояли силы, превосходящие по своему могуществу не только полицию города Нью-Йорк...

Описанное произошло десять лет назад, 20 октября 1971 года. С тех пор, несмотря на многократные протесты постоянного представительства СССР при ООН, положение отнюдь не улучшилось, скорее ухудшилось. Сионистский терроризм против советских организаций в США и. других странах Запада набирает преступные обороты. Вот несколько из сотен фактов погромной деятельности террористов из «лиги защиты евреев», которую правильнее было бы назвать «лигой нападения», бандой международного терроризма.

...12 мая 1971 года. Взрыв адской машины, по мощности равнявшейся полутонной авиабомбе, разрушил советское торговое представительство в Гааге (Нидерланды).

...5 июня 1972 года. Подложены взрывные устройства в здании театра Лос-Анджелеса, где проходили гастроли танцевального ансамбля Украины.

...19 января 1975 года, 27 февраля и 2—4 апреля 1976 года. Обстрел из боевой винтовки здания постоянного представительства СССР при ООН.

...24 октября 1978 года. Нападение толпы сионистов на автобус с советскими сотрудниками секретариата ООН в Нью-Йорке. В автобусе были дети и женщины.

...13 января 1980 года. Взрыв бомбы у входа в представительство Аэрофлота в Нью-Йорке. Ранено четверо прохожих.

В целом «лига защиты евреев» с момента своего образования в 1968 году совершила более 50 взрывов у зданий советских официальных представительств и учреждений ряда арабских государств в США.

Ужесточая внешнеполитический курс нового правительства США, которое уже приобрело позорную славу «правительства новой холодной войны», президент Рейган обвинил СССР в «поддержке международного терроризма». Этот враждебный клеветнический выпад главы новой американской администрации послужил сигналом к активизации действий пригретых в США сионистских террористов. Начиная с 4 февраля 1981 года сионистские бандиты ЛЗЕ под руководством «самого» раввина-бандита Кахане, прибывшего из Израиля, предприняли многодневную кампанию психологического террора против сотрудников советского представительства при ООН в Нью-Йорке, их жен и детей. Советские люди в Нью-Йорке стали объектом заранее спланированных террористических акций, отмечалось в ноте постоянного представительства СССР при ООН в адрес миссии США. И по сей день продолжается разнузданная травля сионистами советских граждан — сотрудников представительства СССР и секретариата ООН, сопровождаемая угрозами физической расправы.

Провокационную роль при этом играют определенные американские средства массовой информации, по существу, подстрекающие сионистские и разного рода эмигрантские организации к бесчинствам. Так, американская газета «Вашингтон пост» сотнями тысяч экземпляров своих номеров тиражировала призыв главарей ЛЗЕ «пролить русскую кровь на нью-йоркских улицах»...

Сионистские штурмовики развязали против граждан СССР в США психологическую войну нервов — объявленную и широко разрекламированную ими,— которая включает в себя организацию сборищ и провокационных демонстраций, угрозы, оскорбления, попытки физической расправы. Еще несколько фактов.

3 мая 1981 года. Возле здания представительства СССР при ООН участники сборища из «лиги защиты евреев» устроили антисоветский шабаш. Свыше 150 бандитов скандировали угрозы террористического характера. Одна из них: «Вы все будете валяться в крови на улицах Нью-Йорка!»

4 мая 1981 года. Группа молодчиков из лиги окружила советского дипломата. Оклеив его машину антисоветскими листовками, сионисты выкрикивали оскорбления и угрожали физической расправой, бросали ему грязь в лицо.

5 мая 1981 года экстремисты той же лиги учинили вакханалию возле представительства Аэрофлота в Нью-Йорке, подстрекая прохожих к участию в антисоветском буйстве, призывая устраивать провокации против находящихся в США советских граждан.

Создается впечатление, что руками сионистов американские власти делают то, что не осмеливаются поручить штатным агентам ЦРУ и ФБР. Для подлейшего из преступлений — нападений на беззащитных женщин и детей — они находят подлейшие руки.

ПОД ЗВЕЗДОЙ ДАВИДА

Террористическая деятельность сионистов на международной арене осуществляется в трех основных направлениях: против советских учреждений и граждан в капиталистических странах; против арабского народа Палестины; против борцов с сионизмом в любой стране, включая Израиль.

Прямое указание начать антисоветские террористические действия поступило открытым текстом из Израиля: в начале 1971 года Менахем Бегин, выступая в израильском парламенте, призвал сионистов «к осаде советских посольств во всем мире». Агентура международного сионизма, действующая более чем в ста странах мира, и в первую очередь упомянутая уже «лига защиты евреев», немедленно откликнулась на призыв сионистского главаря.

Эта террористическая профашистская организация была создана под эгидой ЦРУ и израильской разведки «Моссад» в США в 1968 году. Финансирует лигу мощный космополитический сионистский центр—«Всемирная сионистская организация», штаб-квартира которой находится в Нью-Йорке. Ставленники этой организации обильно представлены в самых верхних эшелонах американской администрации.

Главная цель лиги — террор против дипломатических представительств и других учреждений социалистических и арабских государств в США, американских организаций и частных лиц, выступающих за развитие культурных и других связей с этими государствами. Нью-йоркская газета «Дейли уорлд», характеризуя «лигу защиты евреев», писала: «Имеются убедительные доказательства, что она была «запущена» ЦРУ в качестве орудия в антисоветской кампании». Практика многолетней террористической деятельности сионистов полностью подтверждает это мнение американской газеты.

Как сообщил в своей брошюре «Грехопадение «лиги защиты евреев», вышедшей в 1975 году в Нью-Йорке, Э. Джонсон, американский публицист, террористическая деятельность лиги включает в себя организацию взрывов, поджогов зданий и помещений иностранных представительств, нападения и избиения их сотрудников и американских граждан. Для проведения этих акций главари лиги создали группу штурмовиков, которые готовятся в специальной школе в городе Вудборн (штат Нью-Йорк). Пользуясь попустительством американских властей, отмечается в брошюре, преступники разрабатывают планы убийств и похищений иностранных дипломатов и государственных деятелей.

Подобная преступная деятельность, указывает Э. Джонсон, вызывает возмущение американской общественности, расценивающей ее как наносящую ущерб национальным интересам США. «Мировая общественность отождествляет лигу с США, поскольку главные центры организации находятся в Америке»,— говорится в брошюре. Протесты против выходок лиги особенно усилились с тех пор, как главари ее провозгласили своей целью сорвать разрядку международной напряженности, помешать процессу нормализации советско-американских отношений. Э. Джонсон отмечает, что продолжение бесчинств лиги стало возможным потому, что она пользуется фактическим покровительством влиятельных лиц в США.

«Лига защиты евреев» имеет пять тайных лагерей по военной подготовке сионистских бандитов. Кроме владения оружием, в этих лагерях обучают также методам психологического террора.

Отделения лиги принимали участие во многих террористических актах израильской разведки в Западной Европе, убийствах представителей Организации освобождения Палестины в Англии, Франции, Норвегии, других странах. Филиалы «лиги защиты евреев» в США и других странах снабжаются оружием — автоматами, пистолетами и гранатами — из Израиля агентурой израильских секретных служб.

С другой стороны, для обеспечения массовой иммиграции евреев в Палестину террор использовался сионистами и против самих евреев. Еще до образования Израиля сионистская спецслужба «Моссад леалия бет» осуществила взрыв 25 ноября 1940 года в порту Хайфа судна «Патрия» с 203 еврейскими иммигрантами на борту, которым английские власти не разрешили сойти на берег. Впоследствии сионисты разработали легенду о якобы массовом самоубийстве тех, кто «предпочел смерть разлуке с родиной». Ги-

бель людей и распространение этой легенды, по расчету сионистских лидеров, должны были «укрепить дух сионизма».

ПОЛИТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗБОЯ

С Ближнего Востока чуть ли не каждый день поступают сообщения о налетах израильской военщины на территорию сопредельного Ливана, бомбардировках с воздуха и артобстрелах позиций патриотических сил Ливана и отрядов Организации освобождения Палестины, лагерей палестинских изгнанников.

Террор и агрессия стали главным методом сионистов для срыва решения ООН от 29 ноября 1947 года о разделе Палестины на арабское и еврейское государства. Еще до создания Израиля вооруженные сионистские банды вырезали и опустошали арабские деревни и города. Сионисты, укрепившись на арабской земле Палестины, взяли курс на геноцид в отношении арабов, уничтожение коренных жителей страны и создание «великого Израиля» от Нила до Евфрата. Во время четырех вооруженных арабо-израильских конфликтов и бесчисленных пограничных столкновений и ограниченных вторжений в Сирию и Ливан израильская армия показала себя как исключительно агрессивное орудие империализма и сионизма на Ближнем Востоке, как армия разбоя, насилия и грабежа.

Культ террора и насилия, жестокости, презрения и вседозволенности по отношению ко всем неевреям, и прежде всего к арабам,— составная часть программы «воспитания» военнослужащих в Израиле, особенно иммигрантов призывного возраста. Эта обработка проводится на государственном уровне, в ней принимают участие высокопоставленные деятели правящих партий и правительств. Так, Менахем Бегин, ныне премьер-министр Израиля, выступая перед солдатами и офицерами «цагал», открыто проповедовал терроризм по отношению к арабам, призывал безжалостно убивать их и разрушать арабскую культуру. Нельзя, однако, связывать терроризм только с Бегином — сионизм сам по себе террористичен, и политику терроризма проводили все правительства Израиля.

На кровавом счету израильской армии и спецслужб немало «подвигов», сравнимых с преступлениями нацистов и американской военщины во Вьетнаме. Беспрестанные пиратские налеты на южный Ливан и террор против ливанского населения, возведенные в ранг государственной политики Тель-Авива; преследование жителей Западного берега реки Иордан и других оккупированных арабских земель; взрывчатка в автомобилях арабских мэров Хеброна, Хальхуля и Рамаллы, доставленная со складов армии; убийства раненых, пытки пленных, надругательства над телами погибших палестинских патриотов; бомбардировки госпиталей и школ, жилых кварталов — таков звериный оскал сионистской военщины! Таков облик сионизма — гнусной формы неофашизма и расизма!

Но террор подразделений израильской армии и спецслужб выходит за рамки ближневосточного региона. Агентура «Моссад» создала в целом ряде стран Европы и Америки диверсионные группы, которые стали осуществлять нападения на прогрессивных арабских деятелей, борцов с сионизмом.

Попирая нормы международного права, израильские диверсанты при соучастии посольства США в Ливане совершили в апреле 1973 года налет на штаб-квартиру ООП в Бейруте, в результате которого было убито три лидера палестинского сопротивления.

Участие в налете на штаб-квартиру ООП израильских террористов получило подтверждение тогдашнего правительства «рабочей партии» Израиля. С этого момента терроризм становится официально признанной политикой Тель-Авива. Одновременно с военными провокациями против Ливана израильская агентура прилагала немало усилий к тому, чтобы разжечь междоусобицу внутри страны. Общеизвестно соучастие Израиля в гражданской войне в Ливане, выразившееся в поставках оружия правым силам, заброске диверсионных групп снайперов, морской блокаде побережья страны и прямом участии в военных действиях.

Одно из кровавых преступлений сионистов. На улице Парижа взорван автомобиль, в котором находился палестинец.

В марте 1978 года израильский парламент принял решение, неслыханное в практике международных отношений. Тель-авивские законодатели объявили своим «долгом» убивать представителей ООП в любом государстве мира, невзирая ни на суверенитет этих государств, ни на признание ими Организации освобождения Палестины как руководящего органа арабского народа Палестины.

Одним из последних вопиющих актов международного терроризма израильских сионистов стал неспровоцированный налет 7 июня 1981 года на Багдад с целью уничтожить иракский ядерный реактор невоенного значения. Эта бандитская акция была осуждена многими государствами Западной Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, странами социалистического содружества, Генеральным секретарем ООН. В соответствующем Заявлении ТАСС указывалось в этой связи: в советских руководящих кругах решительно осуждают бандитский налет израильской авиации на столицу Ирака и считают, что ответственность за него несут Израиль и Соединенные Штаты Америки, которые вооружают агрессора и оказывают ему всяческую поддержку.

Последней «новинкой» сионистского терроризма стала ставка на наемников-неевреев. В мае 1981 года один из главарей «лиги защиты евреев» Ирвинг Рубин, выступая в Нью-Йорке по телевидению, открыто бравировал своим знакомством с «солдатами удачи» и заявил, что сионисты готовы прибегнуть к их услугам для организации покушений на руководителей Организации освобождения Палестины.

Прошло всего несколько дней, и из Бельгии поступило сообщение: в Брюсселе бывшим наемником убит официальный представитель Организации освобождения Палестины Наим Хадер...

Террористические налеты сионистских бандитов координируются специальным «комитетом безопасности», в который входят члены правительства Израиля и начальник генштаба армии. При планировании террористических налетов комитет «практически не принимает во внимание реакцию мировой общественности, сколь бы отрицательной она ни была», утверждают авторы вышедшей в Париже просионистской книги «Око Тель-Авива». С особым размахом террор и психологическая война сионизма стали проводиться после принятия в 1975 году XXX сессией Генеральной Ассамблеи ООН резолюции, которая осудила сионизм как форму расизма и расовой дискриминации.

К психологическому терроризму следует отнести и типичное для сионистской пропаганды запугивание мировой общественности мощью армии и спецслужб Израиля, степенью воздействия на правящие круги различных капиталистических государств отдельных сионистских организаций и международного сионизма в целом.

Шпионско-подрывная и террористическая деятельность международного сионизма, правящих кругов Израиля и их секретных служб направлена на разжигание в различных регионах нашей планеты очагов напряженности, на подрыв добрососедских отношений между народами, загрязнение международной политической среды. Эта деятельность отвечает интересам военно-промышленного комплекса, наиболее воинственных кругов империализма.

Навсегда утративший историческую инициативу, бессильный повернуть вспять развитие мира, империализм все чаще делает ставку на удары из-за угла, на заговоры, террор и подрывную деятельность, все старательнее маскирует реакционные цели своей политики. Однако подобная тактика обречена на провал.

Политика правящих кругов Израиля противоречит интересам всех народов мира, в том числе народа Израиля. Эта политика не имеет будущего.

З. ЗОЛОТОВА

МОЙ ПАПА ПЬЕТ...

Многое сделано и делается для борьбы с пьянством — самым уродливым явлением нашей жизни. Но тем не менее проблема алкоголизма существует. Отношение общества в целом и каждого из нас в отдельности — вопрос, связанный в первую очередь с воспитанием и культурой человека. Он неоднократно поднимался на страницах «Огонька». Огромный резонанс у читателей вызвал очерк Н. Кожевниковой «Несчастный случай?» (№ 51 за 1980 г.). Сегодняшняя редакционная почта заставила нас возобновить разговор о главной стороне дела — нравственной.

Согласимся, нет на свете родителей, желающих видеть своих детей алкоголиками. Откуда же появляются пьяницы? Не в семье ли, не в воспитании зарождаются истоки нравственных потерь и неизмеримого ущерба, которые пьянство принесло и приносит обществу?

Письма читателей — свидетельство тому. Чаще всего пишут матери, обеспокоенные судьбой детей, некоторые просят не называть настоящих фамилий, совестно перед людьми, вдруг узнают.

«Мне двадцать лет. Вышла замуж два года тому назад по любви. Жили душа в душу, если не считать ссор из-за того, что свекровь иногда выпивала. Через некоторое время Витя, так зовут моего мужа, тоже начал пить. Мне казалось, что семью спасет только ребенок. Но вот родился сын. Витя так радовался, принес в роддом цветы, что очень редко у нас в деревне зимой. Ездил специально за ними в Челябинск. Кажется, куда уж лучше, он так любит нас с Женечкой. Но через несколько недель опять начал пить, придираться по мелочам, делать все назло. Трезвый — добрый и помощник хороший, пеленки постирает, полы помоет. Женечке сейчас девять месяцев. Он ничего не понимает. Я просто истерзалась, не лучше ли ребенку расти без отца? А если Женечка пойдет по его пути? Мама говорит: «Уходи, проживем как-нибудь, поможем». А я не хочу «как-нибудь», к тому же я люблю Виктора. Посоветуйте, как жить».

Г. Колесникова
Челябинская обл.

Можно подсчитать ущерб от простоев и брака на производстве, от прогулов и опозданий, автомобильных аварий, связанных с пьянством. Но какой мерой измерить, на каких весах взвесить горе и страдания, которые пьяница приносит матери своей, детям, жене, окружающим?

Как-то в редакцию пришла Нина Николаевна Белкина. Взволнованная, расстроенная, долго не могла говорить. Выяснилось, что она мать шестерых детей. Муж, бывший военнослужащий, спился. Семья распалась. Как всегда, беда одна не приходит. Трагически погиб сынишка. С Ниной Николаевной случилось несчастье — попала под трамвай. После лечения работала на двух работах: сами понимаете, дети. Сейчас все сказалось — работать не может. Забота о младших братьях и сестрах, о больной матери легла на старшую дочь. Ей только семнадцать. Техникум пришлось бросить, заработок ее — основной в семье. Больная, потрясенная случившимся Нина Николаевна не нашла сил даже инвалидность оформить. Каким судом судить «главу» этой семьи, переложившего отцовские заботы на детские плечи?

Нас огорчают серые, испитые физиономии в автобусе и метро, около магазинов и кинотеатров. Но в семье пьянство особенно мучительно. «Ежедневные выпивки и скандалы,— пишет читательница из Темиртау,— привели к тому, что муж мой стал для меня обузой, тяжким бременем. Бросит зарплату на стол, разумеется, если пропить не успел, и все дела».

И получается, что заботы и радости, которые природа и общество возложили на двоих, зачастую женщина несет одна. Откровенно говоря, многие мужчины считают, что нравственное воспитание ребенок получает с молоком матери, что главная обязанность отца — поддержать семью материально. Возможно ли вырастить сына настоящим мужчиной, с чувством собственного достоинства, трудолюбивым и отзывчивым, когда отцовские чувства разменяны на горькое похмелье? Именно отцам, попавшим под влияние «зеленого змия», хочется напомнить, как тяжело дети переживают ваше падение, теряя любовь и веру в человека.

«В самом деле, как хочется ребенку, чтобы отец его был личностью сильной, ярко выраженной, умеющей быть ответственной,— писал В. А. Сухомлинский.— Если бы каждый отец знал и понимал, какую огромную потребность в нем испытывает ребенок, как он хочет, чтобы рядом был мудрый и мужественный мужчина!»

К великому сожалению, судьба часто складывается не по-писаному, труднее и суровее. Поэтому так переживает Галя Колесникова, стараясь сохранить семью. Дела семейные тонкие, деликатные. Советы давать трудно. Право Гали — жены и матери — решить, оставаться ли ей с Виктором, отцом ее девятимесячного сына, или уйти.

Как быть? — спрашивают наши читательницы. Развестись? Значит, вековать одной. Не так просто построить новую семью, да еще если ребенок на руках. Ребенок, кровиночка, и ...сирота при живом отце. Терпеть? Значит, есть семья, ты — жена. Все по-людски. И все-таки не по-людски: страх, побои, унижение. И тоже безотцовщина. Но только «скрытая». Есть такой термин, когда говорят об отцах, которые формально числятся отцами.

Да, мы за семью, но за здоровую, прочную и дружную семью. Семья наша под защитой государства, это записано в Конституции. Но никто и никогда не упрекнет женщину, если она ушла от мужа, который не прекращает пьянство. Вполне обоснован страх матери, что жизнь у сына пойдет по пословице «каков отец, таков и молодец». Как правило, морально-психологический климат пьющей семьи толкает ребенка на такой путь.

Вспоминаю, как мой сосед шестилетний Вовка на вопрос, как отдыхалось летом, прокричал на весь двор: «Здорово отдыхали, потому что мой папка больше не пь-е-ет...» И через секунду скрылся на новеньком велосипеде. От Вовкиной радости мне стало не по себе.

Недавно ко мне пришел тот же Вовка, ему уже двенадцать. Вытянулся, повзрослел. Чувствую, что-то неладно — смотрит в сторону. И вдруг, осмелев, протягивает пять рублей, умоляя купить для папы «два портвейна». Добавил почти в слезах: «Мне в магазине не дали, а папа велел без вина не возвращаться»... Ненадолго хватило Вовкиного папы. Да и самого Вовку уже несколько раз я видела с его ровесниками «навеселе».

— Нет другой такой опасности для здоровья ребенка, как вино и водка,— считает детский психиатр, кандидат медицинских наук Лидия Яновна Висневская.— У ребенка самые малые доли спиртного наносят вред мозгу, нервной системе, нарушаются функции, которые должны в момент роста интенсивно развиваться,— речь, память, умственные способности.

Что греха таить, некоторые из детей пробуют спиртное слишком рано. Мы, врачи, встречаем родителей, которые считают, что можно вылечить простуду, поднять аппетит, успокоить ребенка, если ему дать немного вина. Некоторые даже сознательно приучают к алкоголю — пусть будет стойким, когда вырастет. В одной семье семилетний мальчик знал, какое вино подается к рыбе, какое к мясу. Знал не только по названиям, но и по вкусу — к обеду родители наливали ему рюмку вина. Это считалось хорошим тоном, культуру и воспитание родители видели именно в этом. Коля стал пациентом нашей клиники.

Но чаще всего дети сами берут пример с пьющих родителей. Почти у восьмидесяти процентов детей, которых мы наблюдали, родители пьют.

К сожалению, мы должны признать, что алкоголизм «помолодел». Появилась необходимость в подростковых кабинетах при наркологических диспансерах, в подростковых врачах-наркологах. Если случилась беда с вашим сыном, не скрывайте это хотя бы от врачей. Обратитесь к детскому психиатру. В раннем возрасте психика более податлива, лечение проходит легко и дает хорошие результаты,— говорит в заключение Л. Я. Висневская, обращаясь к родителям.

Кто бы ни задумывался, почему подросток тянется к бутылке — учителя, врачи, социологи,— все находят основную причину в ненормальной семейной обстановке. «Пьянство, именно пьянство родителей — главный враг воспитания молодежи,— пишут супруги Грен из Ульяновска.— Часто оно толкает ребят на хулиганские проступки, вина за которые не снимается ни с подростков, ни с их родителей». Дети из «трудных» семей не находят интереса в доме и идут «на улицу». А там порой попадают в психологическую атмосферу нездоровой компании старших, где чувствуют себя на равных.

Пишут наши читатели не только о последствиях пьянства в семье, но и о равнодушном отношении в некоторых трудовых коллективах к тем, кто слишком далеко зашел в привязанности к «зеленому змию». «Для администрации нашего завода,— сообщает Н. Быстрова из Ташкента,— самое главное, чтобы план выполнялся. А каков человек, который его выполняет, никого не интересует. Подчас иной рабочий еле стоит у станка, а с этим мирятся, мало того, сочувствуют, могут и пожалеть, домой отправить». Правильна ли такая постановка вопроса?

Безусловно, одними приказами пьянство не искоренить. Не проще ли предотвратить зло, чем бороться с его последствиями? Думается, не последнее место в решении проблемы занимают трудовое и нравственное воспитание в семье и школе, культура, образование. Кажется, чего уж проще, у тебя дети — воспитывай, учи, сей «разумное, доброе, вечное». Святая обязанность родителей — воспитать подростка, чтобы он не тянулся к рюмке, не когда лишен возможности пить, а когда не будет пить, по словам Л. Толстого, «хотя бы перед ним в его комнате стояло бы вино и он слышал его запах». Ясно, что не такое уж легкое это дело — нравственное воспитание личности, да и быть мудрым отцом дано не каждому.

Государство постоянно проводит систему мер по укреплению здорового быта. Вполне понятно, что одним махом задача эта не решается. Требуется время, настойчивость, терпение и, конечно же, помощь общественности. На XXVI съезде партии отмечалось, что на борьбу с пьянством «должны быть направлены усилия всех трудовых коллективов, всех общественных организаций, всех коммунистов». Создать самое нетерпимое отношение к пьяницам — цель важная и конкретная, для достижения которой есть большие резервы.

Хотелось бы услышать мнение руководителей предприятий, медиков, социологов, представителей торговли, которые занимаются реализацией «хмельной» продукции, экономистов, педагогов, юристов — словом, всех, кто по долгу службы имеет самое непосредственное отношение к решению этой задачи. Особенно полезен опыт каждого, кто уже добился успехов в борьбе с «зеленым змием» в своем трудовом коллективе, на своей улице, в доме.

ДИАЛОГ С САМИМ СОБОЙ

Юрий ЗУБКОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР

Вряд ли есть необходимость сколько-нибудь пространно говорить о трудностях перенесения на площадку сцены многостраничного романа А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина», об экспериментаторском характере спектакля Московского театра имени Вл. Маяковского, дерзнувшего первым дать знаменитой эпопее сценическую жизнь. Это очевидно само собою. Гораздо важнее взглянуть на то, что коллективу безусловно удалось, принесло ему успех и над чем ему, вероятно, еще следует подумать, поработать.

Автор инсценировки Ю. Добронравов и режиссер А. Гончаров, создавая театральную версию по мотивам горьковского романа, пошли по пути раздвоения образа Клима Самгина. Один актер играет сорокалетнего Клима, когда наступило время подводить итоги, а другой — его же в гимназические годы. Сам по себе прием для театра не новый. Около двадцати лет, к примеру, не сходит со сцены Малого театра драма Г. Мдивани «Твой дядя Миша», где мы постоянно видим на сцене двух Ермаковых: зрелого генерала, озабоченного судьбами современных молодых людей, и юного чекиста первых лет революции; так прослеживается становление характера, мужание души... В театральной версии «Жизни Клима Самгина» прослеживаются в соответствии с замыслом великого писателя распад личности, утрата человеком нравственных критериев, дорога к предательству.

В появившихся рецензиях высказывалась мысль о внутреннем раздвоении Клима, о его растерянности перед противоречиями жизни, неспособности выбрать между «нет» и «да». Конечно, наблюдение это справедливо. И все же состояние Самгина не более чем производное от его главного качества — всепоглощающего эгоцентризма. Он потому-то и не может самоопределиться, что и «да» и «нет» требуют от него, ясности и четкости позиции. Требуют определенных реальных действий. Борьбы. А вот этого-то Клим Иванович боится больше всего на свете. Это может ущемить его внутреннюю независимость, а точнее говоря — нарушить его обывательское благополучие, потребительские интересы, заставить изменить бездуховности, возведенной им в принцип безмятежно равнодушного бытия.

Итак, Клима Самгина играют два актера. В зрелые годы — А. Ромашин. В юности и молодости — В. Сальников. Есть в начале спектакля (художник И. Сумбаташвили) момент, когда Самгин—Ромашин взглянет в зеркало, находящееся в глубине сцены, увидит там себя юным, и оттуда выступит Самгин—Сальников. Поразительно сходство между этими двумя Самгиными!.. Внешняя значительность, сдержанность, «интеллигентность» первого и некая «недосказанность», загадочность второго, уже тогда, в юности, умевшего ловко маскировать пустоту души... И начнется диалог Клима Самгина с самим собой, продолжающийся весь спектакль. И представляющий одновременно его диалог с вкрадчивым жандармским ротмистром, которого сочно играет Ю. Горобец. Производя обыск в квартире Самгина, ротмистр предлагает ему сотрудничество с охранкой...

Спектакль, охватывая огромный исторический отрезок — предреволюционные сорок лет,— правдиво и рельефно раскрывает многие противоречия эпохи, духовные и идеологические блуждания представителей самых разных общественных классов и слоев, нравственные истоки ренегатства Клима и ему подобных. Однако обращен спектакль этот не только и даже не столько в прошлое, сколько в настоящее и будущее... Резко, даже яростно, сказал бы я, напоминает он о том, что в противоборстве двух миров не может быть позиции «над схваткой». Она, эта позиция, неизбежно ведет к предательству. Человек, если он хочет осуществить себя как личность, не может замыкаться ни в какой «башне из слоновой кости». Бегство от борьбы не может не привести к духовной деградации и оскудению.

История пустой души, как значится в подзаголовке романа,— это история ее постепенного опустошения под влиянием окружающей Самгина пошлой буржуазной действительности. И в этом смысле наиболее точным и выразительным мне представляется первый акт. Юного Клима и сознательно и бессознательно формируют и его житейски практичная, жаждущая удовольствий мать (актриса И. Домнинская), и его отчим, циничный, нахрапистый Тимофей Варавка (А. Преснецов), и витийствующие на разные манеры о народе, но намертво оторвавшиеся от него — преподаватель риторики Хрисанф Васильевич (В. Вишняк) и писатель Катин (А. Кириллов)...

Среди этих людей, зараженных прокозой сытости и себялюбия, народник Яков Самгин, дядя Клима, с его изжившими себя идеалами — но все же идеалами — кажется нелепым и смешным. Поистине трагикомический образ предстает перед нами в великолепном исполнении Б. Тенина. Поражает своим наивным цинизмом белошвейка Маргарита Н. Гундаревой, удовлетворяющая за те деньги, что платят ей матери, любовные вожделения великовозрастных прыщавых гимназистов. Равнодушно, лениво, сказал бы я, ведет «героиня» Гундаревой любовную игру с Климом... Но тем не менее это игра. С ее перепадами и взлетами... Можно лишь радоваться стремительному росту молодой талантливой актрисы, ставшей за короткий срок зрелым, щедрым на творческий поиск мастером.

Со многими интересными фигурами встречаемся мы и во втором акте. Одни из них перешли из первого, другие появились вновь. Нельзя не сказать о блистательной работе Е. Лазарева в едва ли не трагедийной роли богатого купца Лютова, несущего на себе отблеск булычевской темы; об образе знатной дамы Русьгорода Марины Зотовой, в котором Г. Анисимова подчеркивает и силу и властность, оборачивающиеся в итоге исступленностью и жестокостью хлыстовского радения; растоптавшей самое себя обаятельной Алине Телепневой — Н. Бутырцевой, прошедшей путь от претензий на независимость к «эпатации» общественного мнения; буржуазную публику она услаждает танцами весьма сомнительного пошиба...

Сцена из спектакля.

И все же при всем многообразии и яркости актерских работ, второй акт представляется более дробным, что ли, более калейдоскопичным, чем первый. В первом ясно прочерчивается линия взаимодействия Клима и его среды. Во втором она более идет по касательной. И тут Клим скорее мечется, пугаясь активных действий...

Сцена баррикад, где Клим сталкивается с большевиком Степаном Кутузовым (А. Парра) и товарищем Яковом (В. Власов), которые наделены и смелостью души, и проницательным умом, и настоящим обаянием,— одна из центральных в спектакле. В свете активности, бесстрашия и убежденности Степана и Якова становится особенно ощутимой духовная никчемность Самгина. Однако хотелось бы, чтобы кутузовское начало обрело в спектакле более развернутое и сильное звучание.

Несколько затянувшимся представляется мне диалог адвоката Самгина и жандармского ротмистра. Ведь на улицах Петрограда уже идут схватки семнадцатого года. А ротмистр все еще продолжает уговаривать Самгина сотрудничать с охранкой... Не наивно ли это выглядит?!

В целом же новая работа Театра имени Вл. Маяковского заслуживает глубокого уважения и активной поддержки. Спектакль побуждает нас к извлечению уроков из прошлого. И дает нам эти уроки в образной, художественной форме. Уроки, необходимые и важные в жизни сегодняшней.

Олег ШМЕЛЕВ

БУДЬТЕ МУЖЧИНАМИ — НЕ ЦЕЛУЙТЕСЬ НА ПОЛЕ

Футбольный мяч поставлен на одиннадцатиметровую отметку. В воротах, подобно взведенной пружине, застыл вратарь. Игрок, приготовившийся исполнять пенальти (предположим, № 6), разбегается. Удар — гол.

Не такое уж великое событие, не правда ли? Но посмотрите, что произошло с № 6 и его товарищами по команде. Он потрясен до глубины души — так не радуются даже новоиспеченные отцы, узнав о рождении желанного сына. № 6 сначала подпрыгивает в небо с победным кличем, а затем

валится на траву и катается так, словно хочет накрутить на себя весь зеленый газон. Его сокомандники бросаются друг другу в объятия и целуются. Такое впечатление, что половина из них вернулась из опасного кругосветного плавания, а другая половина с нетерпением ждала на берегу год или два.

Естественно, столь пылкое проявление страстей на поле не оставляет спокойными болельщиков команды, забившей гол. Трибуны разражаются диким воплем восторга. И надо считать счастьем, что вопят восемнадцатилетние юнцы, которым еще далеко до инфарктного возраста, иначе трибуны покрылись бы бездыханными телами.

Вот такое потрясающее действие может, оказывается, произвести даже гол, забитый с пенальти. Легко себе представить, как оно усиливается, если мяч закатили в ворота с прострельной передачи. Остается только удивляться, что игроки после этого не падают в обморок.

Или вот еще картинка. В переполненном Дворце спорта встречаются две популярные хоккейные команды. Одна в синей форме, другая — в белой. Закончив разминку, за минуту до начала матча синие собираются у одних ворот, белые — у других. Игроки образуют тесный круг и, согнувшись пополам, сдвигают головы в шлемах, издавая при этом звук упавших кеглей.

Что они там делают? Шепчут ритуальные заклинания? Или дают клятву бороться, как львы? Неизвестно. Но на легковерного зрителя это производит впечатление некоего магического обряда, в котором дано участвовать только существам высшего порядка, а простым смертным все это так же недоступно, как беседы олимпийских богов.

Солидным людям смотреть на такие сценки на футбольных и хоккейных полях тошно. И вовсе не потому, что они не умеют сильно радоваться или огорчаться. Нет, тут дело совсем в другом. Наверное, никто не будет спорить с известным утверждением, что игроки своим поведением воспитывают зрителей, а зрители — игроков. Но все же педагогическая, так сказать, сила и власть спортсменов больше власти трибун. Ибо на то он и зритель, чтобы смотреть. Как и в театре, он на стадионе участвует в действе, но пассивно. Активная роль принадлежит игрокам.

Можно без всякого риска биться об заклад, что самое ничтожное из нарушений футбольных правил, совершаемое игроком и показываемое телевидением на всю страну, способно нанести гораздо больший моральный вред, чем, скажем, неэтичное поведение какого-нибудь отдельного несознательного гражданина в трамвае или автобусе, где едут женщины и дети. Например, судья свистнул, назначил штрафной, а провинившийся игрок, вместо того чтобы хотя бы оставить мяч на месте нарушения, откидывает его ногой метров за тридцать. Это мелко, а потому недостойно человека, уважающего себя и своего соперника. Но это приносит выгоду во времени (пока мяч доставят на точку штрафного удара, провинившийся успеет занять нужную позицию). А мальчишки сидят у телевизоров и мотают на ус весьма сомнительные истины типа «в борьбе все средства хороши», которые потом не вытравишь никакими словесными нравоучениями.

Откуда же завелось у нас это целование на поле по поводу реализованного пенальти и коллективное моление у хоккейных ворот? Ведь было время, когда футболисты считали гол, забитый с одиннадцатиметрового, как бы неполноценным голом и испытывали чувство неловкости перед командой соперников, а уж целоваться из-за такого гола и из-за любого иного никому и в голову не приходило.

Футболисты для того и играют, чтобы забивать голы. Почему-то, скажем, токарь, выточив обыкновенную деталь, которую ему задали выточить, не оглашает родной цех воплем восторга и другие токари не устраивают по этому поводу кучу малу.

Новомодные обычаи переняты у зарубежных профессионалов. И зря. Там это идет из желания обставить любое зрелище как можно большим количеством шумовых, рекламных и прочих эффектов и в немалой степени из стремления профессиональных спортсменов набить себе цену (раз футболист впадает в столь неописуемый восторг, поразив ворота соперника, значит, это безумно трудно сделать — именно так должна понимать публика). Но нам-то это зачем?

Наверняка у подавляющего большинства зрителей вид целующихся на поле атлетов вызывает неприязненное чувство. Но ажиотаж на поле откликается ажиотажем неоперившихся юнцов, и вот уже в печати появляются совершенно справедливые письма читателей, возмущенных разнузданным поведением болельщиков, а на спортивных и неспортивных сооружениях и даже на крышах троллейбусов возникает варварская нахальная живопись, от которой шарахаются нервные люди.

Нет, недаром поется, что «в хоккей играют настоящие мужчины» (тоже и в футбол, и в регби, и в гандбол, и баскетбол, и т. д.). Наши спортсмены — настоящие мужчины, только не надо им об этом забывать. Не следует при всем честном народе в сердцах плевать на траву или на лед, когда ты не согласен с решением судьи, не надо горестно воздевать руки, когда оказался в офсайде, прося сочувствия трибун, не причличествует рыцарю спорта сбивать с ног соперника, не владеющего мячом. Всегда надо помнить, что на тебя смотрят в этот момент миллионы и что действия твои имеют колоссальную воспитательную силу.

В ПЕДА

Игорь ЧЕРВЯКОВ

— И кто их сотворил, теперешних детушек! Где вкус к жизни?! Почему патологически вопящие пластинки и тупое созерцание телевизора вкупе с бессмысленным пережевыванием резинки заменили им живой мир? Ведь мы же на даче. Так побеги на пруд и бултыхнись в самую что ни на есть глубину, подерись с деревенскими пацанами, мучайся животом от неспелой малины, растопчи укропную грядку, гоняясь за жабой, удавлень! Почему тебя не кусают собаки, не бодают коровы и тебя, свалившегося в колодец, не надо спасать?— Таким желчным монологом сопровождал ужин своего сына Федора наш общий знакомый Аполлинарий.

На дворе было темно и душно, под дырявым абажуром мельтешила мошкара, Федор тщательно пережевывал пищу.

— Мы в его годы самопалы делали,— вступает дедуля.— Разрядишь, бывало, двенадцатидюймовый снаряд, высыпешь из гильзы порох...

— Ха, самопал!..— кривится Аполлинарий.— Это ж руками надо работать! Он хотя бы рогатку смастерил... Нет, действительно, Федор, почему бы тебе не сделать рогатку и не подстрелить, например, сороку, а?

— Человечество уже подстрелило сороку собственной жизни, и из этой экологической пропасти нет возврата,— ответствует Федор, принимаясь за чай.

На некоторое время воцаряется молчание. Затем дедуля, будто вспомнив что-то, хлопает себя по лбу:

— А ты когда-нибудь пробовал воровать яблоки из чужих садов, Федя?

— Да-да, яблоки! — осененный идеей, подключается Аполлинарий.— Ну, ответь, пробовал? Ты знаешь, как колотится сердце, когда сигаешь через забор, крадешься к высмотренному днем дереву, трясешь его и невидимая в темноте добыча стучит о землю. Ты захлебывался от восторга и боязни, набивая холодные шары за майку? Ты знавал преодоление страха?! Ты чувствовал сладкую кислятину украденного плода? Тебе никогда не хотелось подарить однокласснице добытое в чужом саду яблоко?

— Воровать дурно, фатер,— назидательно поднимает указательный палец Федя.— Так учат основополагающие документы нашей эпохи, а равно библия и коран.

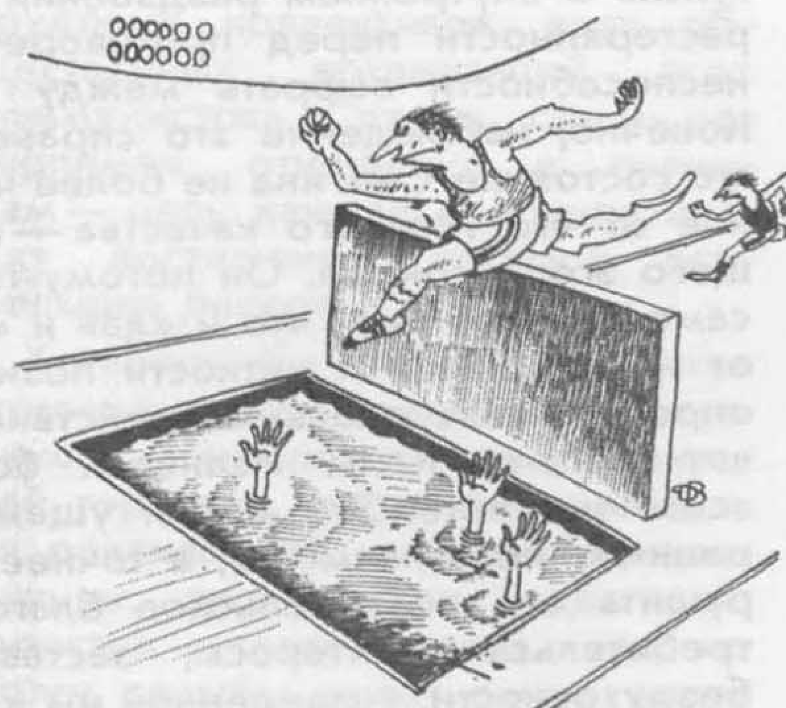

Рис. В. ДУБОВА.

ГОГИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ...

— Вот он, маменькин сынок! — хватается за голову дедуля.— Бабский воспитанник!..

— Трус! — бросает обидное слово Аполлинарий.

— Благоразумие не есть проявление трусости,— стоит на своем Федор.

— И тем не менее слабó тебе отведать яблок из сада этого куркуля Зарубко, ведь слабó, а? Признайся, пока матери нет!..

— Да куда ему, этакому мешку,— подливает масла в огонь дедуля.— Он и через забор-то не перелезет — зависнет, как судак на крючке.

Ну нет, и нынешние тринадцатилетние отличники могут превысить предел необходимого благоразумия!

— Идемте грабить Зарубко!— воинственно вскричал Федор, вскочив из-за стола и напяливая сомбреро.

— О господи! — убито простонал дедуля.— Да кто же надевает шляпу, собираясь в чужой сад?! Дитя...

Аполлинариевский сын послушно снял неуклюжий головной убор, и трое мужчин тихо выскользнули из дома. Дачный поселок отходил ко сну: скрипели затворяемые ставни, выключались приемники и магнитофоны, гасли огни, на центральную улицу выпархивали влюбленные, чтобы, встретившись, юркнуть в проулок. Маменькин сынок, дедуля и Аполлинарий прильнули к дощатому забору, высматривая, не мелькнет ли тень куркуля Зарубко под его гордостью — белым наливом. Но все было тихо. Безлунная ночь благоприятствовала готовящемуся правонарушению.

— За мной!— скомандовал Аполлинарий.— Дедуля на атасе.

Аполлинарий подтянулся на заборе и перевалился на территорию куркуля. Федор без тени сомнения последовал за ним. Отец и сын крались к заветному дереву.

— Дальше — один! — жарким шепотом напутствовал маменькиного сынка Аполлинарий, прячась за густой куст черноплодной рябины.

Федор вцепился в ствол яблони и рванул что было сил. Крупные белые плоды застучали по ухоженной земле. Федор рванул другое дерево, и неожиданно все пространство сада озарилось ярким светом упрятанных в листве прожекторов. И тотчас дедуля за забором жутко засвистел в четыре пальца, призывая спасаться. Лязгнул засов в доме. Федор — откуда что взялось! — пролетел мимо Аполлинария подобно пушечному ядру. Отец бросился за сыном, но секунды были потеряны. Едва он прыгнул грудью на забор, как раздался зловещий окрик:

— Стой, стрелять буду!

Аполлинарий сполз с забора, забыв опустить руки. Дедуля и сынок, круша посадки, уходили задами.

— Аполлинарий? — изумился Зарубко, разглядев задержанного.— Не по-соседски, право, не по-соседски...— Зарубко не отводил ружья. Аполлинарий не опускал руки. Была его очередь говорить, но он не представлял что.

— Придется тебя, соседушко, крапивкой, як школяра, поучить,— решил куркуль и взялся за свеженадерганный пучок.

— Да я... — пискнул было Аполлинарий, но Зарубко был неумолим:

— Сымай штаны!

— Да я же в педагогических целях!.. Понарошку...— заслоняясь ладонями, заторопился злоумышленник.— Сынок у меня ни рыба ни мясо... Дал почувствовать мужское начало... Аромат мальчишеской романтики... Ведь девкой растет, тюха.

— Девкой, кажешь? — заинтересованно переспросил Зарубко и опустил берданку.— Давай, сосед, до хаты, разговор есть. У меня же ж внучок Грицко — копия твой сынок. Крестом вышивать навострился. Призы в Доме пионеров берет!.. Точно баба, а не хлопчик!..

— Девка... — смягчил Аполлинарий...

Домой Аполлинарий вернулся далеко за полночь. На немой вопрос ожидавших его дедули и сына хвастливо заметил:

— Я с этим куркулем крепко поговорил. По-мужски! Запомнит надолго, ей-богу!

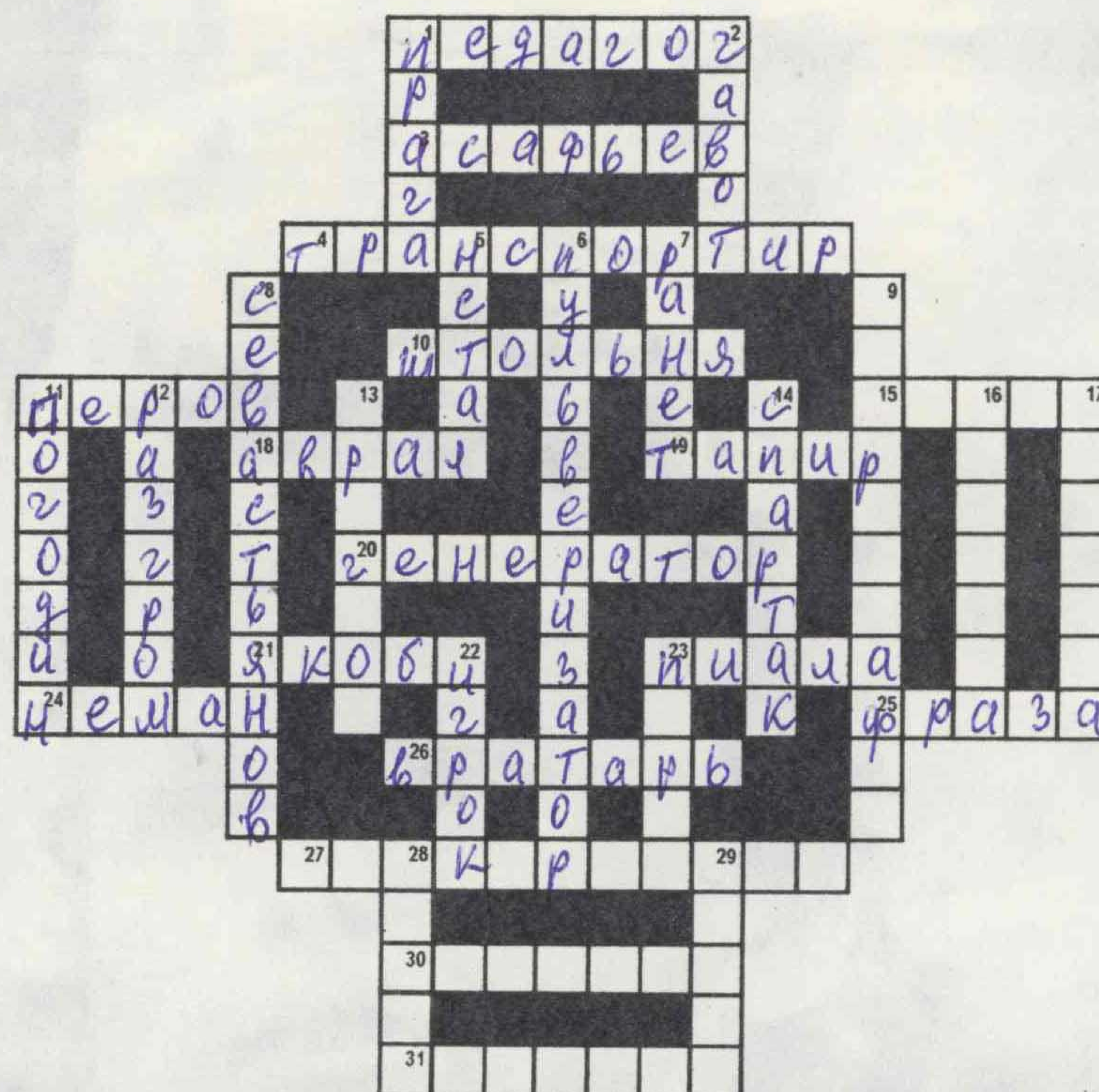
От героя изрядно тянуло домашней вишневкой, смешанной с яблочным сидром. В руках он держал корзинку с белым наливом. Тем самым...

Следующим вечером Федор пробрался к забору куркуля и выдавил сучок в смолистой доске. На террасе сидели: сам куркуль, сын куркуля и внук Григорий. Старший Зарубко возбужденно расхаживал по скрипучим половицам. Руки его интенсивно жестикулировали. До слуха Федора отчетливо донеслось:

— ...Вот слабó тебе отведать яблок из сада того же, к примеру, Аполлинария, а? Ведь слабó?! Признайся, пока матери нет!..

Рис. Н. ЕЛИНА.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Преподаватель, учитель. 3. Композитор, автор балета «Бахчисарайский фонтан». 4. Чертежный прибор. 10. Подземная горная выработка. 11. Художник-передвижник. 15. Река в Великобритании. 18. Одновременная работа на судне всей команды. 19. Непарнокопытное животное, обитающее в тропических лесах Америки и Юго-Восточной Азии. 20. Машина, вырабатывающая электричество. 21. Русский физик, электротехник, академик. 23. Фарфоровая или фаянсовая чашка без ручки. 24. Река на западе СССР. 25. Законченное высказывание, предложение. 26. Участник футбольной, хоккейной команды. 27. Оптический прибор для визуального наблюдения излучения. 30. Действующее лицо пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». 31. Ансамбль музыкантов-исполнителей.

По вертикали: 1. Столица европейского государства. 2. Старинный французский танец. 5. Порт в Бразилии на берегу Атлантического океана. 6. Прибор для разбрызгивания жидкостей. 7. Сорт яблок. 8. Советский космонавт, дважды Герой Советского Союза. 9. Наука о составе и происхождении горных пород. 11. Драматург, лауреат Ленинской премии. 12. Роман А. А. Фадеева. 13. Название советского искусственного спутника Земли. 14. Всесоюзное спортивное общество. 16. Рельефная копия штампа. 17. Рассказ А. П. Чехова. 22. Опера С. С. Прокофьева. 23. Остров в Эгейском море. 28. Старейший ледокол арктического флота. 29. Советский научно-популярный журнал.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали: 1. «Ягненок». 4. Теорема. 5. Повар. 6. Насос 8. Буханка. 11. Куплет. 13. Палица. 15. Штиль. 16. Дарлинг. 17. «Арсенал». 18. Среда. 19. Втулка. 20. Период. 21. Лаванда. 24. Рельс. 25. Отсек. 26. Каталог. 27. Ванадий.

По вертикали: 1. Ястреб. 2. Европа. 3. Кванза. 5. Перпендикуляр. 7. Семипалатинск. 9. Хетагуров. 10. Налбандян. 11. Комаров. 12. Теплица. 13. «Перекоп». 14. Архимед. 21. Лесков. 22. Асмара. 23. Апогей.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Отличники ВМФ главный старшина А. Глаголев и старшина II статьи П. Родин.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Корабль на воздушной подушке.
(См. в номере материал «Атака с моря».)

Фото А. Награльяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 03.07.81. Подписано к печати 21.07.81. А 05151. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1542. Заказ № 833.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Так назывался фотоконкурс, в котором мне довелось принять участие.

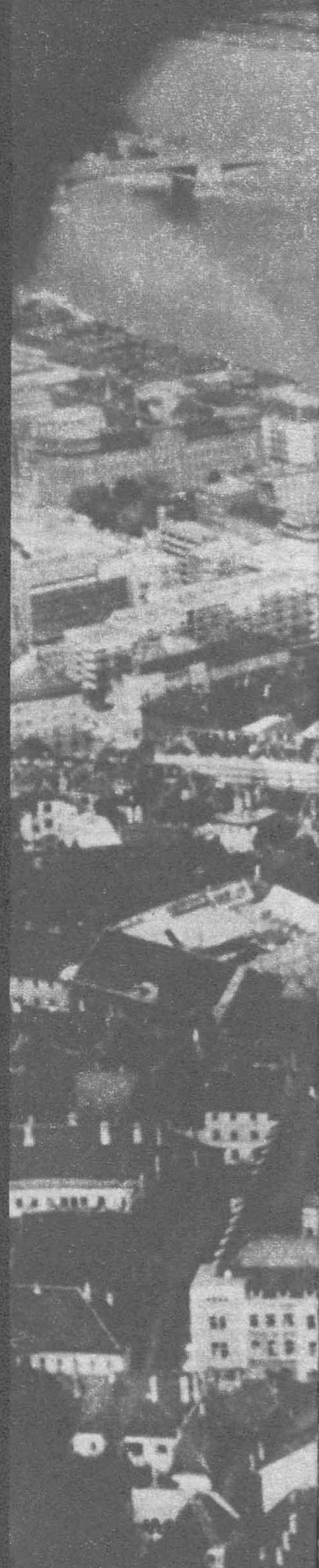
Организаторы его — Государственное учреждение по туризму ВНР и Союз венгерских журналистов пригласили на семь дней в качестве гостей сорок три фотокорреспондента из пятнадцати стран мира.

По условиям соревнования каждый должен прислать не менее тридцати фотографий, сделанных в Будапеште. Выбор тем был свободным. Жизнь многоликого города, его прошлое, увековеченное в камне, репортажные фотографии о буднях страны, театры, музеи, молодежь, моды, туристы, места развлечений и река Дунай — все это и многое другое мог выбрать каждый из нас.

Были организованы полеты над столицей — это дало возможность сделать интересные фотографии с воздуха.

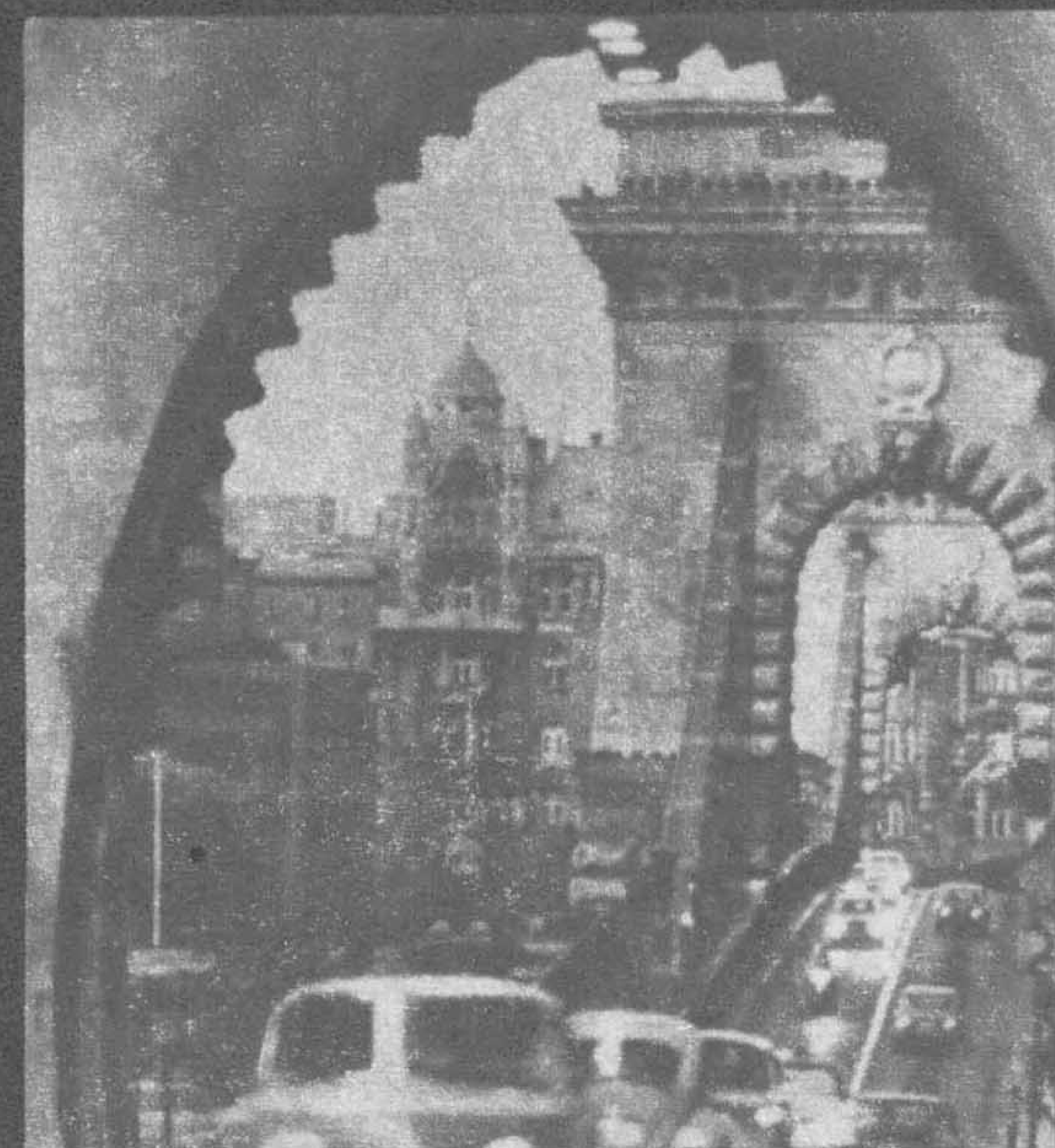
Результаты конкурса станут известны в сентябре, когда соберется представительное международное жюри. Сейчас, разбирая все, что удалось сделать за этот маленький срок в Будапеште, еще раз вспоминаешь встречу с удивительным городом — жемчужиной Дуная.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

БУДАПЕ

Въезд на Цепной мост.

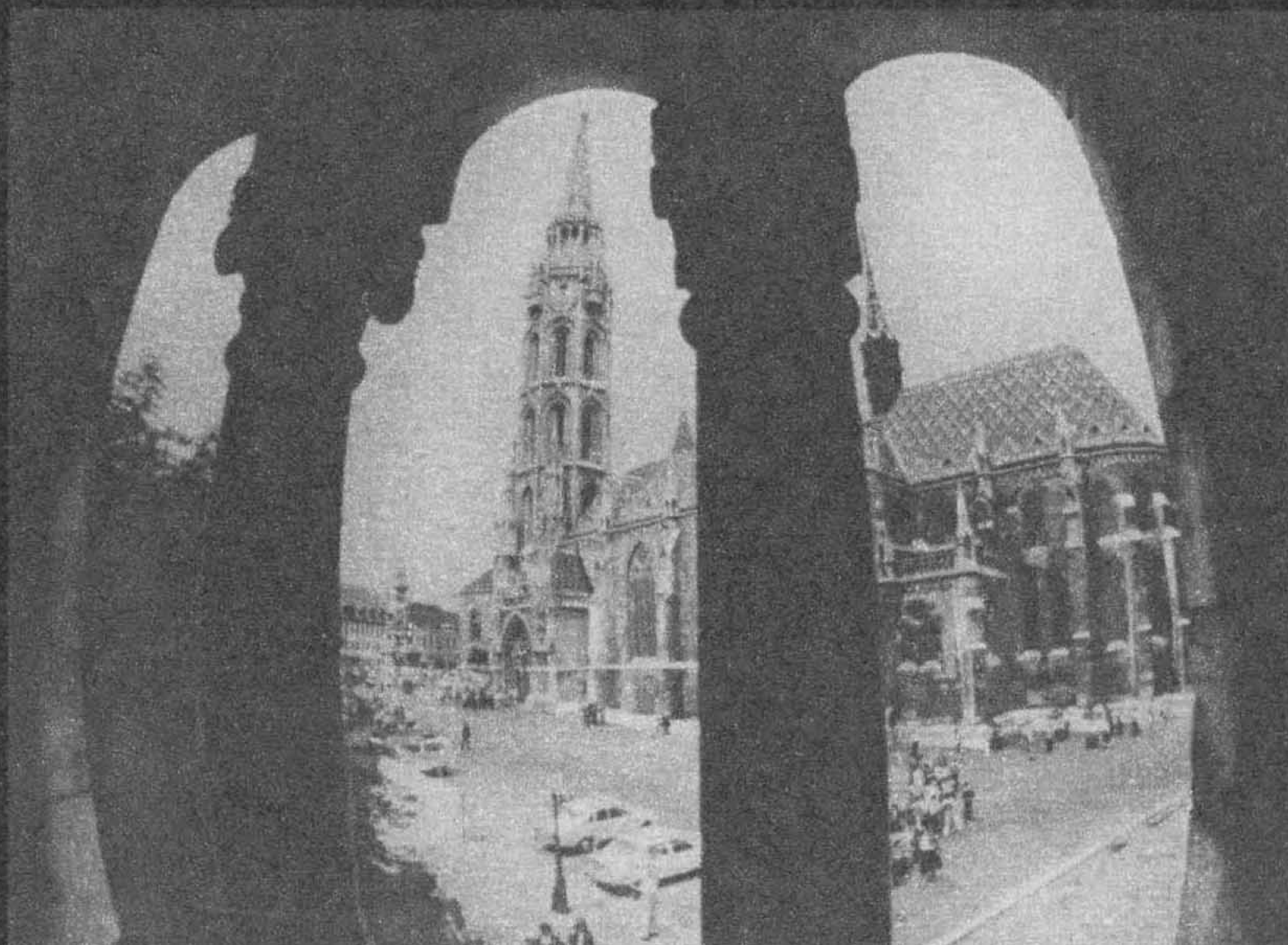
Он живет в этом городе.

Венгерская столица с воздуха.

ШТ – ЖЕМЧУЖИНА ДУНАЯ

Веселый парк.

Церковь Матьяша (XIII—XV века).

Современная мода.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663